

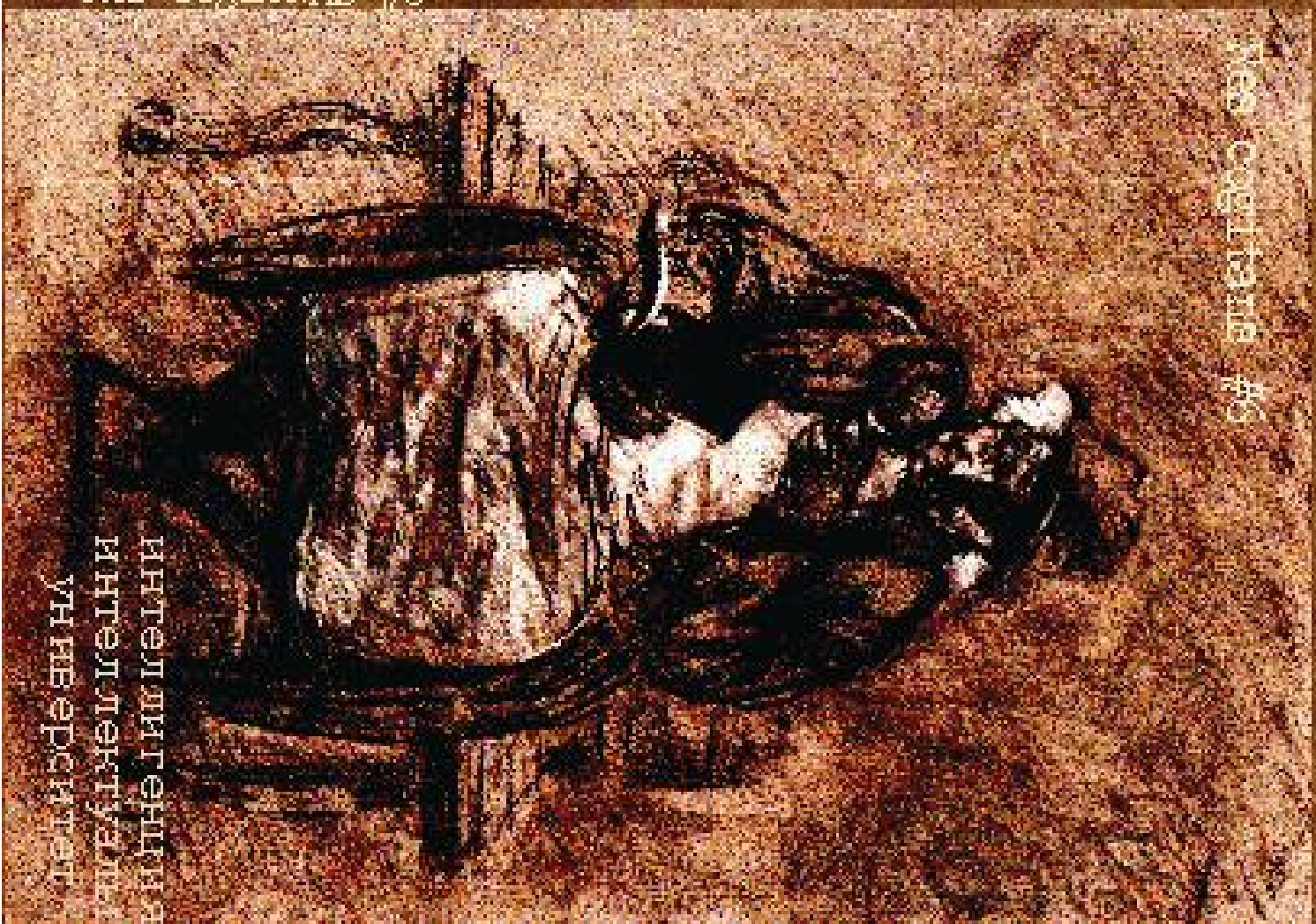

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ИНТЕЛЕКТУАЛЫ
УНИВЕРСИТЕТ

Res cogitans #6

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ИНТЕЛЕКТУАЛЫ
УНИВЕРСИТЕТ

Res Cogitans #6
теоретический альманах

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
УНИВЕРСИТЕТ**

**“Книжное обозрение”
Москва — 2009**

УДК 323.329 + 378.4 (059)
ББК 66.3(2)113 я43
и73

Альманах выходит при поддержке благотворительного фонда
“МИЛОСЕРДИЕ”
и неформализованного содружества
“НОВЫЕ ПИСАТЕЛИ РОССИИ”

Главный редактор альманаха – *Михаил Богатов*

Интеллигенция. Интеллектуалы. Университет: теоретический альманах “Res cogitans #6”. — М.: ИД “Книжное обозрение”, 2009. — 178с.
ISBN 5-86856-194-5

Шестой номер альманаха “Res cogitans” посвящен столетнему юбилею “Вех”. В данном номере рассматриваются темы: русская интеллигенция, современное понимание ее положения; отечественное и западное понимание роли интеллектуалов в современном мире; задачи и роль университетов сегодня. Для философов, историков, культурологов, широкого круга гуманитариев.

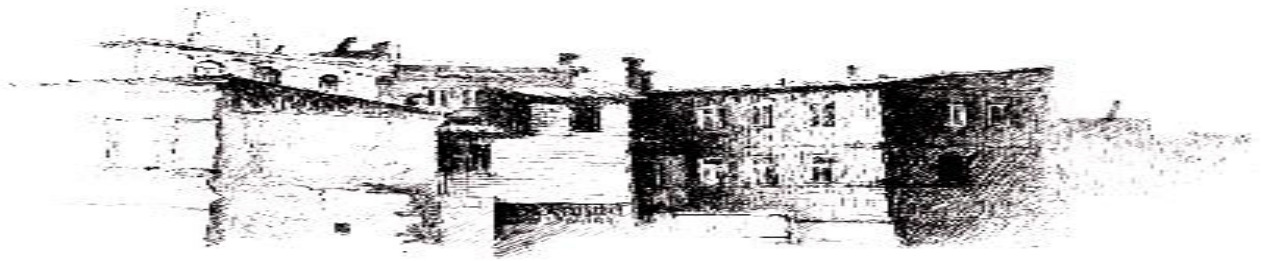
УДК 323.329 + 378.4 (059)
ББК 66.3(2)113 я43
и73

Все права на публикуемые тексты принадлежат авторам и их наследникам

В оформлении альманаха использованы работы
Нatalьи Красильниковой

ISBN 5-86856-194-5

© Коллектив авторов, 2009
© Наталья Красильникова, 2009
© “Книжное обозрение”, 2009

От редакции	[4]
[11]	<u>ТЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ</u>
<i>Сергей Сергеев</i> Еще раз о русской интеллигенции	[13]
<i>Всеволод Сахаров</i> Масонство как источник и составная часть идеологии русской интеллигенции	[20]
<i>Юрий Колкер</i> Семеро, не победившие миф: в чем главная неправда <i>Vex</i>	[27]
<i>Юрий Епанчин</i> Интеллигенция накануне “триумфа”	[46]
<i>Владимир Белов</i> Интеллигенция и церковь	[54]
<i>Алек Эпштейн</i> “Предатели Родины” как эксперты по “преданной” Родине: феномен российских ученых-гуманитариев в эмиграции	[59]
[69]	<u>В ТЕМУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ</u>
<i>Вадим Дементьев</i> Мастер, Проффессионал, Специалист в прозе Михаила Булгакова	[71]
<i>Сергей Оробий</i> Дмитрий Галковский как зеркало русской интеллигенции: смена ракурса	[83]
<i>Александр Синицын</i> Звено в цепи кафедральной родословной: И.И. Вейцковский и кафедра истории древнего мира Саратовского университета в 1937-1941 гг.	[92]
[127]	<u>ТЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ</u>
<i>Александр Михайловский</i> К истории интеллектуалов в Германии: проблемы описания и современные тенденции	[129]
<i>Марина Корецкая</i> Интеллектуалы и власть. Эпизод I: кризис античной пайдеи	[142]
<i>Михаил Богатов</i> Интеллектуалы в полисе: неплатоновские сюжеты	[151]
[159]	<u>ТЕМА УНИВЕРСИТЕТА</u>
<i>Казимир Твардовский</i> О достоинстве университета	[161]
<i>Пётр Сафронов</i> “Удаляя всякую пестроту”: история и философия русского университета	[170]

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестой номер теоретического альманаха “Res cogitans” посвящен сразу трем темам: *интеллектуции, интеллектуалам и университету*. Изначальная интуиция, позволяющая увязать эти рубрики в одну, могла бы быть развернута в следующем виде. *Во-первых*, в 2009-ом году исполнилось столетие со времени издания “Вех”, уповавших на философский ум (или просто: на ум) который мог (и может) что-то изменить в *здесь и сейчас*, и, как это всегда и бывает, уже *само такое упование* может стать событием – в истории мысли и государства. Перед нами век от “Вех” – время проводить полную инвентаризацию упо-ваний на философию. Именно этим и занимается с переменным

успехом российская общественность, когда, например, разбиралась со зданием Института философии РАН, с ролью интеллектуалов в том, что можно было бы назвать строительством и поддержанием гражданского общества России, и с целым рядом иных тем, как правило, увязываемых с политической философией.

Во-вторых, благодаря происшедшим в 90-е событиям, благодаря переводческим проектам, познакомившим нашу читающую и думающую публику с достижениями философии XX века, в наш лексикон вторгается слово “интеллектуал”, привнося с собой в значение философии какой-то технический, незаинтересованный, безличный элемент, делающий философию *деятельностью в ряду других деятельностей*. Странным образом, академическая среда оказывается во многом не готовой к такому “бесчеловечному” повороту событий, и вместо того, чтобы, как говорит *ДМИТРИЙ КРАЛЕЧКИН*, выработать “имманентные критерии успеха философии”, выработывает совершенно бездейственные меры “возвращения назад” – по меньшей мере, так это весьма небезосновательно ощущается *здесь и сейчас*.

В-третьих (и это, собственно, уже вытекает из предыдущего), сегодня место обитания философов так или иначе связано с Университетом – либо потому, что они там *работают*, либо потому, что они там *не работают*, хотя скорее всего там происходит и то, и другое *сразу*. В первом случае заботы текущие представляются делом самой философии, во втором случае заходит речь о том, что надо-таки научиться отделять плевела от зерен, и честно себе сказать, что философия возможна “вне” университета, более того, *в университете она уже невозможна*. Думается, что полемика подобного рода чрезвычайно непродуктивна, это вновь лучший способ походить вокруг да около, полагая, что от такого хождения появится само собой то, вокруг да около чего ходишь. Впрочем, об этом уже достаточно было высказано в прошлом номере, посвященном теме провинции.

В ходе работы над данным номером сложилось такое впечатление, что тема интеллектуции сегодня может быть живой как минимум по двум осно-

ваниям, если исключить из рассмотрения “прямую” заинтересованность ею, каковая наблюдалась *одним* образом на переломе XIX-XX вв. и *другим* – в советские годы. Причем, стоит помнить, что наличие этих двух “прямых” способов интереса к теме уже заставляет усомниться в какой-либо “прямоте” в данном отношении. *Первый способ* актуализации темы (который фактически осуществляется рядом авторов этого номера) состоит в том, чтобы опираться на существование интереса к теме интеллигенции как к чему-то само собой понятному, будто человек *не может не интересоваться* этим вопросом. Исследовать условия подобного подразумевания с ходу не так-то и просто, однако есть предположение, что корни его сможет обнажить качественный социологический анализ (в частности: заброшенность научных кадров в годы “перестройки”, девальвация авторитета научного работника и представителя сферы образования, связанная с отсутствием какой-либо избирательности – от поступления в вузы и до присуждения ученых степеней и званий, низкая заработная плата и т.д.). В любом случае, можно пока констатировать это первое основание актуальности нашей сегодняшней темы как чего-то само собой разумеющегося, будто вопрос о необходимости к ней обращаться никогда и не снимался.

Второе основание актуальности, которое заявило о себе и которое можно проследить тематически, заключается в том, что тема интеллигенции, только будучи заявленной, не позволяет говорить о своем предмете иначе, чем привлекая то, что к ней не очень-то и относится. Иначе говоря, эта тема чрезвычайно вместительная, не в том смысле, что она многое в себя вмещает, а в том, что ее можно наполнить чем угодно, и, в первую очередь, тем, что в данный момент более всего волнует автора, работающего над ней. Так увиденная, тема интеллигенции, периодически реинкарнируемая отечественной издательской политикой, служит хорошим средством мониторинга или попросту говоря: сканирования того, что сегодня наличествует в интеллектуальной среде, но, несмотря на свое наличествование, не находит выхода. Периодическое обращение к теме интеллигенции позволяет “снимать сливки” с тех вопросов, которым, для их раскрытия, нужна какая-то “нейтральная отдушина”.

Если мы попробуем теперь объединить эти два основания актуальности темы, то увидим, что сегодня есть собственный способ ставить эту тему (и в этом смысле предполагать ее всегдашнюю актуальность – значит поступать справедливо), и заключается он в том, чтобы выговорить то, чего не позволяют уже ни грантовые заявки, ни госстандарты Минобраза, ни общение с коллегами.

Но у этой темы есть и обратная сторона, на которой интеллигенция и все, что связано с этим словом, предстает ничем иным, как неким старческим брюзжанием в мире интернет-блогов, анонимных юзеров, нахватанной эрудиции и фаст-фуда. В этой связи необходимо помнить, что выражение “все зло от интеллигенции” родилось отнюдь не сегодня (на закате наших бед я его слышал в последний раз от поэта Виталия Пуханова – естественно, в определенной, свойственной только ему, самоироничной манере), а потому, дабы наполнить эту тему *определенной неактуальностью*, необходимо также обратиться к ее предмету. Можно надеяться, что наши усилия не пройдут даром для обеих сторон.

Предыдущий номер позволил альманаху приобрести идеологических неприятелей, из чего вовсе не следует, что в каком-либо из номеров преподносится какая-либо идеология – сейчас мы дошли уже до того, что *сам факт наличия* чего-либо воспринимается как проповедь идеологии (как кажется, от этой болезни есть лишь одно лекарство: онтология, причем – фундаментальная). Но на бессмысленное бурчание, выдающее себя за критику, не стоит отвечать тем же; видимо, самое разумное, что можно сделать в таких условиях – это продолжать то, что делаешь.

Возвращаясь к задуманному тематическому триптиху, можно теперь сказать о том, каким трансформациям подверглась в действительности эта первоначальная интуиция. Впрочем, это заметно уже по содержанию: победила интеллигенция, оставив тему интеллектуалов, равно как и тему университета за бортом “веховской” современности. Тема интеллигенции далеко еще не изжила себя, и мы надеемся, что читатель сумеет усмотреть в материалах этого номера сам механизм разработки темы интеллигенции как ресурса современного дискурса. Статьи тут предоставлены самых различных направленностей – от академических (*ВСЕВОЛОД САХАРОВ, ВЛАДИМИР БЕЛОВ, АЛЕК ЭПШТЕЙН*) через полемические (*СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ, ЮРИЙ КОЛКЕР, ЮРИЙ ЕПАНЧИН*) до разрабатывающих “прикладную” тематику: например, через призму творчества *МИХАИЛА БУЛГАКОВА (ВАДИМ ДЕМЕНТЬЕВ)* или через роман *ДМИТРИЯ ГАЛКОВСКОГО (СЕРГЕЙ ОРОБИЙ)*, или же комментарием к биографическим заметкам одного из профессоров Саратовского госуниверситета, посвященным бытности в нелегкое время (*АЛЕКСАНДР СИНИЦЫН*). Кстати, Саратовский госуниверситет в 2009-ом году также праздновал свое столетие – как и “Вехи”.

Тема интеллектуалов представлена материалами *АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВСКОГО* (знакомящего нас с историей интеллектуалов в Германии), *МАРИНЫ КОРЕЦКОЙ* и вашего покорного слуги.

Под рубрикой “Тема университета” выходит две публикации: речь *КАЗИМИРА ТВАРДОВСКОГО*, произнесенная 21 ноября 1932 года в Познаньском университете Речи Посполитой, а также исследование *ПЕТРА САФРОНОВА*, обращающего внимание не только на то, что университет “может”, но и на то, чего он “не может”, а если даже и “может”, делать не должен, если только речь может еще идти о какой-то университетской автономии.

География номера расширилась – к фигурировавшим во втором номере *Германии* и *Франции* теперь присоединяются *Англия*, *Соединенные Штаты* и *Израиль*.

ДВА МЕРОПРИЯТИЯ

Также хотелось бы поделиться впечатлениями от двух мероприятий. В сентябре, с 24-го по 27-ое, близ Санкт-Петербурга прошла выездная школа “Методологические принципы современной феноменологической философии и философской герменевтики”, где в качестве приглашенных для чтения мастер-классов выступали *НЕЛЛИ ВАСИЛЬЕВНА МОТРОШИЛОВА* (с докладом “Основные методологические принципы феноменологии Э.Гуссерля”), *АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕРНЯКОВ* (с докладом “Методический характер «экзистенциальной аналитики» и основные проблемы герменевтики”) и *ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ ИНИШЕВ* (с докладом “Слово и образ в философской герменевтике”). Замечательный замысел, приведенный в осуществление *ЮЛИЕЙ ОРЛОВОЙ, ДАНИЛОЙ РАЗЕЕВЫМ* и *МАРИЕЙ СЕКАЦКОЙ* продемонстрировал – пожалуй, впер-

вые после конференции, посвященной 80-летию со дня выхода “Бытия и времени”, устроенной *ИГОРЕМ МИХАЙЛОВЫМ* в ИФ РАН (сентябрь, 2007), что философское сообщество не только имеется (*es gibt*), но и оно может быть *продуктивным-вместе*.

В ноябре (с 19-го по 20-ое) в Казани проходила конференция, проводимая Институтом экономики, управления и права Казани (хотелось бы отметить активное участие *ОЛЕГА АГАПОВА*, представляющего этот Институт) и Институтом Синергической антропологии Москвы (*СЕРГЕЙ ХОРУЖИЙ*, *ОЛЕГ ГЕНИСАРЕТСКИЙ*) “Новые методы в фундаментальной проблематике социальной философии: синергическая антропология”. Это мероприятие продемонстрировало сразу две вещи. Во-первых, *СЕРГЕЙ ХОРУЖИЙ* методично развивает проект антропологии, которая не является философской в собственном смысле слова, но который открыт именно как метод, позволяющий не исключать возможность говорить о человеке сегодняшнем. Человек сегодняшний весьма многолик, и зачастую возможность говорения о нем осуществляется лишь за счет замалчивания этого множества и отталкивания (от) последнего; здесь представлен один из методов (видимо, развитый и развиваемый сегодня наиболее масштабно), который выстраивает границы антропологического дискурса так, чтобы они были как можно шире, но, при этом, не теряли контуров определенности. И, во-вторых, сама дисциплина синергической антропологии уже не выступает как метод, но и может предоставить определенные результаты, имеющие прикладной характер.

Несколько “Пушкиных” и один “Сократ”

Уже довольно длительное время в России выходит журнал “Пушкин” с подзаголовком “о книгах”, главным редактором которого является *ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ*, известный широкой общественности в качестве главного редактора философского журнала “Логос” (продолжающего выходить с завидной регулярностью, последний номер посвящен Бергсону), а также составителем серии выходящих ныне книг издательства “Территория будущего”. На данный момент (когда пишутся эти строки) вышло пять номеров “Пушкина”. Это журнал преимущественно для гуманитариев и, как казалось поначалу, для философов. Однако последние номера показывают некую социолого-экономико-политическую ориентацию журнала, если следить по рецензируемым книгам. Очевидно, и это нельзя не учитывать, что рецензии на книги зависят от издаваемых книг, и в этом смысле кажущаяся смена ориентации журнала может быть вызвана тем, что появляется в печати при работе над номером, и в большей мере – тем, что в печати *не* появляется. Окончательных выводов поэтому, на данный счет, сделать нельзя ни сейчас, ни в принципе.

Если в двух словах попытаться сформулировать девиз журнала, то он звучал бы так: мы печатаем рецензии, написанные интеллектуалами, на книги, интеллектуалами написанные. Этим сразу же достигается несколько целей: во-первых, грамотная (или: по большей части грамотная) рецензия, представляющая того, кто ее пишет так, чтобы он смог показать себя с выгодной для читателя стороны. Показательный контрпример к данному тезису: текст *АЛЕКСЕЯ АППОЛОНОВА* “Бибихин: как рубить языком сплеча” (“Пушкин”,

№1, 2008, СС.129-134). Именно этот пример показывает вторую цель, которая таким образом может достигаться: выявить господствующие в сообществе гуманитариев лагеря, группы и идеи, по которым они ориентируются, чтобы узнать “своих” и “чужих”. Удобным образом приводимый в самом конце каждого номера список рецензируемых изданий позволяет читателю быстро найти что-либо его интересующее. Чтобы лучше оценить журнал в рецензионном отношении, предлагаем следующий рецепт: найти в конце номера “Пушкина” какую-либо из прочитанных Вами книг, открыть рецензию на нее, прочитать и там уже разобраться: узнали ли Вы что-то новое, интересно ли это Вам и т.д. В любом случае, этот способ также не универсален (а какие здесь могут быть универсалии?), кроме того, рецензии очень часто – лишь повод для автора рецензии, дающий ему высказаться. Бывают замечательные рецензии-анализы, примером чему может послужить текст *ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА* “Жан-Люк Нанси: непроектируемый перевод” (“Пушкин”, №4, 2009, СС.66-72).

Помимо рецензий, “Пушкин” публикует интервью (*ВАЛЕРИЙ ПОДРОГА*, *ЖАН-ЛЮК НАНСИ*, *ДЖОРДЖО АГАМБЕН* и др.), иллюстрируется работами художников XX века, представляющих различные направления. Особо хочется отметить рубрику “Плагиат”, которая наконец-то подступилась к тому, что творится в огромной массе так называемых научных статей, монографий и т.д. которые пишутся зачастую лишь для подтверждения собственной квалификации на рабочем месте, получения очередного звания или должности, при этом ни к науке, ни к хорошему стилю письма не имея никакого отношения.

В России осенью 2009-го вышел еще один философский журнал, на сей раз не “о книгах”, а с подзаголовком “журнал современной философии” – “Сократ”. Главным редактором журнала выступает *АЛЕКСЕЙ КОЗЫРЕВ*. Что касается внешней стороны дела: формат журнала – чуть меньше “Пушкина” – 130 страниц “Сократа” и 142 страницы последнего номера “Пушкина”. Если в иллюстративном отношении в “Пушкине” – художники, то в “Сократе” – современная фотография и то, что можно было бы обозначить словом “актуальное выставочное искусство”.

Но существенным является именно то, что перед нами – сборник работ современных философов, – с одним принципиальным отличием. Как написал в рецензии на пока единственный, первый номер журнала самарский философ *СЕРГЕЙ ЛИШАЕВ* (в Петербурге недавно выпущено переиздание его книги по эстетике): “мы имеем дело с первым философским журналом, обращенным к нефилософам”. Именно такова основная интенция журнала, первая тема которого – “Кризис и мир”. Что могут философы сказать о проблемах, которые затрагивают “нефилософов”?

Содержание номера представлено известными широкой философской общественности людьми: помимо слова главного редактора, перед нами тексты *АБДУСАЛАМА ГУСЕЙНОВА*, *ВЛАДИМИРА МИРОНОВА*, *АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВСКОГО*, *ОЛЕГА МАТВЕЙЧЕВА* и других. У всякого нового журнала, претендующего на охват некоего сообщества в качестве потенциальных авторов, возникает целый ряд проблем, с которыми – в рамках провинции – имеет дело и “Res cogitans”. Прямое усмотрение, что в этом-то или в том-то номере нет такого-

то и такого-то (подразумевается: “меня”), сразу же заставляет выискивать в присутствующих те недостатки, которых в отсутствующем – вот только присутствуй он здесь – точно никогда бы не выявились. Но такое отношение – лишь эффект, на который никак нельзя ориентироваться, поскольку в журнале имеется тема, а тема журнала – это дело его номера, и именно на этом деле и следует сосредотачиваться при обращении к нему.

В рамках темы кризиса рассмотрены различные аспекты нашего **Lebenswelt**: образование, отношение к европейским интеллектуалам, идеология, вопрос об Украине, о постсоветском пространстве, инновации в образовании, спорт, оперное искусство, интернет и другие составляющие нашего общего бытия. Журнал надо почитать, а об остальном судить самим – тем более, довольно трудно это сделать по одному номеру (и это: во-первых), а также потому, что как “Сократа”, так и “Пушкина” в провинциях нет в продаже (и это: во-вторых). И, судя по всему, не ожидается. Это – первая проблема, которая волнует всякого, когда здесь говоришь об этих изданиях, проблема, вызванная недоумением: “а Вы, собственно, о чем толкуете?”. Избавиться от подобного недоумения – первая задача всех философских изданий в России, а уж периодических и рассчитанных на довольно массовую аудиторию – в особенности.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над номером вышла трудная и долгая. Выходя за рамки всех возможных сроков, мы упустили юбилейный и значимый 2009-ый и оказались в 2010-ом. В Саратовском госуниверситете, буквально за две недели до сдачи в печать этого номера, произошла значительная перемена в отношении именно философского бытования: на место *факультету философии и психологии* вернулся собственно *философский факультет*, который будет праздновать свое десятилетие именно в этом году – в апреле. В это же время наш альманах примет активное участие в организации и проведении Третьего Коллоквиума по Современному Искусству (х-III), который пройдет в рамках Четвертого Всероссийского фестиваля актуальной поэзии “Дебют-Саратов”.

Пока шла работа над альманахом, вышла в свет книга *СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВА* “Пришествие нации. Сборник статей”, выпущенная издательской группой “Скимен” 2010-ым годом. Упоминаем об этом в связи с тем обстоятельством, что публикуемая в альманахе статья ныне главного редактора журнала “Москва” *СЕРГЕЕВА* “Еще раз о русской интеллигенции” изначально предвляла выход этой книги, но вышло наоборот.

Хотелось бы высказать отдельную благодарность за поддержку в работе над темой *МИХАИЛУ СВЕРДЛОВУ*, за помощь в поиске авторов - *АННЕ САФРОНОВОЙ* и *АНТОНУ БЕЛОХВОСТОВУ*, за оформление номера – *НАТАЛЬЕ КРАСИЛЬНИКОВОЙ*.

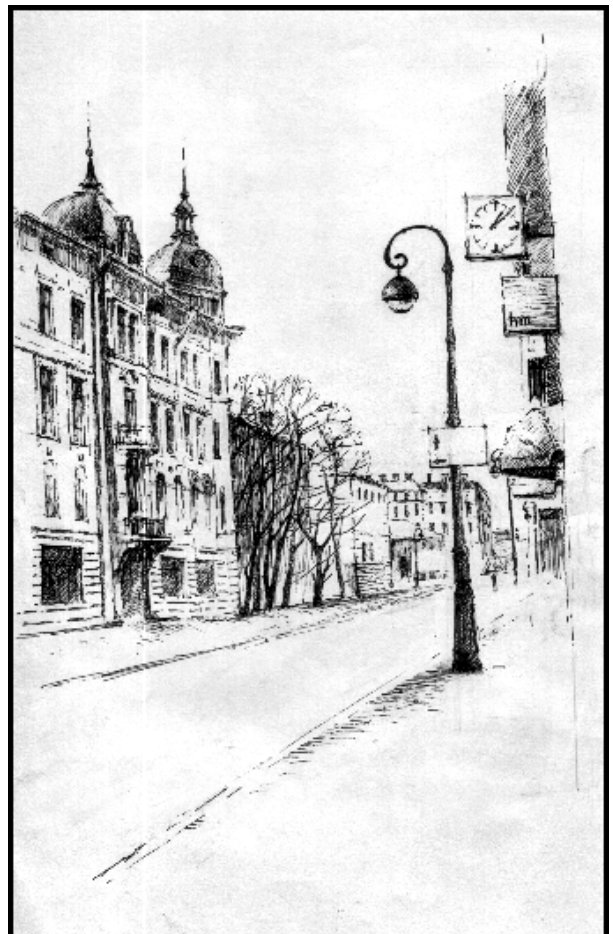
В заключение напоминаем, что всё, сказанное под рубрикой “От редакции” является выражением мнения редактора и не претендует на окончательность за пределами данного высказывания.

Просим у всех авторов извинения за задержку с выходом номера, в надежде на то, что неспешность во времени с лихвой компенсируется теми материалами, на подготовку которых оно и было потрачено.

МИХАИЛ БОГАТОВ

ТЕМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Сергей Сергеев

ЕЩЁ РАЗ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

Столетие “Вех”, отмечаемое в марте сего года – прекрасный повод поговорить о русской интеллигенции. После “особого пути”, это, наверное, наиболее мифологизированный “бренд” нашего национального дискурса.

Вплоть до мелочей. - Когда и кто ввел слово “интеллигенция” (в современном его значении) в русский язык? Люди более или менее образованные скажут, что сие великое дело совершил в **1866** году писатель П.Д. Боборыкин. Но, оказывается, даже здесь мы имеем дело с мифом, источником коего является сам Боборыкин, ему почему-то поверили на слово (да просто лень было проверять!). Между тем, данное понятие уже в **1863** году, как минимум в двух статьях употребил славянофил И.С. Аксаков.

Впрочем, это и вправду мелочь. Но вот миф посерьезней. Дескать, русская интеллигенция совершенно исключительная, небывалая, такой нигде больше в мире нет: на Западе – прагматичные и конформистские специалисты-интеллектуалы, а у нас “идейные и беспочвенные” (Г.П. Федотов) правдо(народо)любивые интеллигенты. На самом же деле, и социально, как группа, и интеллектуально, как ряд идеологий, – русская интеллигенция аналогична западноевропейской (точнее, *западноевропейским*, ибо между английскими, французскими и немецкими интеллектуалами – масса различий).

Скажем, русские радикальные публицисты второй половины XIX – начала XX веков весьма схожи со своими французскими собратьями по перу накануне Великой Революции, во всяком случае, в авторитетном изображении А. де Токвиля: “Каждая общественная страсть обращалась ... в философию; политическая жизнь была насильственно вытеснена в литературу, и писатели, взяв на себя руководство общественным мнением, в какой-то момент оказались на том месте, которое в свободных странах обычно занимают партийные вожди”. Даже учительство “великих писателей земли русской” имеет очевидную параллель в европейской культуре, достаточно вспомнить прижизненный статус Вольтера и Руссо, Шиллера и Гете, Гюго и Жорж Санд. Просто в России все это произошло позднее, чем в Западной Европе. Кроме того, исторический контекст (“догоняющая” модернизация, слабость буржуазии, преобладающее

---

¹ Опубликовано с небольшими изменениями и дополнениями в журнале “Москва”, 2009, № 3. Кроме того, у Сергея Сергеева 10 декабря 2009 г. была презентация новой книги: *Сергеев С. Пришествие нации.* – М.: Скимен, 2010, 304с. (– прим.ред).

влияние дворянской культуры и т.д.), в который попала русская интеллигенция, сделал ее действительно более “беспочвенной”, более “свободно парящей”. Впрочем, если вспомнить общественную активность Камю и Сартра, Фуко и Бурдьё, то окажется, что и в современной Европе тип “русского интеллигента” весьма распространен и влиятелен. Своеобразие (не уникальность) русской досоветской интеллигенции носит не сущностный, а конкретно-исторический характер.

Наконец, есть мифы воистину судьбоносные, ставшие не только важнейшей частью нашего общественного сознания, но и весьма действенным политическим фактором. В одном из них, интеллигенция прославляется как община святых, в другом проклинается как легион бесов. Мифы эти конкурируют друг с другом, сталкиваются в непримиримой борьбе, о них спорят до хрипоты, они разрушают семейные и дружеские связи, становятся паролями для враждующих идейных течений... Не пора ли посмотреть на них трезвым взглядом: насколько адекватно они отражают реальность?

Такие попытки уже предпринимались. В качестве примера можно назвать интереснейшую книгу Александра Кустарева “Нервные люди. Очерки об интеллигенции”, вышедшую в 2006 году в сопровождении важного предисловия Андрея Фурсова. Не все тезисы Кустарева мне показались равно убедительными, но серьезно писать об интеллигенции без учета этой книги сегодня уже невозможно. Она действует как холодный душ на полусонного ленивца. Автор безжалостен к интеллигентской мифологии и не оставляет от нее камня на камне. Для тех, кто хочет видеть социальную действительность без покровов “возвышающих обманов” — это обязательное чтение.

Попробуем и мы внести посильную лепту в дело демистификации интеллигентской проблемы. Для начала определимся с терминами. С моей точки зрения, наиболее удобно/операционально понимать интеллигенцию как *особую социальную группу, профессионально занятую производством и распространением общественно-политических идей и гуманитарных знаний*. А “работников умственного труда” вообще (в число которых, естественно, входят “технари”, “естественники”, “бюрократы” и т.д.) можно обозначить как обобщенный “образованный слой”. Радищев, Карамзин, Пушкин, Герцен — конечно же, не интеллигенты, а дворяне-интеллектуалы. При таком строго социологическом подходе многие популярные мифлогемы легко упраздняются.

Итак, с одной стороны, существует “розовый” миф интеллигенции, придуманный самими интеллигентами и успешно навязанный значительной части общества. В нем интеллигенция воспевается как “представитель ноосферы на земле”, “носитель разума, интеллекта, прогресса, культуры и других ценностных категорий” (подлинная цитата из современного научного сборника). Слово “интеллигент”, по сути, становится маркером высокодуховного, высоконравственного и хорошо воспитанного человека.

Интеллигент — это что-то особенное.

“Интеллигент — антоним хаму” (Ю.М. Лотман). “Интеллигентом нельзя притвориться” (Д.С. Лихачев). “Если пользоваться известной поговоркой об одеяле, которое тянут на себя, то интеллигент оставляет себе лишь минимальный кусочек одеяла, а то и просто остается непокрытым...” (Б.Ф. Егоров).

Неловко читать этот патетический вздор, подписанный именами уважаемых ученых, вмиг утративших способность к критической рефлексии, как

только дело дошло до разговора о том социальном слое, к которому они принадлежат, и потонувших в откровенной — до пародийности — самоапологетике. Может каких-нибудь чувствительных домохозяек она и способна привести в состояние благоговейного экстаза, но... *“мы ведь с тобой кое-что знаем про интеллигенцию”* (Р. Олдингтон).

Хамов в “научно-культурных учреждениях” не меньше, чем где бы то ни было; за самый “минимальный кусочек одеяла” интеллигенты бьются (вплоть до натуральной рукопашной) столь же свирепо и беспощадно, как и представители любого другого социального слоя ... Другое дело, что все это обычно прикрывается благородным флером “борьбы идеалов/принципов”, но, как говорится в бессмертном “Медведе”: “А заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил”. Особенно, конечно, умиляет пассаж про то, что интеллигентом нельзя притвориться. А офицером — можно? Бизнесменом — можно? Вором “в законе” — можно? Не трудно на какое-то время прикинуться кем угодно, но профессионал быстро обнаружит подделку.

Отождествление “интеллигента” с “хорошим человеком” решительно отдает детским садом. Все “хорошие дяди и тети” (даже, если у них “незаконченное среднее”) — интеллигенты, а все “плохие дяди и тети” (даже, если у них академический титул) — не интеллигенты (а кто? — “хамы”, наверное). То есть интеллигенция превращается из социальной группы в секту нравственно чистых индивидов. Это уже само по себе странно: почему именно она? Кем доказано, раз и навсегда, что писать книжки и читать лекции — занятие наиболее добродетельное? Что за “интеллигентский расизм”? А главное, как определить критерии “хорошего” и “плохого”? На практике чаще всего “хорошие” — это те, кто с нами заодно (“наши”), а “плохие” — те, кто нам ставит палки в колеса (“не наши”). История русской интеллигенции от Чернышевского и Каткова до Новодворской и Проханова изобилует выразительнейшими примерами моральной дискредитации по идейно-политическим причинам (Лесков в 1862 году афористически сформулировал кредо своих шибко либеральных оппонентов: *“Если ты не с нами, так ты подлец”*). Короче говоря, мы — “хорошие”, потому что мы — это... “мы” (*“На мне и грязь хороша, ибо я — это я”* — В.В. Розанов). Все это “по-человечески” (в смысле, — “по-готтентотски”) очень понятно, но причем тут “ноосфера”, “прогресс”, “культура” “и другие ценностные категории”?

Интеллигентский автоэротизм питает и широко распространенное мнение, будто бы главным двигателем истории являются разного рода идеи и, разумеется, их носители — высоколобые мудрецы. Хотя, казалась бы, хрестоматийный конфуз, случившийся с “божественным Платоном”, наивно пытавшемся “духовно руководить” сиракузским тираном, но, в итоге, проданном в рабство, должен как-то охлаждать пыл его гораздо менее даровитых коллег. Но как, сидя в тиши уютного кабинета, отбросить соблазн ощущать себя — “такого умного и образованного” (ну, может быть, вкупе с избранной компанией некоторых симпатичных “предшественников” и “друзей-единомышленников”) рупором “всемирного духа”? В мало читаемом (и совершенно напрасно) эпилоге “Войны и мира” Толстой с саркастически-разящей точностью выразился насчет интеллигентской приватизации “законов истории”: “...история пишется учеными, и потому им естественно и приятно думать, что деятельность их со словия есть основание движения всего человечества, точно так же, как это ес-

тественно и приятно думать купцам, земледельцам, солдатам (это не высказывается только потому, что купцы и солдаты не пишут истории)...”.

Пора бы выбросить на свалку пропагандистского старья душещипательные басни об интеллигенции как о группе пылких энтузиастов, не имеющих собственной “шкурной” корысти, а, якобы, чисто идеалистически жертвующих собой ради блага всего общества в целом. То, что интеллигенты нередко предпочитают материальным благам (в узком смысле слова) так называемые “блага духовные” может казаться убедительным доказательством этого утверждения только при самом поверхностном рассмотрении вопроса.

Во-первых, интеллигентам очень часто просто *приходится довольствоваться* “духовностью”, ибо, как пел любимый бард шестидесятников, “пряников сладких всегда не хватает на всех”. Посему следует нехитрая психологически-компенсаторная операция: нужда выдается за добродетель. Но все может измениться, если последует по-настоящему выгодное предложение, “от которого невозможно отказаться”.

Во-вторых, после Ницше, Фуко и Бурдьё полагать интеллектуальную деятельность вполне “бескорыстной” — не слишком, прошу прощения за каламбур, интеллектуально. Сильный ум и блестящая образованность дают их обладателям так называемый “символический капитал” (который, при случае, может конвертироваться в капитал “экономический”), престижный статус (для человека не менее значимый, чем богатство, более того деньги — лишь один из способов его приобретения) и духовную (то есть самую тонкую и сладостную) власть над людьми менее умными и образованными.

Впрочем, интеллигенты, когда у них для этого появлялись возможность, не брезговали и властью политической. Конечно, они захватывали ее “не корысти ради”, а токмо волею пославшего их многострадального народа, а как же иначе? Хороший пример — наши до боли родные большевики. Кем они были по социальному положению? Почти вся верхушка “ленинской гвардии” — “литераторы”, то есть интеллигенты *par excellence* (сам “Ильич”, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Луначарский, Чичерин, Киров, Сокольников, даже Сталин), прибавим сюда партийных публицистов типа Базарова, Богданова, Воровского, Коллонтай, Ольминского, Покровского, отца и дочь Рейснеров, Рязанова, Скворцова-Степанова *e tutti quanti*... За что они боролись? За “диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства”. Получили ли рабочие и крестьяне реальную власть в “первом в мире социалистическом государстве”? Ответ известен. Так для кого брали власть интеллигенты-большевики? Правильный ответ: *для себя*.

Чрезвычайно чуткий, хотя и не менее сумбурный, отец русского анархизма Михаил Бакунин в 1873 году, сражаясь с Марксом и Лавровым, со свойственной ему “страстью к разрушению” и виртуозным красноречием гневно клеймил ненавистную ему диктатуру “аристократов интеллигенции”: “Ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному разврату, и главный порок его — это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он делается самым неносным тираном, потому что ученая гордость отвратительна, оскорбительна и притеснительнее всякой другой. Быть рабами педантов — что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человеческим обществом те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками и собаками”. Позднее идеологи “махаевщины” трактовали ин-

теллигенцию как “эксплуататорский класс”, идущий на смену буржуазии. “Справа” волю к власти “грамматократии”, “интеллигентской бюрократии”, “интеллигентской теократии” разоблачали Константин Леонтьев, Иосиф Каблиц-Юзов, Лев Тихомиров... Сегодня идеи об интеллигенции как о восходящем “новом классе” — “культурбуржуазии”, как о “современном клире”, nasledующем в своих властных претензиях папству, в западной социологии не только не “ереси”, но, скорее, “мейнстрим”.

Кажется, мы достаточно обсудили “розовый” миф интеллигенции. Пару слов нужно сказать и о мифе “черном”. В нем “представитель ноосферы на земле” живописуется как едва ли не главная разрушительная сила в русской истории: “Именно интеллигенция погубила Россию. Она свалила империю и Церковь” (М. Ардов); “Россию погубила западническая «интеллигенция» последние 200 лет стремлением установить Европу в России” (Вл. Нилов). Эти стереотипные цитаты, четко и ясно выражающие суть указанного мифа, были найдены мной, что называется, методом “тыка”: я просто зашел в Интернет и набрал в системе поиска фразу: “Россию погубила интеллигенция” — ее вариации тут же посыпались как из рога изобилия. Пикантно, кстати, что авторы вышеприведенных пассажей полнейшие антиподы: первый — ярый антисоветчик, второй — последовательный национал-большевик (в устряловском, а не в лимоновском смысле).

В более широком социокультурном контексте интеллигенцию усердно уничтожают как некую экзистенциально растленную породу людей, зараженную рационализмом, скептицизмом, безверием, критиканством, “государственным отщепенством” (П.Б. Струве), во все времена и при всех режимах разлагающую “народную душу” своим “трупным ядом”.

Конечно, интеллигенция приложила руку к крушению Российской империи, однако не стоит делать ее единственным козлом отпущения в этом поистине общенародном деле (между прочим, самые принципиальные и талантливые защитники русского самодержавия тоже интеллигенты — от Михаила Погодина и Федора Достоевского до Бориса Никольского и Андрея Вязигина). Куда значительнее роль крестьянства, которое составляло, по меньшей мере, 80 % (а некоторые историки полагают даже, что 97 %) населения страны в начале прошлого столетия (интеллигенция насчитывала тогда менее 1 %). Аграрные беспорядки, сотрясавшие Россию с 1902 года и перешедшие в 1905 году в настоящую аграрную революцию (департамент полиции зафиксировал в 1905 — 1907 годах 7165 крупных крестьянских волнений, а вместе с мелкими их было более 22 тысяч), которая потом повторилась с еще большим размахом в 1917-м, — конечно, более значимый революционный фактор, чем вся интеллигентская политическая активность вместе взятая. Кроме того, крестьянский радикализм питался не социалистической пропагандой (как минимум 70 % крестьян было неграмотными), а непосредственно вытекал из сельского малоземелья, общинного “аграрного коммунизма”, созданного усилиями царской администрации, и гражданской неполноправности землепашцев (их перестали пороть по суду только в 1904 году). Здесь скорее новое издание “пугачевщины”, которую интеллигентским козням уж точно не припишешь.

Рабочие в феврале 1917-го забастовали совершенно стихийно, и лишь потом их взяли под контроль социалисты из Петросовета. Генералитет, почти единогласно поддержавший отречение Николая II (среди прочих, великий князь Николай Николаевич) тоже ведь к интеллигенции не отнесешь, но

именно его позиция предрешила отказ от борьбы последнего российского императора. Да и вообще 9/10 страны бурно ликовали после свержения монархии (в том числе и подавляющее большинство клира). Так что: “нет Родион Романыч, тут не Миколка”, во всяком случае, не один “Миколка”. Главными же виновниками катастрофы следует считать, не кого-нибудь, а именно самодержавие и царскую бюрократию, самоубийственно оттягивавших решение многочисленных социальных противоречий, терзавших империю (что модернизацию и либерализацию можно совместить с сохранением традиционных ценностей и даже монархии блестяще показала революция/реставрация Мэйдзи в Японии).

Кстати, по цитированному выше Вл. Нилову получается, что 200 лет, то есть с 1805 года (его текст написан в 2005 году) интеллигенция пыталась “установить Европу в России”. Почтенный автор почему-то забывает, что сие “установление” началось гораздо раньше, и инициировали его никакие не интеллигенты (которых тогда и в проекте не существовало), а российские самодержцы, начиная с Алексея Михайловича. Именно они, наряду с другими западноевропейскими диковинками, импортировали на русскую почву и экзотический цветок “*мыслящего пролетариата*” (Д.И. Писарев). Без его массового насаждения европеизация огромной страны была немыслима. Но властью с амбициозными “грамотократами” ни императоры, ни высшее петербургское чиновничество делиться не собирались. Отсюда — конфликт, перешедший в бой не на жизнь, а на смерть: смерть обоих родичей-антагонистов.

Интеллигент:

*...пасынок, изгой самодержавья
И кровь кровей, и кость его костей —
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен...
Судьбы его печальней нет в России.
И нам — вспоенным бурей этих лет —
Век не избыть в себе его обиды,
Гомункула, возвращенного Петром
Из плесени в реторте Петербурга.*

(Максимилиан Волошин).

Советская интеллигенция — тоже “кровь кровей” и “кость костей” уже другой, коммунистической власти, но она никогда не имела такого уровня свободы и гражданской смелости, какой обладала ее “старорежимная” предшественница. Немногочисленным “диссидентам”, конечно, непосильно было развалить СССР, это сделала верхушка партийной бюрократии. Ельцина поддерживали все слои населения, особенно, если кто помнит, шахтеры. Так что избражать интеллигенцию главным (или даже единственным) виновником гибели не только “белой”, но и “красной империи” и исторически, и морально несправедливо.

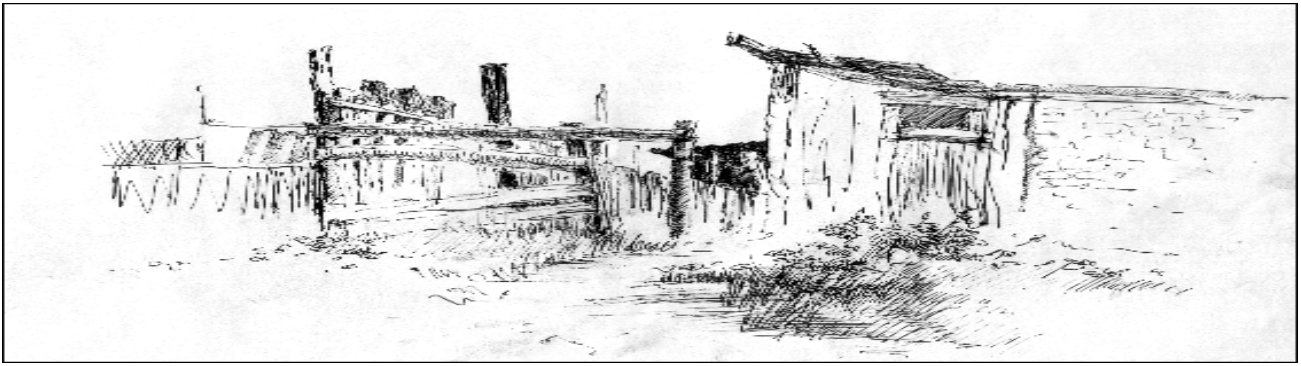
Что же касается разъедающе-скептического интеллигентского “духа”, то он, действительно, был, есть и будет родовой отметиной “мыслящего пролетариата”. Но именно в рационально-критическом рассуждении как культурной практике и состоит социальная функция интеллигенции, именно этого от нее и требует проектное (и, следовательно, рационалистическое) общество Модерна. “Не мы такие, жизнь такая”. Традиционное общество в массовом слое “критически мыслящих” индивидов не нуждалось, сегодня без него ни-

как не обойтись. Можно, при желании, известить интеллигенцию “под корень”, но потом ее все равно придется выращивать заново, и эта новая поросль неизбежно (причем довольно скоро) приобретет ту же “отрицательную” ментальность.

Критика интеллигенции, разумеется, необходима. (*“...Ничто не должно оставаться вне социологической критики, даже — и в особенности — критикующие интеллектуалы”* — Пьер Бурдьё). И чаще всего она исходит от самих же интеллигентов. Название одной из рецензий на “Вехи” очень точно определило суть сборника: “Интеллигенты об интеллигентах”. Но не всегда такая критика преследует цель выяснить истину. Очень часто за ней прячется межклановая борьба за статус: дескать, интеллигенция (под которой имеется в виду конкурирующая группа) — это плохо, а вот мы (“интеллектуалы”, “аристократы духа” и проч.) — истинные выразители и творцы культурных ценностей. Антиинтеллигентские кампании всегда с энтузиазмом поощряет бюрократия, отвлекая, таким образом, внимание народа от своих собственных грехов. Ну и, наконец, людям невежественным невыразимо приятно повалить в грязи высокомерных умников.

Интеллигенты — не ангелы, но и не дьяволы. Они — представители конкретного социального слоя, необходимого для современного развития нашего Отечества. К интеллигенции должны предъявляться те же требования, что и к чиновничеству, офицерству, бизнес-элите... *1) Она должна быть профессиональной. 2) Она должна быть национальной.* Национальной не по “чистоте крови”, а в силу приоритета общенациональных ценностей по отношению к любым иным — корпоративным или идеологическим. В конечном счете, современная русская интеллигенция жизненно заинтересована в сильном национальном государстве, только единичные ее представители смогут успешно устроиться за пределами России, остальные “силою вещей” обречены на карьеру в “одной, отдельно взятой стране”. Та же ситуация и у большинства предпринимателей. Союз интеллигенции и буржуазии — важнейшая предпосылка нациостроительства.

Да, в России есть и *откровенно антinationальная* интеллигенция. Но время ее “культурной гегемонии” подходит к концу. Она прямо на глазах превращается в маргинальную секту. Это верный признак нормализации нашего общественного сознания, ибо *национальное и нормальное — синонимы.*

Всеволод Сахаров

МАСОНСТВО КАК ИСТОЧНИК И СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИДЕОЛОГИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Просвещённую Европу XVIII столетия мы с полным основанием называем блистательной. Разумеется, это царство гордого разума, великолепный праздник искусств, пышное богатство и величие, которыми мы ныне простодушно восхищаемся при посещении Версаля и Петергофа и чтении описаний феерических праздников роскошного Потёмкина и придворных балов Екатерины Великой, имеют свою оборотную сторону: “Роскошь и изысканные удобства, пышность и изящный вкус покоев, изобилие и утончённость яств, весёлость и непринуждённость разговоров вознаграждают человека, любящего удовольствия, за тот гнёт, в котором природа и правительство держат его душу и тело”¹. Салонная и атеистическая, по сути, культура Просвещения оказывается здесь недостаточной, она не может стать личной верой, новой нравственностью, мирозерцанием, самобытной философией жизни. Нельзя жить одним скептицизмом и отрицанием. Нужно лечить пустую, тоскующую душу, врачевать болезни нравственности, помогать сомневающемуся человеку² обрести высокую цель и смысл в этой рассеянной жизни. Начинаются искания новой веры, положительных ценностей.

И здесь масонство как явление общеевропейской культуры, внецерковная религия и практическая этика находит своё место, как и в деле распространения просвещения. Конечно, оно, как всегда, преследует свои особые цели, но сразу надо сказать, что масонство изначально на стороне тотального интернационализма и идеи равенства, осторожно порицает и умело размывает изнутри любую национальную и сословно-классовую обособленность, с переменным успехом пытается дискредитировать и подменить своими “теневыми структурами” официальную власть и церковь феодально-абсолютистского государства, их идеологию. Эта стратегия становится целой философией, пусть и утопической, и в своей прозорливой логике доходит до отрицания войн (идея “вечного мира”) и необходимости национальных армий. Орден ищет и находит новые *негосударственные* формы объединения людей, отрицает “верти-

¹ *Массон III*. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. — М., 1996. С. 59.

² См.: <http://archives.narod.ru/Homo.htm>

кальное” подчинение личности верховной власти, высшим сословиям и официальной церкви, создаёт идейные и организационные основы для “горизонтального” союза единомышленников-“братьев”.

Для этого используется так называемое “третье сословие”, новая нарождающаяся материальная и духовная сила в старом обществе, угнетённая, скованная “вертикальным” механизмом сословного абсолютистского государства. Эта сила в новой военно-феодальной России традиционно слаба, малочисленна, но неожиданно обретает сильного союзника в русском дворянстве, под влиянием идей Просвещения превращаясь из военно-служилого сословия в духовную оппозицию верховной власти (смотри прозорливые высказывания Д.И.Фонвизина о “пользе третьего чина”). Росту и укреплению этой новой общественной группы способствует петровская Табель о рангах. Начинается скрытое перерождение имперского военно-феодального общества.

В “третьем сословии” оказываются не только купцы, но и писатели, музыканты, актёры, учёные, типографщики, книготорговцы, священники, учителя, чиновники и офицеры - выходцы из народной и буржуазной среды. Эти люди, живущие в “стране рабов, стране господ” (Лермонтов), изначально унижены, лишены прав и привилегий и каждый день это чувствуют. У них есть два выхода из социального тупика: каждому в одиночку и меру своих личных дарований добиваться уже существующих официальных чинов, прав и привилегий (путь Наполеона) или объединиться и изменить само общество, обрести в нём свое законное место и закреплённые в незыблемых, всеми признанных законах и обычаях права (идея Конституции), сделать рабскую, тоталитарную Россию свободной страной свободных людей, где нет господ и где царствует один Закон. Вот питательная социальная и культурная среда и главные кадры тайного масонского ордена и в то же время движущая сила любых антиправительственных заговоров и выступлений. Союз её с возглавлявшими русское масонство просвещёнными, оппозиционно настроенными дворянами и даёт то, что вольные каменщики именовали “интеллигенцией”, т.е. “четвёртым”, условно говоря, сословием, новой общественной прослойкой.

Писатель И.А.Гончаров, родившийся в известном своими ложами “Златого Венца” и “Ключа к Добродетели” Симбирске и воспитанный отставным флотским офицером-масоном Н.Н.Трегубовым, в мемуарном очерке “На родине” говорил о своём учителе: “Якубов, как почти все дворяне тогда, или, лучше сказать, вся русская интеллигенция, принадлежал тоже к масонской ложе”³. Сразу названо ключевое слово⁴.

Рождается интеллигенция, властительница дум образованного гражданского общества, не нужная и, более того, опасная, изначально враждебная “просвещённому” деспотизму, государственной “вертикали”, дворянским привилегиям, официальной идеологии и официальной церкви. Она сразу противопоставляет им знаменитую масонскую идею вольности, равенства и братства, позднее ставшую лозунгом Великого Востока Франции и Великой французской революции. Принимая в ложу нового “брата”, великий мастер про-

³ Гончаров И.А. Собр. соч. — М.-Л., 1954. Т. 7. С. 245.

⁴ См.: Беспалова Е.К. И.А. Гончаров и симбирские масоны (к вопросу о реалиях очерка «На Родине») // Русская литература. 2002. № 1.

возглашал: "Свобода и равенство царствуют между нами"⁵. В масонских ложах пели гимн с благородными, очень демократическими словами:

У нас и Царь со всеми равен,
И нет ласкающих рабов⁶.

Однако в этой передовой идее равенства есть какая-то сатанинская гордость, ибо с её помощью "водители" масонской "толпы" хотят создать новую правящую элиту. Намерения вождей ордена вольных каменщиков весьма серьёзны и обладают стратегической прозорливостью. Это уже философия истории.

В 1770 году безымянный великий мастер ложи выслушал в Петергофе проповедь известного церковного златоуста, санкт-петербургского архиепископа Гавриила на день восшествия на престол императрицы Екатерины II. И написал в ответ целую диссертацию о новом неравенстве и новом теократическом обществе, где царил бы новый, всем приятный "закон", а не дикая воля самодержавного монарха, не традиционная власть феодальной знати и аристократического богатства: "Я открываю тебе, владыка, тайну сердца моего, в каком разуме я тобою проповеданное слово понимаю... Я, будучи человек и создание Божие, по плоти равен себя нахожу со всеми человеками, кто бы они таковы ни были, малы или велики, все мне равны, потому что они теми житейскими нуждами, теми же или подобными слабостями, как я, обременены. Вот в чём состоит равенство всех человек... Душевные дарования, по мере раздаяния всесвятаго духа, одного человека пред другим весьма предпочтительнее отличать... Наше душевное преимущество служит единственно в пользу той особы, кто сам от Бога отлично одарён, а не относится на саны и степени всякого чиновначалия, ибо часто случается, что последний писец и совестнее, и умнее своего секретаря и судии"⁷.

Вместо знаменитой "Женитьбы Фигаро", сотрясшей западноевропейское общество революционной пьесы масона П.Бомарше (её перевел на русский язык масон А.Ф.Лабзин), русскому вольному каменщику-анониму пришлось писать осторожное, потаённое возражение на дворцовую проповедь иерарха официальной православной церкви. Но суть та же: власти абсолютного монарха, высшего духовенства и дворянства противопоставляется основанное на новых законах господство духовной элиты, правление сильных одарённых личностей, «водителей толпы», обладающих высшим и тайным знанием.

Веру сменяет торжествующий разум, признавший самоценность чувств, души. В интернациональное царство духовно облагороженного, гуманного разума объединённые и освобождённые народы может привести лишь новая духовная и общественная сила — интеллигенция. А формирует и контролирует эту немалую умственную власть орден вольных каменщиков. Именно русские масоны XVIII века создали основы отечественной интеллигентской мифологии.

Знаменитая утопическая мысль мечтателя Руссо об общественном договоре между народом и властью, взятый из орденского катехизиса грозный лозунг французской революции "Свобода, равенство и братство или смерть", идеи гражданского и правового общества (сам термин "гражданское общество"

⁵ Русская старина. 1870. Т. 1. С. 225.

⁶ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 5586. Л. 27. Масонский рукописный сборник "Вирши и песни".

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 197. Оп. 10. Ед. хр. 6. Л. 4, 5.

появился в масонском уставе, принятом на Вильгельмсбадском конвенте 1782 года и известном Радищеву и другим русским “братьям”), даже само политическое понятие “Конституция” (так именовался свод масонских правил) как собрание обязательных для власти, народа и личности основных законов – всё это фирменные изделия масонской “фабрики мысли”. Главным же её “произведением”, железом и кровью вытесанным из “дикого камня” провинциальной английской колонии в борьбе с могучей Британской империей, являются Соединенные Штаты Америки с их декларацией независимости, конституцией и входящим в нее Биллем о правах человека, созданные в XVIII веке масонами Б.Франклином и Д.Вашингтоном, чьи портреты вперемежку с масонскими знаками мы видим на зелёных долларовых банкнотах (творение русского художника Н.К.Рериха).

Одну из первых наших конституций написали для возведённой ими на престол Екатерины II наместный мастер ордена Н.И.Панин и его друг и единомышленник Денис Фонвизин, за чем неизбежно последовали гонения властолюбивой императрицы на непрошенных юристов и последующий беспощадный разгром русского масонства с бессудным заключением Н.И.Новикова на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость и конфискацией и сожжением масонских книг и архивов. Наши вольные каменщики были русскими дворянами, т.е. частью правящего и вместе с тем служилого сословия и отлично знали, что тоталитарная имперская власть никогда эти “общественные” идеи не примет, никаких обязательных для неё законов и, тем более, реально ограничивающей её конституции не признает, но верили в торжество и справедливость своих передовых идей, были готовы навязать их власти силой, создав мощное и богатое тайное общество вольных каменщиков и с его помощью воспитывая общество гражданское, умело дискредитируя и размывая властную вертикаль изнутри и соответствующим образом формируя и настраивая общественное мнение, вербуя и воспитывая сторонников.

“Ими руководило одно пламенное желание: в грозных и тяжелых русских условиях создать основы культуры - законность и гражданственность”, — утверждал в начале XX века известный исследователь масонства и член масонской ложи Великого Востока Франции В.В.Святловский⁸. Правда, уважаемый историк не объяснил, что на благородном пути к законности и гражданственности русские масоны организовали три удачных государственных переворота: “революцию” 1762 года, цареубийство 1 марта 1801 года и февральско-мартовскую революцию 1917 года, когда были убиты три императора. Очень нужное нелегитимной Екатерине II убийство законного императора Иоанна VI Антоновича совершено в 1764 году масоном В.Я.Мировичем не без ведома братьев Паниных. А внук Павла I, царь-освободитель Александр II, отказавшийся снова разрешить легальную работу масонов в России (есть в архиве настоятельное прошение об этом очень влиятельных людей с резолюцией императора “Оставить без внимания”), был убит интеллигентными народовольцами тоже 1 марта 1881 года — в масонский Новый Год. Простое совпадение? Возможно. Но что-то уж очень много совпадений...

Стоит напомнить, что само понятие “интеллигенция” включено в наш политический словарь именно масонами, впервые оно встречается в знаменитых публичных лекциях таинственного профессора И.Г.Шварца, неизвестно отку-

⁸ Святловский В.В. Русский утопический роман. — Пб., 1922. С. 11.

да явившегося в Россию духовного вождя русских розенкрейцеров⁹. Но ещё интереснее самооценка русских масонов в их ритуалах, она это существенно важное понятие хорошо разъясняет. В "Уставе траурной ложи" великий мастер, простившись с умершим "братом", зажигает погашенные им ранее три свечи и напоминает собравшимся у черного гроба вольным каменщикам: "Вы есте соль земли. Вы есте свет миру. Вы есте род избран, царское священство, язык свят, люди обновления..."¹⁰. Жизнь ордена и его тайная борьба за обновление несовершенного мира и возрождение падшего человека продолжают. В масонском "закрытом" журнале "Магазин свободно-каменщической" (1784) есть важное пророчество: "Основанный на премудрости и любви орден переживет все земные государства". Пока пророчество это сбывается, и масонство рассчитывает дожить до чаемого "Златого века Астреи"¹¹.

Масонская интеллигенция - высший круг мудрецов, "водителей" рядовых "братьев" и малообразованной "толпы", т.е. собственного народа. Немецкий пастор-авантюрист И.Штарк терпеливо разъяснял в масонском журнале Новикова "Утренний свет": "Писатели суть соль народа, и по ним, если я не ошибаюсь, безопасно можно заключить о просвещении всего народа"¹². Как видим, журнальная статья немецкого писателя-масона почти дословно совпадает с ритуалом русской траурной ложи.

Этого, понятно, никто не заметил, кроме посвящённых, разумеется. Но мысль учёного немца его русские братья по ордену сразу услышали и приняли, доказательство — революционная книга Радищева, пьесы и памфлеты Фонвизина, общественная (читай — политическая) деятельность Новикова, переводы и издания сочинений самого Штарка. Этой элитарной идее ещё предстояло стать одним из излюбленных общих мест интеллигентской мифологии в России.

Русская интеллигенция начинает собираться и организовываться в "культурный слой" не у подножия трона Екатерины Великой (эта красивая государственная идея "слуг престола" воплощена в известном санкт-петербургском памятнике императрице на Невском проспекте), а в ложах вольных каменщиков, из которых незримо управляют Дружеское учёное общество, Типографическая компания и другие "неправительственные", как мы сказали бы сегодня, объединения и кружки, а также полностью контролируемый орденом Московский университет. Ложи появляются во всех крупных городах и даже в действующей армии и флоте, в них вступают вельможи, губернаторы, высшие чиновники, военные. Здесь, в ордене, оказался цвет русской знати и государственной верхушки, что потрясло и обидело самолюбивую императрицу, привыкшую видеть этих сильных гордых людей у своих ног.

У нарождающейся интеллигенции постепенно появляются свои союзы, клубы, салоны, общества и кружки, библиотеки, издательства, вольные типографии, университеты, журналы и газеты, банки, и тайно действующие масонские ложи все эти новые действенные формы неофициального влияния стремятся организовать, направить в нужную сторону и контролировать. Сюда направлены лучшие кадры русского масонства и большие деньги, в том числе

⁹ См.: Тукалевский В.И. Искания русских масонов. — СПб., 1911. С. 53. Ср.: *Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.*

¹⁰ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 36-36об.

¹¹ См.: <http://archives.narod.ru/Astrea.htm>

¹² Утренний свет. 1780. Т. 8. Февраль. С. 179.

полученные от зарубежных “братьев”. Ордену нужны легальные формы существования и действенные способы влиять на сторонников, прежде всего печать, журналистика и книгоиздание. Как всегда бывает в таких случаях, умело сформулированные и приспособленные к практической деятельности идеи, появившиеся вовремя и адресованные конкретным социальным группам и общественным слоям, объединяют мыслящих и деятельных людей, всех недобровольных, быстро становятся материальной силой, что принесло разительные, испугавшие саму императрицу Екатерину II результаты.

Масоны в Российской империи 80-х годов XVIII века стали серьезной политической, экономической и культурной проблемой для правящего класса. Тем более что лучшие силы этого класса очутились “вдруг” в ложах, умело использовали их для увеличения своей и без того огромной власти. Нарушались привычные сословные представления, ступени подчинения и политические связи¹³. Рождалась новая иерархия тайного влияния, целей и интересов, невидимых ступеней, рычагов и пружин закулисного властного механизма.

Мы по дурной марксистской инерции преувеличиваем историческое значение бедных и нечиновных дворян Новикова и Радищева, которых уняли с помощью десятка гусар, каземата Шлиссельбургской крепости и сибирской несуровой ссылки. Не их боялась Екатерина II, державшая под рукой в особом сундучке списки масонских лож и другие документы из быстро сшитого тайной полицией “дела” ордена вольных каменщиков. “В реестре членов многие знатные лица помещены”, - с тревогой писал секретарь императрицы¹⁴. С “реестром” мартинистов осмотрительная Екатерина II всегда справлялась при важных назначениях¹⁵. Но произошло это не только потому, что в ложах собирались вельможи самого высокого ранга, выдающиеся политические деятели, полководцы, дипломаты и писатели. Им ведь удалось спасти от смертной казни своего бесстрашного “брата” Радищева и защитить смело спорившего в печати с самолюбивой императрицей Фонвизина. Они вернули из ссылки Радищева и И. Лопухина и освободили из крепостного каземата Новикова.

Рядом с практически безграничной материальной силой самодержавной монархии и её военно-феодалного колоссального государства, где даже церковь и религия всегда были в полном подчинении у власти и играли роль служебную, неожиданно появилась “третья сила”, независимая духовная власть, опиравшаяся на мнения рождавшегося образованного общества. Сила эта сразу вступила в тайные сношения не только с масонством Запада, но и с враждебными Екатерине II дворами Пруссии, Швеции и Англии, на равных правах “провинции” участвовала в международных тайных конвентах ордена, была замечена во французских революционных событиях. Она умела воззвать и к просвещённому разуму выдающихся деятелей культуры Запада, с которыми считалась сама императрица, переписывавшаяся с энциклопедистами и другими духовными авторитетами Европы.

¹³ См.: *Марасинова Е.Н.* Русский дворянин второй половины XVIII в. (социопсихология личности) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 1. *Лотарева Д.Д.* Масонство в системе русской культуры второй половины XVIII – первой четверти XIX в. (Проблемы контекстного изучения источников) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 6. *Байбурова Р.М.* Московские масоны эпохи Просвещения - русская интеллигенция XVIII века // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.

¹⁴ *Грибовский А.* Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1989. С. 91.

¹⁵ См.: *Храповицкий А.В.* Памятные записки. — М., 1862. С. 292.

Русский философ И.В.Киреевский точно сказал о результатах просветительской деятельности Новикова и масонов 80-х годов XVIII века: "Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*"¹⁶. Знаменитый историк В.О.Ключевский, бывший, как теперь выяснилось, масоном, говорил о Новикове то же: "В его лице русский издатель и книгопродавец стал общественною, народно-просветительною силой... Стало пробиваться то, с чем ещё незнакомо было русское просвещённое общество: это - *общественное мнение*"¹⁷. И здесь масонство оказывается законным, пусть и непризнанным детищем эпохи Просвещения, хотя православный философ Иван Киреевский много спорил о самом понятии "просвещение" с масоном П.Я.Чаадаевым¹⁸.

Возникает новая идейная среда, которая легко преодолевает социальные, национальные и государственные границы и объединяет людей различных народов, сословий, классов и групп с помощью книги, журнала, газеты, музыки, живописи, университетской кафедры, пансионатов и лицеев, писем, тайно пересылаемых с доверенными лицами теоретических градусов, рукописных инструкций, кодексов и т.п. Конечно, здесь распространяются не только отвлечённые идеи масонского просвещения и ритуалы лож; мыслители и политики ордена высказываются по всем важным вопросам общеевропейской и национальной жизни, имеют свой взгляд на мировую историю, на прошлое и будущее народов, не ограничиваются чистым философствованием, на языке шифра и символов обсуждают пути изменения судеб Европы и России. Начинается и более трехсот лет продолжается тайный обмен мнениями, на основе которых принимаются исторические решения. Это именно разговор единомышленников, диалог влиятельных идей и личностей, непрерывный обмен капитальными мыслями и планами на принципиально новом общеевропейском уровне, не контролируемом монархами, государствами и церквями и не подвластным просветительской философии.

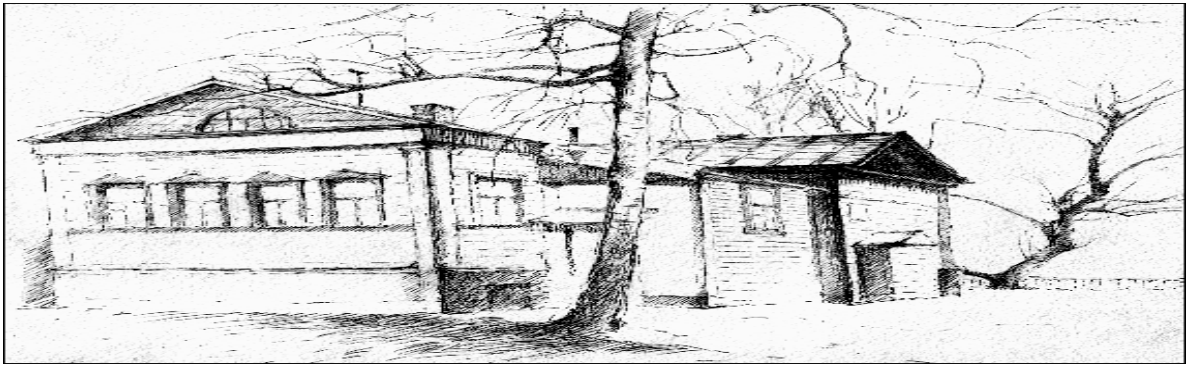
Так начинается история русской интеллигенции¹⁹.

¹⁶ Киреевский И.В. Избранные статьи. — М., 1984. С. 42.

¹⁷ Ключевский В.О. Литературные портреты. — М., 1991. С. 53, 75.

¹⁸ См.: Сахаров В.И. Страницы русского романтизма. — М., 1988. Глава "Движущаяся эстетика: Иван Киреевский".

¹⁹ См.: Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. — М., 2000; Сахаров В.И. Русское масонство в портретах. — М., 2004. Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. — М., 2006. Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д. Тайные архивы русских масонов. — М., 2007. Соколовская Т.О. Статьи по истории русского масонства. — М., 2008. Пятигорский А.М. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. — М., 2009.

Юрий Колкер

СЕМЕРО, НЕ ПОБЕДИВШИЕ МИФ В ЧЕМ ГЛАВНАЯ НЕПРАВДА ВЕХ

Сто лет назад семеро авторов, соперничая в своем рвении, наговорили обидного в адрес русского человека. Сказали ему — это ж нужно было додуматься! — “постарайся стать человеком”. Среди критиков преобладали иностранцы. Отчего все эти Людвиговичи да Соломоновичи ополчились на Россию? Чем она им не угодила? Ведь, кажется, сыты и барственны, по гудку не встают; сало русское едят (да-да: все семеро ели сало). Конечно, обращались они не ко всей России, а к русской интеллигенции, писали об интеллигенции, — но к кому же им было и обращаться? Ведь страна (берем это слово в значении английского **nation**) — не все без разбора граждане, а только думающие люди страны; только те, кто способен услышать.

Семеро ополчились против сложносочиненного мифа, в котором важная правда мешалась с романтической ложью. В общих чертах миф таков. Русское самодержавие и русский народ — две неродственные враждебные силы. Самодержавие душил народ; всё зло — в царизме; свергнуть деспотический гнёт — и наступит рай на земле. Народ молчит только по своей забитости и безграмотности, сам же он хороший до святости. Защищает народ, выражает его интересы, притом жертвенно, — русская интеллигенция. В России думающий человек, по большей части молодой, пылкий и чистый сердцем студент, осознал свой долг перед народом, живет для народа. Он служит прогрессу: идет на виселицу ради крестьян и рабочих. Жертва и подвиг, вера во всеобщее равенство и справедливость, освобождают его от обычной (“мещанской”) нравственности: ведь он занят делом несопоставимо более высоким. Учиться и работать ему незачем. Русская интеллигенция не верит в Бога и потому прогрессивна. Тем самым (подразумеваемая фигура умолчания) она — а через нее и Россия — совесть Европы и мира, будущее человечества.

Семеро победили — исторически, в интеллектуальном и нравственном смысле. Мы сегодня восхищаемся ими, презираем их зоилов. Мы согласны с ними почти во всем — изумляемся же только тому, что они проглядели главное. Ибо эти семеро сражались с мифом-карликом, высланным вперед мифом-гигантом. Настоящего врага они не то что не победили, а даже не распознали.

“ПОТОМКИ ОЦЕНЯТ ВАЖНОСТЬ МОМЕНТА”

Мыслитель сидит за большим письменным столом, обмакивает стальное перо в массивную чернильницу (ее содержимое отливает лиловым... никогда, никогда больше мы не увидим этой магической жидкости, не вдохнем ее будоражащего, зовущего в будущее запаха!) и пишет, иногда зачеркивая, — на добротной бумаге, не спеша, размашистым почерком, пространными, длинными, вдумчивыми фразами; а перо — скрипит и оставляет на бумаге мелкие брызги. Исписав лист, мыслитель прикладывает к последним строкам тяжелое пресс-папье из красного дерева; переворачивает лист, не спеша кладет его в стопку уже исписанных, а сверху прижимает другим пресс-папье, другим по назначению: таким мраморным спудом, с рукояткой в форме св. Георгия, копьём протыкающего ящера: чтобы листы не разлетелись от дуновения залетевшего из открытого окна ветерка.

“Ниже следующие строки посвящены лишь одной части этой обширной и сложной задачи... Два факта величайшей важности должны сосредоточить на себе внимание тех, кто хочет и может обсудить свободно и правдиво современное положение нашего общества и пути к его возрождению... Здесь можно наперед рассчитывать лишь на приблизительную точность. Но и несовершенная попытка анализа весьма важна и настоятельно необходима...”

Слов не жалеет. Хочет исчерпать тему. Знает, что всё, от слова до слова, будет набрано и оттиснуто свинцовыми литерами без редакционных вторжений — потому что он, мыслитель молодой, но уже замеченный, твердо стоящий на ногах в общественном и материальном смысле, — сам себе редактор. Верит, что всё написанное будет прочитано таким же вдумчивым, образованным читателем, который (такая эпоха на дворе, **would you believe it...** нет, лучше **pourriez-vous le croire?**) только тем от писателя и отличается, что сам этого не написал, не взялся за перо, не возложил на себя аскезу творчества.

За окном весна 1909 года. Горят газовые фонари. Слышен цокот подков, не звонкий, а приглушенный деревянными торцами мостовой. Россия хоть и проиграла войну с Японией (первую войну нового типа, с пулеметами, траншеями, массовыми жертвами и полостными операциями в полевых условиях); хоть и пережила неудачную революцию, выявившую несостоятельность русской интеллигенции, но всё же — стоит “неколебимо, как Россия”. Мыслитель занят ее будущим. Что этой страны не будет вовсе; что она *навсегда* исчезнет через несколько лет; *что самый русский народ исчезнет*, переродившись, — этого мыслитель и в мыслях не имеет. Не знает, что умрет в эмиграции.

ИХ НЕ ПРОЧЛИ

Их было семеро, всего семеро — по числу осаждавших Фивы, по числу дней недели и струн гитары (бывшей кифары), по числу священных городов Месопотамии и главных светил у халдеев... Слово для их обозначения вошло в язык: *веховцы*. Произнесешь — и все видят этих семерых. Неудивительно: после выхода сборника гвалт в печати поднялся небывалый, настоящий шквал. Но при этом — их не прочли. Тогда, в 1909 году, — не поняли, не по мозгам оказалось. Обиделись на них смертельно. Мыслители говорят: смотрите фак-

там в глаза, прекратите самолюбование, уважайте мысль, освободите ее от предвзятости. Им отвечают хором: вы — изменники, вы защищаете штыки, тюрьмы и виселицы.

Потом случилась война, которую в мире называют великой. После 1917 года — не до чтения стало, нужно было быстро строить социализм. Построили ГУЛАГ с придатком в форме социалистического отечества. Спровоцировали и выиграла (по другим сведениям, проиграла) войну, которую называют великой в России. После войны задумались и стали читать. Дошла очередь до *Vex*: в них прочли, что идеям нужна национальная почва, и все скопом крестились в православие (в основном — евреи). После 1991 года — нужно было быстро разрушать социализм и строить капитализм; опять не до чтения.

Сейчас — *Vexi* почти так же далеки от нас, как *Слово о полку Игореве*. Исторический памятник, к жизни отношения не имеющий; текст, обращенный в несостоявшееся будущее. Самое время взглянуть на него из будущего и задуматься. Это мучительное чтение. Слог веховцев велеречив; композиционно эти статьи рыхлы, перенасыщены повторами; каждая фраза, будучи мыслью, требует от читателя работы, — но мученье не в этом, а в том, что каждое слово великолепной семерки дышит надеждой. Горько за них и за нас.

ЧТО ИХ СВЕЛО

Инициатор *Vex*, Михаил Гершензон, говорит в предисловии: “Не с высокомерным презрением к ее [интеллигенции] прошлому писаны статьи, из которых составился настоящий сборник, а с болью за это прошлое и в жгучей тревоге за будущее родной страны...”

Еще бы! Веховцы — плоть от плоти интеллигенции: ее совесть, ее проснувшаяся от спячки мысль. Разумеется, они не на стороне деспотизма, а на стороне подавленной революции, с народом и с интеллигенцией. Они верят в интеллигенцию, потому и говорят, что она внутренне была не готова к этой революции, обманулась в себе и обманула ожидания народа (то есть простонародья).

Общая платформа участников — “признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития”. Первый элемент этой духовности — работать над собою, воспринимать несовершенство мира через призму своего несовершенства. Неправда, что “тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”; неверно, что “если к правде святой мир дороги найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой”. Нет чести безумцу за безумие. Русский интеллигент лжет во спасение — вот с чем нужно покончить...

Почему Россия обиделась на это? Разве ей что-то новое сказали? Открываем *Новь* (1877) Тургенева: “Известное, хоть и не совсем понятное дело: русские люди — самые изолгавшиеся люди в целом свете, а ничего так не уважают, как правду, — ничему так не сочувствуют, как именно ей...”

Вот где собака зарыта: ложь личная — ради правды общественной. “Идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на признании безусловного примата общественных форм, — представляется участникам книги внутренне ошибочной и практически бесплодной... неспособной привести к осво-

бождению народа. В пределах этой общей мысли между участниками нет разногласий” (Гершензон).

В остальном, продолжает Гершензон, участники сильно расходятся. Это не бросается в глаза потому. Поражает как раз сходство суждений и словаря, единство и цельность сборника. Веховцы часто повторяют и превосходно дополняют друг друга. Они диалектики: дают слово тому, кому возражают, выслушивают противника, строят рассуждения по схеме “с одной стороны, с другой стороны”; “да — но”.

Конечно, говоря “русская интеллигенция”, каждый из них имеет в виду что-то своё. Считать ли интеллигентами Витте и (или) Плеханова? Здесь авторы не согласятся, однако ядро интеллигенции — в их представлении — общее. Труднее в сойтись другом: обязательна ли вера в Бога? Для большинства — да, для двоих — Булгакова и Бердяева — всё дело преимущественно в ней, но один из веховцев, Изгоев, подводит читателя к мысли, что он атеист; другой, Кистяковский (вообще стоящий особняком), обходится без гипотезы о существовании Бога.

Социализм не кажется веховцам злом. Они приветствуют марксизм как свежее западничество течение мысли, как призыв к труду и творчеству, даже — вы послушайте! — к закону, только советуют брать из марксизма одну политэкономия — и огорчаются, что в России лучшее, что есть в марксизме, было тотчас проглочено народничеством.

Как они всё это сказали? Послушаем их еще раз; дело это поучительное. Дадим каждому по **300** слов.

СТРУВЕ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Петр Струве дал определение русской интеллигенции, оказавшееся универсальным: она — не интеллектуалы (как на Западе), не профессионалы, не образованные люди, а та их часть, которая противопоставляет себя несправедливому государству (в точности как допетровское казачество). Свергнуть гнет — и всё само собою устроится, потому что люди вообще по природе своей — хорошие, добрые. Аксиома Роберта Оуэна в кирзовых сапогах: плохим человека делает среда, — вот что у интеллигенции на уме.

В отличие от Запада, борьбу русской интеллигенции против деспотизма не подстилает религиозная идея. Борцам нечего противопоставить исторической государственности; отсюда неудача революции 1905 года. Победила реакция, но государство не обязательно реакционно. Роль государства вообще объединительная. Оно с необходимостью консервативно, ибо несет в себе национальную идею, но, при внутреннем здоровье, оно же — и конструктивно. Нужно служить этому здоровью. Интеллигентское отщепенчество подрывает всенародный смысл государства. Интеллигенция безрелигиозна. Неправда, что у нее — другая религия: правдоискательство без Бога — вздор. Социализм не противоречит религии, но он — не религия. Беда социализма — в непонимании и отрицании личного подвига каждого человека. Религия учит любви (к Богу, к ближнему) и самосовершенствованию; видит в этом спасение. Только из личного естественным образом выводится общественное.

В 1905 году интеллигенты-отщепенцы впервые столкнулись с младенческой народной мыслью, ничего в ней не поняли и — вместо воспитательного с

нею сотрудничества ради России — навесили на нее свои книжные формулы. Безрелигиозность пагубна в политике, поскольку освобождает от совести и нравственных ориентиров.

Царский манифест 1905 года — поворотный момент истории. Государство уступило. Тут бы революции и завершиться, но радикальные силы остервенели от ненависти, повели себя так, словно самодержавие — внешний неприятель, а не такая же Россия, как они сами. Остервенение подогревалось заимствованной схемой, романтическим шаблоном, без понимания взятым на Западе. Ни английская, ни французская революция поначалу не собирались уничтожать монархию, там хотели реформ, постепенного улучшения жизни; короны пали “в силу рокового сцепления фактов”. У нас — “всё или ничего”; революционная (притом подражательная) романтика вместо здравого смысла. Там — не подрывали национальную целостность перед другими народами; у нас — пусть хоть вообще России не будет, лишь бы не было царя.

Интеллигент не видит, что и у “народа” есть долг: общечеловеческий долг личного совершенствования, личной ответственности; не предполагает у народа никаких обязанностей — только права. Эта мысль просочилась в народ и развратила его. Вне идеи воспитания в политике возможны только деспотизм или охлократия.

В 1909 году Петру Бернгардовичу Струве — 39 лет. Он умрет в Париже, в 1944 году.

ФРАНК: НА ВИСЕЛИЦУ — ЗА ПЕЧНОЙ ГОРШОК

“Но мрамор сей ведь бог!.. так что же? Печной горшок тебе дороже: ты пищу в нем себе варишь...” Семен Франк словно бы держит в уме эти стихи и накладывает на них лупу. Идеалы истины, красоты, отвлеченной мысли и Бога, говорит Франк, не кажутся русскому интеллигенту реальными ценностями. Польза — вот наш истукан и фетиш. У русского интеллигента нет ни интеллектуальной, ни эстетической совести. “Кто любит истину или красоту, того подозревают в равнодушии к народному благу... кто любит Бога, того считают прямым врагом народа”. Бог для Франка — *объективен*. Для верующего (в Бога, в истину, в красоту) справедливость — всего лишь производная от объективных ценностей, для русского интеллигента она — самоцель, идол, Молох. Интеллигент обожествляет народ, поклоняется языческому кумиру.

Русскому интеллигенту враждебно понятие культуры. Европейец понимает культуру как общественно-историческое осуществление объективных ценностей. Он занят культурным творчеством: совершенствованием своей человеческой природы и, тем самым, окружающей жизни. У русского — мир и человек уже готовы для земного рая, мешают только царь да Третье отделение. Русский интеллигент хочет не строить, а разрушать. Некоторое уважение к культуре впервые прозвучало с появлением марксизма, но косный народнический дух тотчас это уважение.

Русский интеллигент презирает богатство и накопление, в том числе — культурное. Распределение для него — всё, созидание — ничто. Он не сознает, что вне национального богатства (то есть культуры) немислимо народное благосостояние. Ему грезится равенство в нищете, аскетизм без Бога: механистический рай полусытых и полуграмотных, — лишь бы никто не высывался.

Его морализм превращается в прямую безнравственность в русском революционере.

Противоречия взорвали интеллигенцию изнутри, отсюда — провал революции. Изначально чистое — стало грязным. Интеллигенция дошла до “грабежей и животной разнузданности” (слова не совсем ясные; не о еврейских ли погромах 1905-07 говорит Франк?). Отрицание абсолютных ценностей обосновывает примат силы над правом. Явилась партийная мораль: мораль насилия и подавления...

Семен Людвигович Франк умер в Лондоне, в 1950 году. Когда он писал для *Vex*, ему был 32 года.

ГЕРШЕНЗОН: ЖИВЁМ ВНЕ СЕБЯ

“Мы не люди, а калеки, все, сколько нас есть, русских интеллигентов... Жизнь русского интеллигента — личная, семейная, общественная — безобразна и непоследовательна”, — говорит Михаил Гершензон. Сознание русского интеллигента оторвалось от воли, как паровоз от поезда, и умчалось вдаль. Русский интеллигент живет *вне себя*. Он с пеленок знает, что печься о себе — эгоизм, его верховный принцип — служение народу. Выкрикнув это в юности в лицо самодержавию, интеллигент всю оставшуюся жизнь со спокойной совестью ничего не делает. Между тем спасение и человека, и общества, и государства — личное делание каждого, нравственная и творческая работа. Самые яркие из интеллигентов, при всей кошмарности их заблуждения, — революционеры: они хоть что-то *делают*.

Сознание осуществляет истину только через волю. Сознание и воля — чета, склонная к разрыву. В разрыве — оба беспомощны. В их союзе и постоянной борьбе, в их роковом поединке — созидание человека. Каждый человек, созидая себя, созидает вселенную. Мировая истина, входя в индивидуальное сознание и пресуществляясь в нем, взрослеет сама, ибо “всякое *существенное* изменение в атоме есть бесповоротный акт космический”. Целостная, *нормальная* личность не может не быть религиозной.

Петровская реформа создала русскую интеллигенцию — и сразу расколола надвое личность. У верхних началось “праздное обжорство истиной”, у нижних — не проснулось сознание. Деспотизм был бы невозможен, найдись в России хоть горсть людей целостных, в которых бы сознание и воля сотрудились.

Интеллигенция повредилась на идее, что жизнь мира и души можно устроить по законам логики. Иррациональная природа бытия ей не дается. Отсюда безверье. В нормальной жизни духа — позитивизм как мировоззрение невозможен.

В России не было своей национальной эволюции мысли. Мысль только забрезжила — у Чаадаева и славянофилов. Славянофилы сказали важную правду: душа простонародья — качественно иная, оттого-то оно и держит интеллигенцию за врагов. “Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной”. (Именно эта фраза вызвала шквал глупых обвинений в ад-

рес веховцев — и как же она оправдалась в ходе следующей революции, в гражданскую войну, в ГУЛАГе!)

Россию не исцелила великая русская литература. Силу художественного гения у нас почти безошибочно измеряется степенью его ненависти к интеллигенции. Народ тоже ненавидит интеллигенцию, потому что не чует, не находит в ней души.

Зря у нас так ополчились на эгоизм. Он, как и всякое самоутверждение, — великая творческая сила; именно эта сила делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием Божьего дела на земле.

Михаил Осипович Гершензон (1869-1925) — единственный веховец, продолжавший работать при большевиках после 1922 года и даже входивший в бюро Наркомпроса. В 1909 году ему 40 лет.

ИЗГОЕВ: НАША ЧИСТАЯ МОЛОДЕЖЬ

Изгоев пишет: в интеллигентных семьях нет культурной преемственности; семья не воспитывает. Душа ребенка развивается в противостоянии старшим. Была семья и преемственность — только у дворян-славянофилов, не у интеллигентов. “Огромное число наших детей вступает в университет уже растленными” — через публичный дом или горничную. Этого нет ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции. Половая жизнь начинается у нас с 14-и, с 12-и лет. Три четверти опрошенных студентов “имели мужество” сознаться в онанизме. (Переписка Белинского с Бакуниным, где оба стыдливо признаются друг другу в этом грешке, еще не была известна.)

Не воспитывает и школа. “Русская молодежь мало и плохо учится” — не поставимо меньше заграничной. Вместо науки у нее — “тайная наука”, не имеющая ничего общего с настоящей. Французский, немецкий студент — гораздо образованнее русского. Английский студент — недостижимый идеал для русского; он, со своим боксом и греблей, не знает ни онанизма, ни публичных домов (зря у нас, к слову сказать, презирают спорт). Но едва наш чистый студент оканчивает курс, как тут же превращается в Обломова, в чиновника-карьериста или в корыстного дельца.

В кружках русского студенчества отсутствует демократия. “Прогрессивное большинство” топчет меньшинство (даже тех, кто просто учится) как врагов и изменников. Студенты лгут напрапалую профессорам и друг другу — во имя красивых идей. На сходках, под страхом бойкота, голосуют за решения, нравственно неприемлемые для каждого в отдельности.

Дикий идеал русского студенчества — стремление к смерти как доказательству правоты. Левизна в политике измеряется близостью к смерти. Правый хочет жить, левый (на словах или на деле) — умереть. “Социалист-революционер ближе к виселице, чем социал-демократ”. Влечение к смерти парализует совесть. Жить — недостойно; это — буржуазный предрассудок. Но если так, то какой смысл выжидать зрелого возраста? Значит, теряют всякую ценность нравственность и внутренняя целостность, мысль, красота, семья.

Изгоев допускает, что вся Россия может “умереть и погибнуть”, если интеллигенция не переродится.

Александр Соломонович Изгоеву (Ланде) — 37 лет. Впереди у него три ареста и концлагерь при большевиках, философский пароход в 1922 году; он,

оправдав свой выразительный псевдоним, не приживется в русском Париже, умрет в Эстонии в 1935 году. Псевдоним этот, что никем, кажется, не отмечено, — с двойным дном: его можно прочесть еще и как *из гоев*, то есть из неевреев. Может, его мать была русской, но теперь об этом уже никто не помнит.

БЕРДЯЕВ: РУССКАЯ МЫСЛЬ — В БОГОСЛОВИИ

Наша интеллигенция, — пишет Бердяев, — относилась к философии *корыстно*: хотела сделать истину орудием народного счастья. Отсюда наше бескультурье в философии. В занятиях философией видели и видят измену народу. Справедливое *распределение* — а не созидание и творчество — вот что было на уме у всех. По временам даже чтение, увеличение знаний, самое просвещение — считалось у нас делом безнравственным.

Смешно все валить на самодержавие. “Недостойно свободных существ во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать... Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства...”

Молодежь довольствовалась суррогатами мысли. Частные вопросы возгнялись на философский, на богословский уровень. Увлекались материализмом, “самой элементарной и низкой формой философствования”. С появление марксизма резко повысились умственные интересы, молодежь начала европеизироваться, отходить от народничества, но всё равно философия осталась подпоркой борьбе за свободу.

Интеллигенция нуждается не в самовосхвалении, а в покаянии, самообличении, смирении перед истиной. Ложно направленное человеколюбие убивает любовь к Богу (истине, красоте). Видеть в человеке только крестьянина или пролетария значит унижать его.

Поклонялись науке — и считали, что она изобличает зло самодержавия или буржуазности, отрицает Бога. Не понимали, что наука политически и религиозно нейтральна. Экономический материализм подменил Бога, стал классовой пролетарской мистикой. Дошли до того, что торжества социализма ожидают в России раньше, чем на Западе.

Истина не бывает национальной, но разные народы ориентированы на разные стороны истины. “Свойства русского национального духа ... творить в области религиозной философии...”

Бердяев зовет Россию к конкретному идеализму, к положительной религии. “Философия есть один из путей *объективирования* мистики; высшей же и полный формой такого объективирования может быть лишь положительная религия...” Русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, соединения “правды-истины” и “правды-справедливости”

Николаю Александровичу Бердяеву — 35 лет. Он умрет в 1948 году, под Парижем.

БУЛГАКОВ: БЕЗНАВРСТВЕННОСТЬ И ДУХОВНАЯ ПЕДОКРАТИЯ

После неудачной революции, — пишет Сергей Булгаков, — петровская Россия находится “под угрозой политической и национальной смерти”. Казни,

рост преступности, огрубление нравов отбрасывают страну назад. Литературу захлестнула порнография. Всё застыло, как в сонном царстве. Выручить страну может только интеллигенция, у которой в крови — религиозное чувство.

Давление со стороны полицейского государства вывернуло наизнанку веру интеллигенции. Явилась атеистическая, аскетическая псевдорелигия мученичества и жертвенности. Она презирает “мещанские добродетели Запада”, не видит божественного смысла труда, не сознает, что западная культура — политические свободы, свобода совести, права человека, наука и философия — выросла как целое из религии.

Не поняв Запада, наша интеллигенция выхватила оттуда несколько догматов (веру в естественное совершенство человека, в прогресс) и идолопоклонствует перед ними, упиваясь собою. Самообожание, героический экстаз с истерическим оттенком — вот ее кредо. Она твердит, что все зло — в самодержавии. Для нее нет ни личной вины, ни личной ответственности, нужно лишь свергнуть гнет. Появляется герой-ниспровергатель. Он ставит себя на место Провидения. Его программа “научна”. Его максимализм ведет к вседозволенности. Во имя идеи он с ханжеским самодовольством отнимает имущество и самую жизнь у людей “безыдейных”.

Революционер — гипертрофированный мещанин: свой эгоизм он прикрывает фиговым листком принципиальности. Революционная романтика в упор не видит, что разрушать проще, чем строить. Толпа героев в кредит уменьшает число просто порядочных людей. Герой не умеет работать, глух к доводам разума, не способен нести обычную человеческую ношу. Ему естественно как можно скорее погибнуть, что прямо и говорит Некрасов: “Хорошо умереть молодым”. Историческое затишье, народное благополучие — гнетут героя хуже деспотии. Социализм для него — не постепенное улучшение жизни, а конечное пост-историческое упокоение, нирвана, — после неперемогенного Армагеддона с большой кровью.

Освободительное движение самоотравляется внутренними распрями. В спорах о способах осуществления общей цели единомышленники готовы друг другу глотку перегрызть. Героизм — вообще “начало не собирающее, но разъединяющее”; он аристократичен, надменен. При нем невозможен демократизм даже внутри партии.

В религии носитель духа — старик, в нашей интеллигенции — юноша. Возникает *духовная педократия*, нравственная власть подростков, противоестественная и самоубийственная для общества.

Смирение — ценность и вне христианства. Биографии великих ученых и художников говорят об их интеллектуальном смирении, о недовольстве собою. Русскому же интеллигенту чуждо недовольство собою, чувство самосовершенствования, чувство личной греховности.

Интеллигент одновременно поклоняется народу как языческому кумиру и презирает его как несовершеннолетнего. Он космополит, не знает здорового национального чувства, в нормальных странах опирающегося на традицию, на религиозно-культурные основания. Зато значение русской церкви, по Булгакову, — всемирное. “Как бы ни был темен, непросвещен народ наш, но идеал его — Христос”, а русская интеллигенция “по отношению к религии еще не вышла из отроческого возраста”.

Сергею Николаевичу Булгакову 38 лет. Через девять лет, в 1918-м, он станет священником. Умрет в Париже, в 1944 году.

КИСТЯКОВСКИЙ: “ЕСТЬ СУДЬЯ В БЕРЛИНЕ!”

Духовная культура и внутренняя свобода, — пишет Богдан Кистяковский, — возможны и достижимы лишь при свободе внешней, гарантированной законом. Человек свободен только в правовом обществе. Русская же интеллигенция никогда не уважала закона. В ее идейном развитии “не участвовала ни одна правовая идея”. Понятие правовой личности в России отсутствует.

Равнодушие к теории права — прямое следствие векового русского беззакония. Неравенство перед судом убило у нас веру в суд.

Современное конституционное государство, говорит Кистяковский, основано на компромиссе. Оно может быть дворянским, буржуазным, рабоче-крестьянским (“как это мы видим на примере Новой Зеландии и Норвегии”) — и вообще бесклассовым. Между строем правовым и социалистическим нет противоречия. В конституционном государстве всего важнее его конституционность. Право можно и нужно отделять от экономики. С появлением новой волны западничества — марксизма — правовые идеи забрезжили в русском сознании, но тут же растворились в народничестве.

Всякая организация нуждается в правилах, регулирующих не *внутреннее* поведение людей (чем занята этика), а их *внешнее* поведение. Но сами правовые нормы не являются чем-то внешним. Они — такие же внутренние элементы нашего духа, как и этические нормы.

В конституционном государстве суд — хранитель и создатель права. В России не существует независимого нелицеприятного суда. Судьям, их беспристрастию, бескорыстию — не верят. Суд — не уважают. Идея установления истины не дается ни свидетелям, ни экспертам; она им просто не по уму; у них в головах — *справедливость*, а не истина. Бытуют неслыханные в мире понятия “достоверного лжесвидетеля” и “честного лжесвидетеля”. Большинство защитников — не служители права, а борцы за политический идеал — или уж прямые дельцы. Самое слово *суд* у нас употребляется в значении расправы.

Вину за плохие суды нельзя целиком валить на самодержавие. “При совершенно аналогичных политических условиях у других народов суды все-таки отстаивали право. Немецкая народная поговорка «есть судья в Берлине» относится к концу XVIII и к первой половине XIX столетия, когда Пруссия была еще абсолютно монархическим государством...”

Украинец Богдан Александрович Кистяковский (1868-1920) — старший из авторов *Вех*, ему в 1909 году 41 год. Он — потомственный юрист, его отец оставил видный след в русской культуре XIX века как законник и украинский националист. Один из сыновей Богдана Александровича станет известным американским ученым.

ЧТО ОСУЩЕСТВИЛОСЬ

“Нет, я не скажу русскому интеллигенту: «верь», как говорят проповедники нового христианства, и не скажу также: «люби», как говорит Толстой...”, — этими знаменитыми словами начинает свою статью Гершензон. Он, стало быть, отмежевывается от Бердяева и Булгакова, но тут же говорит нам: “Нормальный, душевно-цельный человек не может не быть религиозен”, — а вме-

сте с тем спасаются, по Гершензону, *делающие*, работающие на себя и — тем самым — на общество.

Другие веховцы тоже хотели видеть среди русских людей делателей, создателей, специалистов. Их мечта осуществилась еще при жизни большинства из них. Появились ученые-профессионалы мирового класса: Гамов, Ландау, Капица, если брать крупнейших (хотя первый, *не* получивший *три* положенных ему нобелевских премии, из большевицкой России бежал и вторую часть жизни прожил в свободном мире), а с ними — громадное множество очень высоких профессионалов на ступеньку ниже, не нобелевского, но тоже мирового масштаба, каких царская Россия считала на единицы. Правда, появились они не собственно в России, а в СССР, но всё же под сенью прежней русской культуры, в ее пересыхавшем русле. Правда и то, что величайшим из работавших в России ученых по сей день остается швейцарец Леонард Эйлер; быстрым разумом Невтонов Россия всё-таки не явила; не успела по молодости... но разве малого она достигла за свои 300 лет в Европе? И все эти новые профессионалы, люди, осуществившиеся блистательно, преспокойно обходились без гипотезы о существовании Бога, не нуждались в ней.

Почти все веховцы справедливо подчеркивают, что величайшие из русских писателей стояли неизмеримо выше русской интеллигенции. Этого нельзя было не отметить. Литература XIX века — единственное, в чем Россия действительно оказалась (на короткое время) великой державой, более того — первой страной в мире. Ни один из веховцев не вспоминает о русской музыке или русской живописи, прекрасных, но все же явственно вторичных, с русской литературой несопоставимых. В советское время и в этих областях появились высокие делатели, даже создатели. А советская школа балета? А шахматисты? И никому Бог не потребовался. Обошлись. Высокий профессионал — целостная личность, инстинктивно соблюдающая третью заповедь; он может приобщиться мирового духа, не поминая Бога всеу.

МЕССИАНСКАЯ ЧЕХАРДА

В статьях Изгоева и Кистяковского — Бога нет вовсе. У Франка Бог есть, но прохладный, философски-отрешенный, какой-то нерусский, неродной. У Струве Бог выступает почти как рецепт; он — теплее, нашептывает о национальном и о государстве. У Бердяева, особенно же у Булгакова, государству ласкового слова не досталось, зато Бог — в центре всего, и он — спору нет, обще-христианский, но вместе с тем каким-то образом и прямо наш, русский, родной. Только дисциплина ума да европейская культура (все веховцы — западники) удерживают этих двоих от того, чтобы прямо не сказать: всё истинное понимание Бога — в русском православии, в русском народе.

Вот их-то, Бердяева и Булгакова, и выхватила из всех веховцев новая историческая общность второй половины XX века: крещеная собственность большевиков, *советская интеллигенция*. Их, а с ними — Струве без апологетики монархии. Выхватила — и *выправила*; дополнила на основании нового опыта, включавшего ГУЛАГ и полувекое островное одиночество.

Когда на улице еще стоял тридцатиградусный большевизм, в московских кухнях, служивших гостиницами, не без помощи *Вех*, возродилась и воссияла русская национально-религиозная идея. Славянофилы пришли ко двору,

как никогда прежде. Полная изоляция от всего мира — вот вторая после жестокости особенность СССР; но ведь это уже было под солнцем, и географически тут же: в допетровской Московии, где все, от мала до велика (именно потому, что жили в тридевятом царстве), всем сердцем знали о богоизбранности православных москвитов. Всплыл допетровский соблазн: русское мессианство в духе аксиомы Филофея “Москва — третий Рим, а четвертому не бывать”. Запад, опять непонятый, опять оказался плох у советских интеллигентов — и не в большевистском смысле (этот прах поработанная советская интеллигенция 1960-х уже тайком отряхнула со своих ног), а плох перед русской верой, русской душой. В XX веке воссиял XVII, когда патриарх Филарет, отец первого Романова и современник Филофея, открещивался от Запада тем, что поштучно *перекрещивал* приезжих украинцев и белорусов (то есть поляков; Западом была Польша от моря до моря) *из православия* — соберитесь с духом — *в московское православие*. В сердцах всех и каждого в Московии пребывал не Бог, а русский бог. Москвиты, как это еще Владимир Соловьев отметил, попросту считали себя новыми евреями: продвигали своего племенного бога на вакансию Бога, как если б она еще была свободна. И вот это — стало возвращаться в XX веке, через голову большевизма, но в тесной, родственной связи с ним.

Большевизм никогда бы не победил в одной отдельно взятой стране, не удержался бы в ней семьдесят лет — без Филофея и Филарета, без глубинного чувства избранничества, сидевшего на подсознательном уровне в массах: там, где не думают и не читают. “Москва — столица всего прогрессивного человечества”; “марксизм-ленинизм — единственно правильное учение”; “есть только один путь построения социализма — наш советский”: что это как ни Филофей, чищенный под Лениным? Дикарь всем сердцем знает, что он — лучший, но не лично (личности у него нет), а в рядах лучшего племени, которое только и есть люди; соседнее же племя — недочеловеки, не вошедшие в разум, а чуть в сторону — там уже просто свиньи живут, которых есть можно.

Но раз Москва — пуп земли со срединным храмом, то как же нам, познавшим истину о русском боге, людям, к тому же, добрым, задушевым (особенную задушевность приписывает себе буквально каждый народ), не осчастливить, не сжать в жарких объятиях наших заблудших братьев меньших, несмышлёнышей в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, в отсталой Азии, в бедной угнетенной Африке, в нищей Латинской Америке, а там, глядишь, и в зажравшихся в своем мещанстве Париже и Вашингтоне, — повсюду? Империализм большевистского Кремля ничем не отличался от империализма Ивана III и Василия III: он *тоже* нес людям свет, правду, избавление. Этой радостью — быть русскими — русские хотели поделиться с другими.

Крещеная собственность 1950-х/1960-х, нищая, но гордая советская интеллигенция, тайком отвергнув большевизм на московских кухнях, сперва осталась с позитивизмом, который веховцы осуждают; то есть ни с чем. Но свято место не бывает пусто. Постепенно пустоту стала заполнять мессианская идея, только теперь слова были другие. Говорили: разве какой-нибудь народ страдал больше русского? Говорили с тайной, а потом и с явной подлостью на уме: будто ГУЛАГ не русские, а инородцы устроили; будто войну — не русские накликали и спровоцировали; будто не русские вели эту войну, не жалея русской крови. Русские — спасибо большевикам — теперь становились избранниками через страдание. Вернулось и географическое помешательство, к которому Ключевский сводил все беды России; вернулось в форме гордого вопроса: раз-

ве наши предки не были великие люди, если создали пространнейшее в истории государство (обширнейшее по числу квадратных километров вечной мерзлоты)? Тютчева вспомнили: “Шестую часть земного круга”. По сей день твердят об “одной шестой”, не сознавая, что она давно стала одной девятой; не понимая даже, что территории грош цена; Венеция была великой державой, в одиночку воевала то со всей Европой, то с Блистательной Портой, простиравшейся от Персидского залива до Гибралтара и Вены, а сама — размером с Васильевский остров.

Будь граница открыта для людей и мысли, никогда бы образованные люди не додумались до всего этого словоблудия. Но советский изоляционизм был почище московитского, не мешал самообольщению, наоборот, подхлестывал его. Избранничество воссияло с новой силой, когда большевизм терял последние зубы; новые настроения диффундировали наверх, к обуржуазившимся номенклатурным угнетателям, где и пришлось как раз впору и вовремя.

В 1991 году единственно-правильное марксистско-ленинское учение — словно ветром сдуло, и на его место, как Иванушка на печи, въехало русское православие. Почва была готова. Вчерашние кэжэбешники с Лубянки, не отмыв рук от крови, но уже украв миллиарды, истово крестятся и бьют поклоны перед чудотворными иконами. Ханжество царит апокалиптическое. Комсомольцы стали богомольцами не моргнув глазом, не осознав перемены, на другой день после смены вывески. Все, как один, уверяют, что и прежде веровали. Осмысление Бога в массах воцерковленных недоучек с высшим образованием едва поднимается над таковым у русских крестьян царского времени, для которых Троица была Христос, Богородица и Никола Угодник. Главное — крест массивный нацепить да свечку почаще ставить, а еще важнее твердить: я — русский. Таковы оказались на поверку вчерашние интернационалисты, строители светлого будущего всего человечества.

Правы те из веховцев, кто говорит, что нормальный человек должен носить Бога в душе и претворять его в своих делах, но сегодняшняя Россия дальше от этого их идеала, чем безбожный Советский Союз, не говоря уже о гнилой (насквозь гнилой, но всё-таки — прекраснотушной) русской интеллигенции XIX века. Новые русские, сегодняшние россияне — недостойны ее памяти.

ОНИ ОСТАЛИСЬ НАРОДНИКАМИ

Все веховцы осуждают народничество 1860-х — и все, почти все, остаются народниками. Кистяковский позволяет себе обойтись без народнической мистики просто потому, что он — единственный среди веховцев профессионал; он в этой гипотезе не нуждается. Струве — тоже единственный — решается поставить святотатственный вопрос об ответственности и долге *народа*, но тут же отскакивает в сторону, в объятья мифа.

Веховцам — всё еще грезится в простонародье какая-то особая, не дающаяся интеллигенции правда или хоть цельность, притом религиозная. Последующий страшный опыт показал: правды в простонародье не было ни на грош, а цельность, действительно, была, только не христианская, а языческая: состояла не в постижении Христа с Николой Угодником как третьим лицом Троицы, а в исповедании первобытной дикости. Русское крестьянство и вышедшие из него городские приказчики (спасибо московитскому изоляцио-

низму, византийскому православию и необъятным просторам родины) находились, без преувеличения, на доисторическом, на внеисторическом уровне. Не дикость ли, что Библия не была полностью переведена на русский язык до второй половины XIX века? Назывные христиане не прочли свою священную книгу за 800 лет своей истории. Так и не успели прочесть до прихода гегемона.

Верно: слово *народ* завораживает. Во-первых, **vox populi vox dei**, что было сущей правдой в античные времена, при мелких, местных богах. Во-вторых и в главных, русского француз попутал с его 1789 годом; идолопоклонство перед народом началось со взятия Бастилии. Счастливы англичане, обходящиеся без этого соблазнительного слова: для них есть только люди, конкретные люди да страна, и нет никакого *народа*. Не отсюда ли английские свободы и американская конституция, этот Парфенон права? Повторим до оскомины то, чего в России не понимают: английское **nation** вовсе не *нация*, не *народ*, а *страна*. Словосочетание *Организация объединенных наций* — хрестоматийная ошибка переводчика. Разве народы эта организация объединяет, а не страны?

Струве остановился на пороге: не решился сказать, что человек необразованный, тёмный, — не то что глупее образованного (даже это — очевидное — не прозвучало), а что он и не добрее и не честнее образованного. Статистически — необразованный крадет и убивает чаще. Необразованный и бедный: да; это обычно одно и то же. Вот тут-то все и спотыкаются: на сострадании. Однако ж пора посмотреть правде в глаза и произнести простой силлогизм: бедный не лучше богатого, а хуже его во всех отношениях (тоже — статистически; святых и философов-аскетов в счет не берем); простонародье состояло и состоит из бедных, значит, святость большого множества бедных людей — вздор. Неприятные слова? Но их нужно произнести — и навсегда покончить с идолопоклонством перед чернью. Чтобы сделать их очевидными, вспомним: всё подлинное в человеке, включая способность к состраданию, начинается с мысли о своем несовершенстве, — но откуда же этому взяться у самодовольного дикаря?

Франк подступает к тому же с другой стороны — и тоже недоговаривает, да еще на чужой авторитет опирается. “Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые, и это — бедные”, — цитирует он Оскара Уайльда. Тут бы прямо сказать: социализм подогревается завистью, бедные — завистливее богатых; но на это духу не хватает и у Франка.

Истина, как это еще Мартин Лютер говорил, нелицеприятна, не льстит никому; совесть мучает каждого, у кого она есть; но всё-таки мысль человеческая всегда занята тем, чтобы приблизиться к истине и к совести. Соберемся же с духом и скажем, что простонародье всегда в своей массе хуже людей образованных. Справедливо это для любого народа, но урок нам преподала Россия. Пресловутый “русский народ” оказался в сто раз хуже дрянной “русской интеллигенции”: вот чего не понимали веховцы. ГУЛАГ не оставил в этом никаких сомнений. Измыслили ГУЛАГ революционеры, *выходцы* из интеллигенции, ее детки-выродки; осуществил ГУЛАГ, принял в душу и поднял на свои богатырские плечи эту небывалую в истории подлость — тот самый “народ-богоносец”, вольноотпущенник в третьем поколении. Он, а не интеллигенция, сладострастно упивался жестокостью, сделал пытку и убийство рутиной. Отличительной особенностью сталинских пыточных камер было как раз издевательство черни над образованными людьми; был же осужден человек как ас-

сиро-вавилонский шпион; сидел с таким приговором; это не выдумка. На смену изуверу-романтику, осужденному веховцами, пришел изувер-мещанин, изувер-обыватель, имя же ему легион. Народ-метафизик, мужик-христофор оказался не то что хриstopродавцем, он не смог понять азбуки любой метафизики: сострадания.

Но этот “русский народ” — не был Россией. Гнилая, никчемная, завравшаяся, но совестливая и прекраснодушная русская интеллигенция — была Россией, а он — не был. Не имел к России отношения. Гнилая интеллигенция стала черноземом для великой литературы, для прекрасной музыки и живописи. Она страдала. Она обнимала ноги “народу”. Народ молчал, потому что не понимал ни слова. Когда в его волчьетемном сознании что-то зашевелилось, пинком ноги столкнул интеллигенцию (читай: Россию) с парохода современности, прошелся гоголем перед всем миром (“я самый передовой и научный!”), умылся кровью и принялся торговать нефтью и газом да скупать дворцы на Западе. У сегодняшних русских — столько же прав на Пушкина и Толстого, сколько у сегодняшних греков — на Парфенон.

Веховцы осудили лозунг “Долой самодержавие!”, осторожно произнесли “Долой интеллигенцию!”, но не могли и вообразить того, что вскоре сказала сама история: “Долой народ!” Без народопоклонства (спору нет, очень русского и славянофильского, но по происхождению — всё-таки французского, из 1789 года вынесенного, в *Отверженных* Гюго вычитанного) не было бы ни большевизма, ни фашизма, ни нацизма. Народопоклонство — вот что сожрало Россию, оставив от нее рожки да ножки.

ОНИ УСТАРЕЛИ

Заострим характеристики, построим схему. Понять значит упростить... а уж простить или нет, вопрос второй.

Была Российская империя, “страна господ, страна рабов”. В ней было два не связанных друг с другом народа: интеллигенция и простонародье. Над этими двумя чужими друг другу народами царило чужеродное деспотическое правительство. Выходцы из гнилой интеллигенции (ее самая гниль), спровоцировали гнилое простонародье и в 1917 году свергли гнилое правительство, а в 1922 году (берем дату философского парохода) покончили с гнилой интеллигенцией. Осталось одно простонародье, гнилое, но самодовольное. Россия исчезла с географической и культурной карты. Появился СССР, к которому лучше подходит другая выдержка из русской классики: “все рабы, сверху до низу”.

Исторически случались так называемые республики рабов, но все они были недолговечны; им не хватало религиозно-идеологической базы. В СССР такая база нашлась: то самое французское народничество в марксистском фраке, о котором говорят веховцы. Новая республика рабов просуществовала 70 лет. Жива она была народничеством, взятым у интеллигенции (у прежней, которая Гюго читала), самой дикой разновидностью этого народничества: с Филофеем и Филаретом в уме, с третьим Римом без православия. Этим она держалась, а на Западе думали, что суть новой страны в ее одежке, в марксистском фраке. Народничества, Филофея с Филаретом, питавших кошмарный русский империализм, там не чуяли, живого нерва большевизма не понимали — и

опасались, что в марксизме есть важная правда (или кривда, которая многим кажется правдой). Вся сила СССР состояла не в танках (1941 год показал, чего они стоят даже при десятикратном превосходстве) и не в боеголовках (не помешавших проиграть войну Афганистану), а в идеологии. СССР был великой державой благодаря русскому народному Марксу. Не потеря Украины с ее черноземом и Казахстана с его рудой уменьшило роль России. Одна шестая или одна девятая — тут разницы нет. Только сняв свой идеологический фрак, Россия, со всеми своими танками и боеголовками, разом оказалась страной второго ряда, страной третьего мира.

Веховцы устарели потому, что они рассуждают о граде Китеже — о петровской России — и об интеллигенции, которой в 1922 году не стало. Новая советская интеллигенция, сперва языческая, позитивистская, затем — крещеная собственность большевиков, — уже потому не родня прежней русской интеллигенции, что сложилась в карцере, в стране за железным занавесом, в отрыве от остального мира. На Западе для мысли нет границ — и нет покоя; там всегда думают, спорят, перекликаются. Там читают не только по-русски. В СССР — сперва вовсе не думали, только верили (“в железные дороги и беспроволочный телеграф”, по насмешливому слову Струве); а когда начали думать, Филофей с Филаретом опять выскочили, как чорт из табакерки. Рухнуло единственное правильное учение, а эти двое только посвежели и окрепли, румянцем налились. Их подпорка — всё та же вера в необъятные просторы вечной мерзлоты, заключающие в себе русскую правду.

Смехотворный комитет по разработке национальной идеи, существовавший в Москве в 1990-е годы, на самом деле не идею искал, она была готовенькая, нестареющая, филофейная; он искал для нее подходящий фрак; искал, да не нашел. Марксизм заменить нечем; волшебное слово, манившее и пугавшее Запад, утрачено; не скажешь ведь прямо перед всем миром, что русское православие — единственно правильное христианское учение и светлое будущее всего человечества. Приходится держать это в уме, говорить в своем кругу, среди посвященных.

И вот мы видим, как внешним выражением национальной идеи современной России стало одно: тьяканье на США. Кремль не может забыть, что еще недавно действительно противостоял Вашингтону, и не хочет признать, что сейчас оказался ему по щиколотку. Кремль поддержит кого угодно, хоть Усаму бин-Ладена, лишь бы пойти наперекор Вашингтону. Не может Кремль смириться с мыслью о том, что третий Рим не в Москве состоялся. А тем временем на горизонте уже четвертый маячит: Пекин. Давно ли Москва похлопывала его по плечу как младшего брата? А сейчас — кто всерьез поставит Москву рядом с Пекином? Смешно и сравнивать.

Имя России

Веховцы устарели потому, что России — нет. Современная Россия — Россия только по имени. Право на самое это имя она утратила вместе с Украиной и Белоруссией, но это бы ладно, да тут и спорить можно; Франция вон тоже под чужеродным именем живет — и ничего, держится; у Австрии — имя с исторической подковыркой: она — “восточная держава” по отношению к Франции,

когда та принадлежала франкам (немцам). А Румыния? Она, если имени верить, — второй Рим, Византия, а в корне слова — и первый Рим присутствует...

Дело не в имени. Дело в том, что в культурном и нравственном отношении современная Россия — не преемница России петровской, восьмьюродная ей внучатая племянница, до нее не дотягивающая. В гораздо большей степени она — еще одно воплощение республики рабов, охлократия вольноотпущенников. Ошибся Георгий Иванов, сказавший “России не было”. Она *была*, да сплыла. Прав Максимилиан Волошин: “С Россией кончено”. Россия настоящая — “Петра творенье”, существовавшее между 1698 годом и 1917 годом: всего 219 лет. Если очень натянуть поводья, можно возвести ее к Ивану III, к этому несостоявшемуся Петру, в Нарве прорубавшему окно в Европу, хотя самого этого имени — *Россия* — он не знал: оно было впервые написано кириллицей при его наследнике Василии III: в 1517 году, в год Лютера. Ни один человек на Западе не знал этого имени еще добрых сто лет. Даже в год завершения Великого посольства, в 1698 году, с которого следует начинать историю России, — всюду в Европе Петра именуют не русским царем, а царем Московии...

В 2008 году устроили в Москве телевизионный диспут — о том, чье имя лучше всего выражает сущность России. Сошлись на Александре Невском. В первый момент кажется: догадались, поняли; молодцы! Александр — данник и ярлычник Орды, ее клевет. Догадались, значит, что Московия не столько Киевской Руси наследует, сколько Орде. Но нет, этого не прозвучало; этого и в мыслях не было. В мыслях было: “На большой Руси, на святой Руси не бывать врагу”. В мыслях был насквозь фальшивый, ура-патриотический, пошлый фильм Эйзенштейна, в котором вся правда сводится к словам одного из героев: “Коротка кольчужка-то!”; в Германии, где толк в таких делах знают, этот фильм прямо называли манифестом славянского фашизма.

Диспутировали крещеные вольноотпущенники, вчерашние большевики, сытые советские интеллигенты. Один из этих набобов сделал нечто, еще недавно невозможное: произнес с экрана имя Владимира Вейдле (1895-1979), мыслителя первой русской эмиграции; процитировал его слова из книги *Безымянная страна* о том, что имя России в советский период не значилось на политической карте мира. Мог ли Владимир Васильевич Вейдле, умерший почти безвестным, мечтать о таком? Какой прогресс! Но тут же, вдохните глубже, прозвучало с экрана нечто ошеломляющее: оказывается, первая мировая война была затеяна... чтобы остановить быстрый экономический рост России! Отдышались? Тогда вот еще мысль: вторая мировая война была затеяна Британией — чтобы сравить Германию и СССР... То есть весь мир занят одной только Россией, и не с любовью на нее взирает, как бы ему следовало, не с надеждой, а со страхом — и знай козни строит против одной отдельно взятой страны, воплощающей в себе и несущей народам мира правду (неважно, через марксизм или через православие)... Такой вот *круглый стол* выдался. И это — Россия?! Не помешанные ли правят бал в Москве? Не в этой ли мании — пресловутая всемирная отзывчивость? Кого веховцы звали к смирению?

Россия была, да сплыла. Она вся, от начала до конца, до 1917 года, — была петровской. Она сменила имя Петра на имя Сталина — и Россией быть перестала. Как умудрились отсеять настоящее имя этой страны в ходе телевизионного опроса? Всплыть мог только Сталин — и по совести, и по состоянию путинской охлократии. От настоящего имени отгородились на всякий случай:

береженого Бог бережет. Правду — сказать не решились. Выставили нечто отвлеченное, выхолощенное, не очень и русское — потому что Новгород, пока был жив, никогда не считал себя Русью.

ЧТО НЕ УСТАРЕЛО

Не устарела в *Vexis* та самая статья, которую в упор не замечали: статья Богдана Кистяковского. Только она говорит нечто, относящееся к современности. В России тогдашней и теперешней, в любой России — презирают закон и суд, отождествляют закон с силой, а суд — с расправой.

В этом одном — путеводная нить всей русской истории; единственное, что прочно связывает Московию с Россией. Конечно, на поверхности — другие связующие нити: православие и династические линии, но без монархии преспокойно обходятся уже давно, а православие очень уж рознится от Киева к Москве, от XV века к XVII, не говоря о сегодняшнем, насквозь ханжеском; уж очень оно льнет к власти; и как легко слиняло в 1917-м, как бесшабашно вернулось в 1991-м! Зато презрение к суду и закону — стоит неколебимее России. Поколебалось на минуту в 1864 году, при царе-освободителе, когда появился суд присяжных, да тотчас вернулось в свою колею.

Но суд и закон — не иноземное иго, а мы с вами. Кого же мы презираем? Презрение к суду и закону есть презрение к соотечественникам, значит — и к отечеству, если понимать под ним людей, а не камни и деревья. Престранный феномен: русские — презирают самих себя, и тут же хором кричат: мы — лучшие!

Кистяковский писал в цивилизованной, европейской стране. У него перед глазами — ласковое, плюшевое беззаконие петровского царизма, ссылающее смертельного врага в Шушенское, где тот отдыхает да на охоту похаживает. Кистяковский даже шутит — настолько верит в будущее; приводит стихи Бориса Алмазова (1827-1876):

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.

Не видит, чудака, что завтра государство монополизировало беззаконие, возведет произвол в принцип; что на всенародно воздвигнутый престол, какой Озимандии не снился, воссядет убийца, рядом с которым Пугачев и Ашшурбанипал — сентиментальные благодетели. Рассуждает о конституционном государстве — на пороге ГУЛАГа...

Но вот Россия справилась с большевизмом. Ведь справилась, поправились, больше не болеет? Она теперь христианская страна. Иконы да благолепие. Кресты вместо звезд. И что? И ничего; всё то же, только техника другая. Осенясь крестным знаменем, православный человек убивает топором православного священника-богослова — во имя православия, за русское дело: за

одно то, что тот из евреев. Кажется, что — каменным топором убивает, и прямо на заре новой святой Руси. Где и когда подобное случалось? Я другой такой страны не знаю.

Дальше — больше: журналистов отстреливают на улицах среди бела дня, по одному в день. Это уже рутина, дело житейское; никто и не замечает. Отстреливают предпринимателей. Принялись за адвокатов. Сравнительно с советскими временами жертв в тысячи раз меньше, нет египетских строек, убивают без пыток, сразу, — не прогресс ли? При Сталине убивали за то, что воздухом дышишь и по-русски говоришь; больше ни за что. Сейчас — убивают не всех подряд, а *делателей*, тех самых, о которых мечтали веховцы: бизнесменов, профессионалов, патриотов. Опять прогресс? Догнали и перегнали мафию? Может быть, но мы, следуя Кистяковскому, возьмем только внешнюю сторону дела: закона — нет как нет; ни на улицах, ни в сердцах людей. Есть — валюта да Малюта.

А суд? То же насилие, что и всегда. Произнесешь: ЮКОС, и все всё понимают: бессовестный грабеж среди бела дня, расправа с инакомыслием на новый лад — в спокойной уверенности, что народ-завистник, народ-вольнотпущенник поддержит и похвалит правительственных воров - головорезов. (Не понимают в Кремле только одного: что вписали имя Ходорковского в историю, сделали его эпонимом; ну, да им наплевать...) Когда кремлевский сатрап наживает в должности миллиарды, это народу понятно и близко, ведь власть — фетиш черни, а когда выходец из народа разбогател своим трудом и умом — этого простить нельзя.

Судья в новой Московии — откровенный прислужник власти без стыда и совести. Независимость суда лежит за пределами воображения новых русских. “Британские власти укрывают террористов”, писали в Москве в связи с невыдачей Закаева — и не понимали, что одной этой статьей, самим этим названием, невыдача была гарантирована: как отдать человека в страну, где он осужден до суда, *заранее*? Вслушайтесь: “укрывали — кто? — власти”! Московиты не понимали, что если б в демократической стране хоть слух прошел о попытке кабинета воздействовать на решение суда, там тотчас потребовались бы новые выборы.

Или вот еще: “МИД РФ возмущен оправданием американца за смерть ребенка из России”. Не обсуждаем кошмарный строй этой фразы, образчик русского языка теперешних московских борзописцев; берем только ее убогий смысл — и рот открываем: в России думают, что министерство может иметь свое мнение по поводу решения суда! В Москве так думают! Рабская психология.

“Россия не удалась” — эти горькие слова сказал некогда Владимир Вейдле, страстный патриот, верующий православный, русский европеец, последний блистательный представитель России веховцев, которой больше нет. Сказал в советские времена, когда еще была надежда, всем нам согревавшая души, — надежда совершенно в духе той, с которой носилась гнилая интеллигенция веховцев: скинуть ярмо — и всё само собою наладится, потому что есть большой, мудрый и добрый русский народ. Сейчас, когда в России осталась одна только самодовольная чернь, ухмыляющаяся от Москвы до самых до окраин, — не видно ярма, которое следовало бы скинуть. Нет и надежды.

26 января 2009,
Лондон

Юрий Епанчин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАКАНУНЕ “ТРИУМФА”

Все существующие определения интеллигенции тяготеют к двум полюсам. Первый из них акцентирует внимание на идейно-концептуальных и психологических качествах носителей интеллигентского сознания (система убеждений, общественная позиция, критическое отношение к сущему и проектирование должного). “Интеллигенция – сообщество пассионариев, ответственных личностей субъектного типа, отстаивающих право жить нравственно, призванное «глаголом жечь сердца людей», возбуждая общественную совесть, направленную на формирование нравственной власти и социально-справедливого государства”¹. В охранительной традиции это сообщество характеризуется как “своеобразный духовный орден, объединенный беспочвенностью своих умствований, идейностью принципов и враждебностью историческим началам”².

Второй подход – функционально-социологический: интеллигенция является “прослойкой” между различными классами и социальными группами, идейно оформляет их интересы, является посредником, выступающим от их имени перед лицом власти, то есть ей принадлежит техническая роль налаживания работы экономического и общественного механизма. Она борется за право оформляться в профессиональные, творческие, общественно-политические группы и союзы и защищать собственные интересы, но существенно изменить экономический и социально-политический строй не в состоянии. Особенностью российской интеллигенции являлось ее относительное “перепроизводство”: большое количество активных людей с высоким образовательным тезаурусом не находило себе применения в рамках полуфеодальной экономики и самодержавного строя³.

В начале XX века мировой капитализм окончательно утвердился в качестве ведущего планетарного уклада. Отсталые народы были включены в западную мир-систему на правах зависимых или колониальных стран. Вместе с тем адекватной мировой экономике политической системы не сложилось. Напротив, национальные государства переживали период расцвета, национализм являл-

¹ Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев // Социс. 2006. №6. С.137.

² Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. История императорской России. — М., 1994. С.323.

³ Лебедев В. Судьба русской интеллигенции // Литературное обозрение. 1990. №9. С.3-10.

ся ведущим умонастроением эпохи. Внутренний рынок ведущих государств насыщался и развивался ускоренными темпами. Особенно преуспевали национально ориентированные экономики США и Германии. Именно эти страны оспаривали у Англии статус “мастерской мира”. Россия, занимавшая шестую часть мировой суши и имевшая самое большое население среди ведущих государств, значительно отставала от США, Англии, Германии и Франции не только по уровню жизни, но и по совокупному валовому продукту. Внутренний рынок был крайне узок, большинство крестьянского населения практически не участвовало в товарообмене и вынуждено было торговать только для того, чтобы уплатить необходимые налоги и подати. “Великая аграрная держава”, экспортировавшая миллиарды пудов зерна, существовала под угрозой голода среди значительной части населения. Столыпинская реформа сделала шаг к модернизации сельского хозяйства, но породила новые проблемы: внутренний рынок не был готов ни поглотить образовавшийся избыток рабочих рук, ни обеспечить население дешевыми потребительскими товарами.

Россия представляла собой Голиафа с пустым брюхом. А самодержавная империя продолжала проводить великодержавную экспансионистскую политику. Оплеуха, полученная на Дальнем Востоке от Японии, царизм ничему не научила. Он ввязался в войну с Германией и Австро-Венгрией из-за неудовлетворенных панславистских амбиций. Первая мировая война стала моментом истины для созданного Петром I милитаристского государства. И проверкой дееспособности русской интеллигенции.

Разразившаяся мировая война решала вопрос о выборе модели глобального мироустройства (говоря современным языком). Какой образ жизни будет навязан человечеству: англо-саксонская демократия с идеями либерального естественного права или решительный немецкий Ордунг, основанный на высокой производительности и позитивной науке? Население Европы (да и всего мира) с энтузиазмом приняло участие в этом “голосовании” как на полях сражений, так и в экономическом и интеллектуальном противостоянии. Подавляющее большинство участников считало, что это “последняя”, “великая” война, которая заставит противников смириться и признать превосходство “наилучшей” системы.

Русскому национальному сознанию предстояло определиться в этом противостоянии и, главное, осознать задачи, которые стоят перед страной и народом в этом формирующемся глобальном мире, какие цели и идеи следует отстаивать, и какое место следует в нем занять. В этом споре интеллигенции принадлежала ведущая роль. От ее позиции в буквальном смысле слова зависела судьба государства и нации.

Русская интеллигенция по своему социально-политическому составу и целевым установкам не была однородной. Она делилась на представителей охранительной или даже реставрационной ориентации (черносотенцы), прагматически-модернизаторской в рамках существующего строя (октябристы), доктринерской буржуазно-либеральной (кадеты), буржуазно-демократической (меньшевики, правые народники), радикально-демократической (эсеры), радикально-утопической (большевики, анархисты). Впрочем, партийная принадлежность не определяла всего спектра интеллигентских идейных воззрений. Как среди элиты, так и в массовых образованных слоях существовало неопределившееся большинство, частью кочевавшее из одного направления в другое.

Общественно-политический климат страны определяли не столько политические программы, сколько неуловимые социальные настроения, кристаллизовавшиеся на уровне бытового общения, и выразившиеся в совокупности повседневных действий и поступков.

Интеллигенция отличалась от основной массы населения лишь тем, что придавала этим массовым настроениям более или менее осмысленную форму.

После объявления войны националистический и милитаристский психоз охватил разные слои населения. В этом отношении Россия ничем не отличалась от других воюющих стран. Мобилизация, несмотря на опасения правительства, прошла успешно. Свыше 95 процентов призывников добровольно явились на призывные пункты. Правда, не обошлось без эксцессов. Крестьянская молодежь хотела погулять “напоследок”. Повсеместно происходили погромы складов и лавок в поисках спиртного.

Может показаться странным, но подавляющее большинство интеллигенции, несмотря на казалось бы непримиримые разногласия, с восторгом приняло войну. “Настроение отличное: спокойное, уверенное, торжественное, прямое, - записал в день объявления войны А.В. Орлов, - гордое, что наконец Россия вступила на твердый прямой путь и идет не колеблясь к намеченной цели”⁴. Многие выражали опасения, что “шельма” Вильгельм пойдет на пятую, и дипломаты не дадут России одержать “заслуженную победу”. Милитаристский угар захватил даже людей, склонявшихся ранее к пацифизму. “Против нас идут полчища диких, некультурных гуннов, которые будут все жечь и уничтожать на своем пути”, — провозглашал в печати А.И. Куприн⁵, выразивший уверенность, что “тевтоны” будут разгромлены к Рождеству. “Война – во спасение”, — такова была твердая позиция Леонида Андреева.

Почему же разнородные интеллигентские группировки оказались единомышленны в стремлении довести войну “до победного конца”? Думается, что в тот исторический момент сложился целостный пасьянс, и карты легли соответствующим образом. Черносотенцы, несмотря на свое германофильство не рискнули выступить против царя (да это и противоречило их принципам), а раз война началась, то надо бороться до конца, иначе (в случае поражения) почти неизбежен крах самодержавия. Октябристы, связанные с бюрократическими кругами, понимали зависимость правительства от англо-французского капитала и ожидали от союзников послевоенных преференций, дальнейших инвестиций в крупную промышленность и льготных условий хлебного экспорта. Геополитические устремления неославянофилов питались химерами всеславянского объединения под эгидой русского царя, “спасения” славянских народов от чуждого культурного порабощения. Кадеты были фанатами западной демократии, правового государства, для них сотрудничество с Францией и Англией являлось само собой разумеющимся. Демократы выступали против германского милитаризма, так как считали, что победа Вильгельма усилит не только общеевропейскую, но и российскую реакцию. Оставались большевики и анархисты. Но и с ними не все просто. Анархисты на дух не переносили Ордунг и готовы были скорее пойти на защиту русской расхлябанности с оружием в руках и поддержать правительство, чем своей борьбой с ним способствовать установлению немецкой “дисциплины”. Даже у большевиков (су-

⁴ Орлов А.В. Хочется верить, но нечему... Странички из дневника // Родина. 2006. №7. С.70.

⁵ Куприн А.И. О войне // Война. — М., 1914. С.12.

да хотя бы по скудным упоминаниям в трудах по истории КПСС) в начале войны существовали “разногласия”, и только после получения руководящих указаний из Цюриха от В.И. Ульянова-Ленина в их головах произошло прояснение. Такой симбиоз и образовал «патриотическое единство нации» под лозунгом “защиты своего Отечества”.

Пропагандистская продукция на военную тему заполнила рынок. Выходили серии брошюр под тематическими заголовками: “Война 1914 года”, “Великая война”, “Народная война”, “Вторая отечественная война” и даже “Великая отечественная война”. В театрах, клубах, ресторанах, публичных местах часто исполнялись гимны союзных государств и, конечно, “Боже, царя храни”. В печати и устных выступлениях постоянно муссировалась мысль, что “здоровый патриотизм” союзников, особенно “жертвенный патриотизм” русских, коренным образом отличается от агрессивного “варварского национализма” германцев. “Время славянофильствует” – так назвал свою программную статью философ В.Ф. Эрн. В ней он, в частности, писал: “Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовною и внутреннею идеею русскою”. Ход развития механистического немецкого духа привел, по его теории “от Канта к Крупшу”. Противостояние Германии и России Эрн ставит в центр мировой истории, “все другие силы группируются по периферии”⁶. Другой философ, Е.Н. Трубецкой, подчеркивал прогрессивность войны со стороны России, так как “территориальный консерватизм, который диктуется России ее жизненными интересами, делает ее естественной защитницей и покровительницей слабых и угнетенных народностей”⁷. Ему вторил Н.А. Бердяев, считая, что “Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира”⁸. Ученые срочно избавлялись от германского влияния в науке, педагоги – от засилья немецких методов воспитания. Но “приоритет в разжигании патриотических настроений принадлежал не солидным столичным журналам, а популярным изданиям... «Прославленные литераторы» в стихах и прозе усиленно бряцали оружием”⁹. Николай Гумилев в программном стихотворении уверял, что “светло и свято дело величавое войны”. Но он хоть пошел на фронт добровольцем. А Игорь Северянин призывал “лить кровь как воду”, не сходя с ресторанных подмостков. Впрочем, большинство литераторов предпочли от армии “откосить”, что не мешало им активно включиться в производство дешевой печатной продукции на патриотические темы. И.А. Бунин морщился от газет, в которых шла “возмутительная болтовня о культуре и русском народе и всего возмутительнее то, что объясняется все это очень просто, вероятно, — желанием попасть в тон”¹⁰. Только убежденный пацифист Максимилиан Волошин, не одобряя войны, возлагал надежду на отрезвляющее воздействие тяжелых испытаний на души воюющих противников¹¹. Из крупных писателей на открыто антимилицаристских позициях стоял один Максим Горький. В первые недели войны он делился мыслями в частном письме: “Как вспомнишь, что три года

⁶ Эрн В.Ф. Сочинения. — М., 1991. С.297.

⁷ Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. №12. Отд.2. С.89.

⁸ Бердяев Н.А. Судьба России. — М., 1918. С.1.

⁹ Семеновский Д.Н. А.М. Горький. Письма и встречи. — Иваново, 1961. С.31.

¹⁰ Русская литература. 1974. №1. С.173.

¹¹ Епанчин Ю.Л. Над схваткой: пацифизм как позиция христианского гуманизма // Освободительное движение в России. — Саратов, 2007. Вып.22.

тому назад люди серьезно говорили о возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идеи международной солидарности лучших представителей человечества. И – вот! Люди науки свирепствуют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники”¹². Понимание целей войны в обществе практически отсутствовало. Не могли их ясно сформулировать ни правительственные круги, ни интеллигенция. По словам М. Геллера, “несмотря на обилие талантов в этот серебряный век, все написанное о войне поражает серостью, банальностью, надуманностью, даже при описании подлинных фактов и событий”¹³.

Подобная химера не могла просуществовать долго. При первых серьезных неудачах патриотический восторг сменился унынием и апатией, затем скрытые разногласия разгорелись с новой силой. Стали все громче раздаваться голоса, что правительство не способно вести войну, и поэтому дело снабжения армии и организации военного производства следует передать в руки “общественности” (буржуазии). Демократы шли еще дальше и всю ответственность за неудачный ход войны и ухудшение внутреннего положения перекладывали на эгоизм капиталистов, извлекающих сверхприбыли и раздувающих дороговизну предметов первой необходимости. Охранители черносотенного толка стали кричать о “государственной измене”, происках инородцев. Итогом стало образование в Государственной Думе летом 1915 года Прогрессивного блока, объединившего большинство депутатов под лозунгом образования “ответственного министерства”, то есть правительства, контролируемого не царем, а парламентом. Фактически это было требование смены власти во время войны. Николай II в очередной раз проявил нерешительность и непоследовательность. Он не разогнал Думу, но и не реформировал политическую систему, что можно было сделать, переложив ответственность за ведение войны на “общество”, и сохранить за собой роль верховного арбитра. Вместо этого он стал бесконечно тасовать министров, уступая общественному мнению и подрывая собственный авторитет. Вдобавок ко всему он добровольно взвалил на себя обязанности Главнокомандующего.

Общественность стремилась переложить ответственность за военные неудачи на царское правительство и преуспела в этом благодаря контролю над наиболее влиятельными печатными органами. Император вынужден был отстранить военного министра В.А. Сухомлинова, а затем и арестовать его по обвинению в государственной измене. Одновременно было принято решение привлечь общественных деятелей к обсуждению вопросов снабжения армии и организации промышленности. Частные предприятия стали получать громадные государственные заказы, выполнить которые они оказались не в состоянии. Образовавшийся Земгор под руководством князя Г.Е. Львова стал центром притяжения оппозиционных сил. Под предлогом выполнения необходимых фронту заказов (организация госпиталей, создание дополнительной санитарной службы, поставки сапог и шинелей, организации выступлений артистов в действующей армии) Земгор добился для своих служащих статуса проходящих действительную службу и стал своеобразным официальным при-

¹² Архив А.М. Горького. — М., 1966. Т.9. С.161.

¹³ Геллер М. Литература периода первой мировой войны // История русской литературы. XX век. Серебряный век. — М., 1995. С.605.

бежищем для массы уклонистов. В народе этих деятелей прозвали “земгусарами”.

Отделения Земгора находились в большинстве губерний России. Через его сотрудников и местную общественность либеральное руководство усердно распространяло антиправительственные слухи и настроения. Используя массовые антинемецкие настроения, воплотившиеся в погромах мая 1915 года, либеральная общественность стремилась канализировать их в определенном русле. В печатных материалах негативные факты давались, как правило, в контексте с упоминанием деятелей правительственного лагеря с иностранными фамилиями. В устных сообщениях постоянно подчеркивалось шпионское засилье в царском окружении, упоминалось немецкое происхождение Александры Федоровны, распространялись слухи о готовящемся сговоре Николая и Вильгельма. Разыгрывание патриотической карты явственно принимало узкопартийный характер. Вопрос об “истинном патриотизме” неоднократно поднимался в печати. Н.А. Бердяев поднял вопрос “Национальны ли правые?”¹⁴, впоследствии неоднократно возвращался к этой теме, доказывая, что официальный патриотизм противоположен действительным нуждам русского народа и препятствует образованию “единого фронта и тыла”¹⁵.

Дальнейший ход событий показал, что Россия к длительной войне не подготовлена. Милитаризация экономики вызвала дисбаланс внутреннего рынка, продовольственный кризис, расстройство транспорта. Создался парадокс: страна, имевшая излишки хлеба и других продуктов, не могла обеспечить приемлемый уровень жизни своих рабочих, занятых на военном производстве. Заработная плата за период войны выросла в полтора-два раза, в то время как цены на предметы первой необходимости поднялись в три-пять раз. Борьба за умы масс в создавшейся ситуации закончилась не в пользу правительственного лагеря. Все попытки правых органов печати переложить ответственность за дороговизну на плечи еврейского капитала и инородцев, пресекались и высмеивались либеральной прессой, наглядно показывавшей беспомощность и неуклюжесть правительственных чиновников. Либералы, пытаясь оседлать угасающую волну патриотизма, всемерно раздували тему “царицы-немки” и пересказывали сплетни о ее связи с Распутиным. Недаром после награждения Николая II орденом святого Георгия в солдатской среде распространилась поговорка “царь с Егорием, а царица с Григорием”. Одновременно обрабатывался генералитет и высшее офицерство действующей армии. А.И. Гучков, руководивший Центральным военно-промышленным комитетом, неоднократно посещал Ставку верховного главнокомандующего и часами беседовал с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым, посвящая его даже в планы государственного переворота.

Но либеральная оппозиция была не единственной в стране. Демократическая интеллигенция была настроена не только антимоноархически, но и антибуржуазно. А.М. Горький писал в августе 1915 года: “Живут люди в страхе, но и страх не мешает жуликам жульничать. Буржуазия организуется, крепнет и, конечно, грабит страну, грабит, - как никогда еще не грабила! Москва стремится к власти на всех парах. Прогрессивный блок становится магнитом, ко-

¹⁴ Бердяев Н.А. Национальны ли правые? // Биржевые ведомости. 1915. №15240. 1 декабря.

¹⁵ Бердяев Н.А. Правые и единство России // Биржевые ведомости. 1916. №15402. 24 февраля.

торый все с большею силою притягивает к себе все способное жрать и воровать «ради спасения родины от врага». Правительство не уступает напору буржуазии, сопротивляясь по инерции, механически»¹⁶. 1 января 1917 года свое негодование на страницах проправительственной «Русской воли» излил и Леонид Андреев. Читателей он «порадовал» следующим новогодним памфлетом: «Прошел слух, что в новом году вас будут вешать на фонарных столбах. Очень боюсь, что не одна рука дрогнула и расплескала шампанское, внимая вести. Но... успокойтесь, господа мародеры: из авторитетных источников могу сообщить, что это неправда. А если и правда — все врут авторитеты! — то какая здесь беда, если вдуматься? Пустяки, господа мародеры! Ведь пока половину будут вешать, другая половина устроит чудесное дельце с веревкой и мылом и так взбодрит цены, что, глядишь, вешать и перестанут. И шея есть, и фонарь есть, а вешать нечем, — так-то, милые мародеры!»¹⁷

Одновременно в печати все чаще стали раздаваться голоса о том, что война несет не национальный, а классовый характер, отрицалась ее «спасительность» и благотворность для России. Особенно преуспевала в этом отношении горьковская «Летопись»¹⁸. Писатель-демократ «старался подбирать материал таким образом, чтобы всегда и неизменно проводилась мысль о необходимости борьбы с войной и противодействия ей»¹⁹. К такому же выводу приходили и символисты, видя в затянувшейся европейской мясорубке тупиковость «мещанской» цивилизации. А. Блок записал в дневнике: «Сегодня я понял наконец ясно, что отличительное свойство этой войны — невеликость (невысокое). Она — просто огромная фабрика в ходу, и в этом ее роковой смысл. Несомненно, она всех «прозаичнее» (ищу определения, путаясь в обывательском языке). Это оттого, что миром окончательно завладел так называемый антихрист. Отсюда — невозможность раздуть патриотизм; отсюда — особенный обман малых сих (солдаты, твердящие о «тевтонах», или: «Мы серые герои, уже шестой месяц проливаем свою последнюю каплю крови за отечество») ... Подвигив бывает мало, а сотен — не бывает (почти все подвиги подозрительны) ... Восхищаются не этим. Предмет восхищения — за пределами этой войны; а предмет негодования сидит за ширмой, лица у него нет, поэтому пощечина ему остается не данной»²⁰. Эту же мысль развивал М. Волошин: «Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Идут на войну святые и мученики. Но все для того, чтобы стать желудочным соком в пищеварении осьминога»²¹.

В русле христианской традиции события все чаще стали трактоваться в апокалиптической и эсхатологической упаковке. Эти настроения пали на благодатную почву. Выход из тупика виделся в решительном разрыве с капиталистической цивилизацией, в революционном переустройстве мира. Поэтому победившей в Февральской революции интеллигенции не удалось сплотиться и организовать на основе буржуазно-демократических ценностей. Кадеты

¹⁶ Горький М. Собрание сочинений. — М., 1955. Т.29. С.339.

¹⁷ Андреев Л.Н. «Верните Россию!» — М., 1994. С.74.

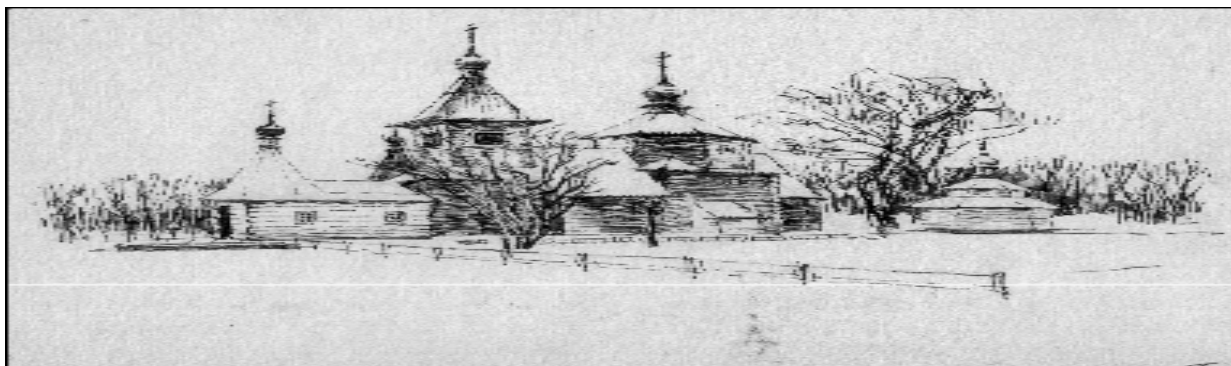
¹⁸ Епанчин Ю.Л. М. Горький и журнал «Летопись» в годы Первой мировой войны // Освободительное движение в России. — Саратов, 2001. Вып.19.

¹⁹ Арский Р. М. Горький во время войны 1914 г. // Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. — М., 1928. С.285.

²⁰ Блок А.А. Записные книжки. 1901 — 1920. — М., 1965. С.283-284.

²¹ Купченко В.П. Жизнь Максимилиана Волошина. — СПб., 2000. С.171.

были отвергнуты как слишком умеренное крыло. Борьба доктрин и теорий, в которую с головой окунулась интеллигенция “свободной” России в условиях продолжавшейся войны, закончилась солдатской вольницей и анархией, дезорганизацией народного хозяйства, что естественно закончилось победой самой организованной силы, способной вернуть “порядок”, хотя бы в форме тоталитарной диктатуры. Интеллигенция несет свою долю ответственности за то, что в России из всех возможных путей развития реализуется наихудший.

Владимир Белов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЦЕРКОВЬ¹

Тема, заявленная в названии, очевидно широка и ее можно рассматривать с разных сторон, выделять разные аспекты. Поэтому логичной представляется необходимость авторского самоограничения её теми проблемами, обсуждение которых вызывает наибольший интерес и общественный резонанс. Выделение трех проблем, а именно проблемы веры, проблемы веры в Церковь и проблемы “интеллигенции” и народа в самой Церкви, кажется в данной логике обсуждения вполне закономерным и оправданным. По мнению автора, через рассмотрение этих проблем можно показать наиболее спорные вопросы, наиболее заметные заблуждения, которые вызывают наибольшее напряжение в отношениях отечественной интеллигенции и Православной Церкви.

Причины различия в отношении к вере, с одной стороны, и к Церкви, с другой, кроются в банальном непонимании русской интеллигенцией ни того, что такое истинно христианская вера, ни того, что такое Православная Церковь. Как это не прискорбно звучит, но следует согласиться с суждением С.Н. Булгакова, оценка которого в его статье в “Вехах” духовного состояния русской интеллигенции осталась по прежнему актуальной и злободневной. Русский философ замечает следующее: “Поразительно невежество нашей интеллигенции в вопросах религии. Я говорю это не для обвинения, ибо это имеет, может быть, и достаточное историческое оправдание, но для диагноза ее духовного состояния. Наша интеллигенция по отношению к религии просто еще не вышла из отроческого возраста, она еще не думала серьезно о религии и не дала себе сознательного религиозного самоопределения, она не жила еще религиозной мыслью и остается поэтому, строго говоря, не выше религии, как думает о себе сама, но вне религии”².

Одно из наиболее распространенных недоразумений, свойственное отечественной интеллигенции в отношении веры — это так называемая ее неполиткорректность или нетолерантность в социальном плане. Вера, по ее мнению, глубоко интимная вещь и демонстрировать свою верующую позицию неправильно в двух смыслах: во-первых, нарушается глубоко личный ха-

---

¹ Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)”, проект № 2.1.3/6499.

² Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. — Свердловск, 1991. С. 34.

рактер веры, который может относиться только к конкретному верующему человеку, и, во-вторых, создается нетолерантная ситуация, если рядом оказывается человек, не разделяющий верующей позиции данного конкретного человека. Верующему человеку предлагается своего рода онтологическая шизофрения: верить, когда это позволяет ситуация и отказываться от своей веры, если ситуация неблагоприятна для комфортного существования. Любой истинно верующий человек оценит такого рода сентенцию в отношении веры, как попытку выдать за нее нечто иное, как эрзац веры.

Наиболее часто встречающееся научное заблуждение в отношении веры состоит в ее гносеологизации. Такой подход, инициированный в античности, особенно философией Платона и Аристотеля, хотя и встраивал феномен веры в широкий контекст разума как логоса, все-таки способствовал дальнейшей интеллектуализации веры богословием Александрийской школы, схоластики, томизма и неотомизма, не говоря уже о западных философских направлениях. Однако с появлением христианства возникает и альтернативная описанной позиция, исходящая из онтологического обоснования характера веры, веры, преобразующей разум, выводящий его за его интеллектуальные ограничения. Именно такое – онтологическое – понимание веры, на наш взгляд, более адекватно представляет то отношение к ней и к человеческому знанию и познанию, которое мы во многих местах встречаем в Библии. В.Н. Лосский следующим образом характеризует феномен веры: “Вера - не психологическое состояние, не простая верность: она - онтологическая связь (т. е. связь по бытию) между человеком и Богом, связь внутренне объективная, к которой готовится оглашенный и которая подается верному крещением и миропомазанием. Это дар, который восстанавливает и оживляет глубинную природу человека”³. В представленной характеристике важны два принципиальных момента: вера как бытие человека и вера как дар Бога. То есть подчеркивается, во-первых, то изменение в человеке, которое непременно захватывает все его бытие и, во-вторых, что одного усилия человека в движении к обретению веры и даже участия в церковных таинствах не достаточно для позитивного результата, они не гарантируют человеку неизбежность веры.

Как часто можно услышать от достойных людей такие слова: “Хочу верить, но не могу, не дано, наверное”⁴. Нужно сказать, что это очень верные слова, отмечающие тот факт, что не все здесь зависит от человека, от его желания. Хотя, с другой стороны, в помощи Божьей непременно присутствует и воля и желание самого человека. Ничто не дается человеку без его свободного выбора, но и дар этот всегда ретроспективно соизмерим с силой устремленности человека к обладанию этим даром.

Итак, вера – не добавление к двум началам познания – знанию и мнению. То есть попытка продолжить эллинскую традицию понимания веры на новый объект – христианство в данном случае абсолютно беспочвенна. Но христианская вера в христианском понимании — это не просто гносеологическая вера, а то, что преобразует разум, это не часть разума, не его высшая стадия, но это весь разум, верующий разум, который превышает ту сумму веры и знания, которую предлагает исследовать античность.

³ Лосский Вл. Вера и богословие // Вестник Русского западноевропейского патриаршего экзархата. № 101-104. — Париж, 1979. С. 104.

⁴ В частности, автору этих строк приходилось слышать нечто подобное от одного из самых уважаемых саратовских философов, основателя саратовской школы философии.

Вера, сочетаясь со знанием, согласно Паламе, дает духовное знание, которого “так никогда и не будет, если благодаря вере знание не сочетается с любовью к Богу, а вернее — если оно не возродится через любовь и идущую за ней благодать и не станет совершенно иным, новым и боговидным, «чистым, мирным, смиренным, послушным, исполненным слов назидания и благих плодов». Это вот знание и называется «мудростью свыше» и «премудростью Божией» (Иак. 3,15–17)...”⁵. Подчеркивая принципиальное различие между познающим и верующим разумом и получаемым в их рамках знанием, греческий богослов пишет: “Стало быть, одно дело — знание, которое приходит, когда изгоняется незнание, и другое — умопостигаемый свет, которым дается знание; потому и сказано, что умопостигаемый свет наполняет «небесный» ум, то есть ум, превзошедший самого себя”⁶.

Вера — это, по меткому замечанию отечественного богослова архиепископа Иллариона (Алфеева), — зов, который в обычной жизни приобретает различные психологические характеристики неудовлетворенности, тоски и т.п., и здесь уже от самого человека зависит, расслышит ли он этот зов в какофонии шумов современной цивилизации, прислушается ли он к этому зову как предпосылке для рождения веры и самоперерождения или нет.

Как известно, средневековье дало три наиболее распространенные варианта взаимодействия веры и знания, которые, собственно, охватывают по максимуму возможные варианты такого взаимодействия. Апологетическая формула Тертуллиана “верую, ибо абсурдно” (*credo, quia absurdum est*), патристическая — Августина “познаю, чтобы верить” (*intelligo ut credam*) и, наконец, схоластическая — Ансельма “верю, чтобы познавать” (*credo ut intelligam*). Мало кто обращает на это внимание, но следует полагать два первых подхода, исходящих из одинакового понимания соотношения несовместимости веры и знания, превышения верою границ разума, а третий — возвращающий верующий разум в границы обычного разума, что в данном контексте будет считаться рецидивом подчинения верующего диалогического христианского разума разуму эгоистическому, интеллектуальному, эллинистическому.

Сама способность человека к вере, вере истинной есть дар Божий, есть, по мнению современного греческого богослова Х. Янараса⁷, кредит, который каждый человек получает при рождении, будучи образом и подобием Творца. Этот смысл отражают и известные слова Тертуллиана о том, что всякая душа — христианка. И этот дар, эту способность, как и любую другую способность, человек должен развивать, совершенствовать, чтобы она не была утеряна. Данное замечание относится не только к светским людям, но и к священникам. Пример, довольно спорного, мягко говоря, представления феномена веры находим у игумена Вениамина (Новика)⁸, который в самом начале исследования говорит об антропологическом характере веры, то есть сознательно уходит от определения веры как дара Бога.

В целом это исследование — образец применения философских методов, терминологии для анализа феномена веры. Так, в первом фрагменте “вера как трансцендирование”, он указывает на связь веры с таким человеческим свой-

⁵ Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. — СПб., 2004. С. 18-19.

⁶ Там же. С. 66.

⁷ См.: Янарас Х. Вера Церкви. — М., 1992.

⁸ См.: Игумен Вениамин (Новик). Вера и знание — в: http://www.philosophy.ru/library/novik/vera_znan.html

ством как прогнозирование, предположение, можно сказать, телеологической способностью человека.

Игумен Вениамин справедливо отмечает то, что вера — этический риск, она выходит за рамки обычных этических добродетелей в онтологию, но, обращаясь к необходимости придания вере евангельского духа, он абсолютно безосновательно экзистенциальную веру противопоставляет вере церковной, как риск чему-то уже устроенному, положительно оценивая при этом достижения русской религиозной философии.

Также несправедлив его упрек в религиозном эгоизме, самозамкнутости православной веры в отличие от социально-ориентированной веры Запада. В данной оценке игумен Вениамин входит в противоречие со словами преп. Серафима Саровского о том, что спасение в истинной вере никогда не становится индивидуальным. Это всегда — образец, идеал для всех поколений. Спасение такого человека означает, что вокруг его имени спасутся тысячи.

Представляется, что игумен Вениамин, искусственно лишая веру Божественного измерения — вера, как дар Бога — и пытаясь лишь с антропологического уровня найти объяснения присутствия или отсутствия евангельского духа, начинает рассчитывать на возможности человека в восприятии, сохранении и реализации этого духа в своей жизни, чрезмерно уповая на возможности и способности человека.

Рассматривая проблему веры, мы условились говорить о двух важных взаимосвязанных составляющих: сама вера как таковая и ее соотношение со знанием и вера в Церковь. Представляется достаточно очевидным тот факт, что если к вере как таковой в самом широком ее значении (в том числе в ее гносеологическом варианте) у русской интеллигенции отношение в целом вполне понимающее, то Церковь всегда рассматривается в качестве организма консервативного и часто приравнивается к государственным структурам, господствующим и подавляющим простой народ. Не вера у нас отделена от интеллигенции, но у интеллигенции вера отделена от Церкви. Проявление того самого соборного начала в вере, о котором писал еще Хомяков, для понимания интеллигента, паче принятие его, — вещь трудно представимая.

Нашим творческим субъектам проще объявить веру внутренним интимным состоянием, лелеять и оберегать это свое состояние от посторонних глаз, чем допустить мысль о том, что можно и в вере заблуждаться или вообще верить не в добро (как оно кажется самому верующему), а в зло. Вера в свою веру, конечно лучше того сомневающегося состояния, которое итальянский философ Джанни Ваттимо представил как состояние “верую, что я верую”, но и она в данном случае сочетается с неверием в истинную трансцендентность веры, в то, что она — не может быть полностью присвоена одним человеком, что ему это просто не по силам. То есть в самом существе веры здесь отсутствует ее органический элемент — смирение. Общеизвестно, что для представителей интеллектуального труда — самым сложным является усмирение своей гордыни и приобретение добродетели смирения.

Но в подобном отношении к Церкви повинна не одна только отечественная интеллигенция. Протопресвитер Александр Шмеман в своей работе “Церковь, мир, миссия” подробно анализирует причины изменения в худшую сторону характера присутствия Церкви в современном мире, указывая на причины кризиса в самой Православной Церкви. Главная из них, по его словам, заклю-

чена в разрыве двух основополагающих законов, по которым живет Церковь, закона веры (**lex credendi**) и закона молитвы (**lex orandi**). Церковь в секуляризирующемся мире сама подпала под тенденцию власти объективных процессов, стала испытывать недостаток в возможности сопротивления современности, потеряла способность обращаться к современности с позиции вечности⁹.

В тоже время нельзя абсолютизировать Божественность и мистичность как веры, так и верующего разума, что приведет и приводит к противопоставлению в Церкви “интеллигенции”, то есть богословов, к которым начинают относиться с подозрением и обычных верующих, которые гордятся своим невежеством. Вспомним преп. Иоанна Дамаскина с его обличением ереси гностиков в “Источнике знания”. Дьякон Андрей Кураев верно, на мой взгляд, подмечает недостаток рационализма в современной отечественной Церкви, боязнь идти на диалог с представителями иных конфессий или верований, этим же духом “боязни” и неприятия разума, верующего, но все-таки разума, проникнуты и обвинительные речи противников преподавания богословия в светских ВУЗах. Можно сослаться на верное замечание митрополита Филарета о том, что богословие выступает против устоявшейся обыденщины, против привычных штампов и перенесения ответственности за историю каждого человека на общепринятость и “болотную комфортность”: “Именно поэтому, — пишет он, — богословие всегда в той или иной мере, скрыто или открыто находится в конфликте с самодовольной обыденностью, суть которой — в нежелании что-либо ставить под вопрос в «мирном течении» повседневности”¹⁰.

Таким образом, проблема интеллигенции и Церкви не имеет однозначного и быстрого решения, а требует внимательного и разностороннего к себе внимания.

Закончить позволю себе проникновенными строками И. Бродского:

Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье — слепота, а чаще — свинство.

Бог смотрит вниз. А люди смотрят вверх.
Однако интерес у всех различен.
Бог органичен. Да. А человек?
А человек, должно быть, ограничен¹¹.

⁹ См.: Протопресвитер Александр Шмеман. Церковь, мир, миссия. — М., 1996.

¹⁰ Митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Оценка состояния и перспектив развития современного православного богословия // Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. — М., 2000. С. 18.

¹¹ Бродский И. Сочинения в четырех томах. Т. 1. — Париж, Москва, Нью-Йорк, 1992. С. 435.

Алек Эшштейн

“ПРЕДАТЕЛИ РОДИНЫ”
КАК ЭКСПЕРТЫ ПО “ПРЕДАННОЙ” РОДИНЕ:
ФЕНОМЕН РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ В ЭМИГРАЦИИ

В нынешнюю эпоху глобализации, вдали от своей реальной или духовной Родины, живет больше людей, чем когда-либо в предшествующие периоды мировой истории. Многие десятки, если не сотни, миллионов людей говорят дома и на работе на разных языках: состояние “диглоссии”, функционального многоязычия, в котором оказались в настоящее время ученые в формально неанглоязычных странах, испокон веков знакомо всем эмигрантам, не обязательно в первом поколении, чья жизнь в диаспоре естественным образом протекает в двух, а то и более, языковых средах.

Вполне сбылся сделанный несколько десятилетий назад прогноз Дж. де С. Прайса, гласивший, что “следует ожидать, что мобильность исследователей в будущем будет достаточно высокой, так что самолетные кресла, занимаемые учеными, не будут пустовать, а научные институты и государства будут постоянно испытывать беспокойство в связи с тем, что они могут потерять исследователей почти сразу же после их приобретения”. Более того, постулировалось, что “положение не нормально, если ученые стремятся оставаться на одной и той же работе в одном и том же месте”¹. Однако во многих странах, в том числе, а возможно — прежде всего, в России эмиграция ученых (и не только ученых) воспринимается как “утечка умов”, и этот термин имел и имеет очевидную негативную коннотацию. “Такая реакция была вполне естественной, поскольку мы привыкли считать российские умы *нашим* национальным достоянием и с трудом привыкали к их регулярному оттоку”, — отмечалось в одной из посвященных этому вопросу монографий².

Негативное отношение к эмиграции ученых и специалистов в России в целом сохраняется и в настоящее время (хотя масштабы этого явления в 2000-е гг. значительно меньше тех, что отличали первую половину 1990-х), а предлагаемые “рецепты противостояния” “утечке умов” весьма вариативны: от при-

---

¹ Прайс Д. Дж. де С. Тенденции в развитии научной коммуникации — прошлое, настоящее, будущее [1967] // Коммуникация в современной науке, под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского — М.: Прогресс, 1976, С. 105.

² Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? — М.: Едиториал УРСС, 2001, С. 70.

зывают к значительному увеличению государственной поддержки научных учреждений до предложений о поощрении развития научных связей российских ученых с коллегами за рубежом, в том числе и в виде краткосрочных зарубежных научных стажировок. Утверждается, и, вероятно, не без оснований, что ученые, имеющие возможность регулярно посещать зарубежные научные центры и возвращаться назад, на привычные места работы и в свои дома, будут менее склонны к той или иной форме невозвратной эмиграции, чем если бы каждая поездка на Запад была бы уникальным случаем, который мог бы и не повториться³. Отрицательное отношение к эмиграции ученых, бывшее частью категорического неприятия советской властью права на выезд своих граждан за рубеж в эпоху “Холодной войны”, сохранилось и многие годы спустя, и это несмотря на то, что “то, что представляется нам [россиянам] как утечка умов, западным коллегам видится как глобальная экспансия русской науки”⁴. Показательно, что в изданной в России в конце 1990-х гг. фундаментальной коллективной монографии “Психология науки” глава “Миграционная активность ученых” объединена в один раздел с главой “Факторы групповой дезинтеграции”⁵. В другой монографии, изданной в тот же период, утверждается, что “в настоящее время процесс «утечки умов» для России явно негативен. Этот процесс замедляет научно-технический прогресс, нарушает режим воспроизводства кадров высокой и высшей квалификации, отрицательно влияет на демографические и социальные стороны общества, наносит стране значительный экономический ущерб”⁶, который авторы считают равным десяткам миллиардов долларов⁷.

При этом следует отметить, что российская научная эмиграция имеет очень давнюю историю, начавшуюся еще до Октябрьского переворота, хотя и сильно “подстегнутую” им⁸. Назовем только некоторых, наиболее известных из работавших за рубежом русских ученых конца XIX – первой трети XX века, имена которых вошли в книгу “Самые знаменитые иммигранты России”⁹. Математик Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891) с 1881 года жила и работала за границей, преимущественно в Стокгольме и Париже. Медик Владимир Аронович Хавкин (1860–1930) жил и работал за границей с 1888 года, по большей части в Индии. Изобретатель в области электроники Владимир Козьмич Зворыкин (1889–1982) покинул Россию в 1917 году, два года спустя оказавшись в США. Авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский (1889–1972) эмигрировал в США в 1919 году. Экономист Василий Васильевич Леонтьев (1905–1999) практически сразу после окончания Петроградского университета оказался в Берлине, потом работал в Китае, а в 1931 году переехал в США; в 1973 году он был удостоен Нобелевской премии. Химик Владимир Николае-

³ Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г., Психология науки — М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 1998, С. 147.

⁴ Жаренова О.А., Кечил Н.В., Пахомов Е.Ю., Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье (М: Центр политической информации, 2002, С. 40.

⁵ Аллахвердян А.Г. и др., Психология науки, СС. 143–147.

⁶ Ушкалов И.Г., Малаха И.А., Утечка умов: причины, масштабы, последствия — М.: Эдиториал УРСС, 1999, С. 101.

⁷ Там же, стр. 86–87.

⁸ См., например, интереснейший сборник статей: Российская научная эмиграция. Двадцать портретов, под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова (М.: Эдиториал УРСС, 2001).

⁹ См.: Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России — М.: Вече, 2001.

вич Ипатьев (1867–1952), выехав в 1930 году в командировку, стал «невозвращенцем», после чего жил и работал в США; 5 января 1937 года он был лишен советского гражданства. В 1922 году из Советского Союза был выслан целый пароход мыслителей, среди которых были известнейший философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948; до 1924 года жил в Берлине, потом преимущественно во Франции), один из крупнейших социологов XX века Питирим Александрович Сорокин (1889–1968; первый год эмиграции прожил в Праге, а в 1923 году перебрался в США) и многие другие. Начиная со второй половины 1920-х годов, эмиграция из Советского Союза стала практически невозможной; почти полностью прекратилась и эмиграция ученых, и лишь немногие остались на Западе после окончания второй мировой войны. Эмиграция ученых возобновилась в 1970-е – 1980-е, и особенно – в 1990-е годы, когда во много раз выросло и число уезжающих за рубеж на работу по контракту; по оценкам, на одного выехавшего на постоянное жительство за границу ученого приходится четыре “контрактника”¹⁰. Как человек с двумя гражданствами – российским и американским – получал Нобелевскую премию по физике за 2003 год Алексей Алексеевич Абрикосов, живущий и работающий с 1991 года в штате Иллинойс. Хотя точных данных об этом нет, к сожалению, нигде, а статистика, касающаяся российской научной диаспоры за рубежом отсутствует, очевидно, что в самых разных странах мира живут и работают (не всегда по своей прямой специальности) многие тысячи российских ученых, сделавших иногда более, а иногда менее успешные карьеры за пределами той страны, где они родились и выросли.

Ученые-гуманитарии в диаспоре оказываются в этой связи в уникальной ситуации. Опыт выживания и сохранения (или утраты) представителями диаспоральных сообществ своего этнокультурного своеобразия естественным образом привлекал и привлекает внимание историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, политологов, юристов и других специалистов во многих странах. Исследователи, занимающиеся вопросами диаспорального самосознания и статуса представителей общин рассеяния, которые сами принадлежат к этим диаспорам, пишут “изнутри”, что не только повышает степень знания ими предмета, но и превращает их в бесценных “информантов” для других ученых и в важных “посредников” для государственных и общественных структур, так или иначе взаимодействующих с теми общинами, к которым эти исследователи принадлежат.

В упоминавшуюся выше книгу “Самые знаменитые иммигранты России” из ученых-гуманитариев были включены только два имени: Н.А.Бердяев и П.А.Сорокин. Показательно, что, среди других трудов, Н.А.Бердяев написал и издал в свои эмигрантские годы книги “Истоки и смысл русского коммунизма” (1937) и “Русская идея” (1943), а П.А.Сорокин — “Современное состояние России” (1922), “Социология революции” (1925) и “Россия и Соединенные Штаты” (1944). Книги эти писались, прежде всего, для западного читателя и были вполне востребованы им. Следует отметить, что “Истоки и смысл русского коммунизма” были впервые изданы по-русски лишь через семь лет после смерти автора, в 1955 году, будучи опубликованными до этого на английском, немецком, французском, испанском, итальянском и голландском языках. Труд П.А.Сорокина “Россия и Соединенные Штаты”, опубликованный нью-

¹⁰ Жаренова О.А. и др., Интеллектуальная миграция россиян, С. 38.

йоркским издательством “E.P. Dutton and Co.” более шестидесяти лет назад, а затем вышедший в Англии, Японии и Португалии, насколько нам известно, не издан по-русски до сих пор. Однако “посредническая” направленность этой работы, о чем недвусмысленно писал сам автор, была очевидна и современникам. В своих мемуарах П.А. Сорокин свидетельствовал: “Мировая война и ее последствия послужили толчком к написанию книги «Россия и Соединенные Штаты». ... Моей практической целью при создании книги было побудить обе страны и их лидеров продолжить взаимовыгодное сотрудничество и предостеречь об ужасных последствиях замены такого сотрудничества политикой конфронтации, «холодной» или «горячей» войной”¹¹. Много лет спустя ближайший ученик и коллега автора Э.А. Тириахьян отмечал, что в этой книге П.А. Сорокин “проявляет свое знание «изнутри» российской и американской истории, русских и американских социальных институтов... Сорокин развенчивает различные мифы о России, начиная от «беспощадного угнетения» этническими русскими других народов и кончая мифом о мистической, непрактичной «русской душе», которая является полной противоположностью рациональной, расчетливой, неэмоциональной «американской души»”. Э.А. Тириахьян заключает, что “это сравнительное исследование, сделанное в 1944 г., должно быть заново «открыто» новым поколением американских и русских социологов, которым любопытно узнать о «другой» стране”¹².

Прежде всего именно в этом качестве, в ролях “информантов” и интеллектуальных “посредников”, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин и, уж конечно, многие не столь знаменитые мыслители были интересны интеллектуальным элитам тех стран, в которых они оказались. Будучи специалистами в самых разных вопросах, русскоязычные гуманитарии в эмиграции почти всегда превращались в славистов, а обществоведы — в советологов. Конечно же, так происходило не всегда, но очень и очень часто. Этот феномен вполне объясним: западные ученые, заслуженно или нет, чувствовали свое изначальное очевидное превосходство над русскими изгнанниками в том, что касалось знания и понимания истории и культуры знакомого им западного мира, и были готовы читать их работы и слушать их лекции почти исключительно о “русской душе”, произведениях интересовавшего их самих Ф.М. Достоевского и коммунистической идеологии. Лишь крайне небольшое число русских ученых-эмигрантов смогли пробить этот “стеклянный потолок”, добившись признания как специалисты по каким-либо иным отраслям гуманитарного знания.

В этом контексте важно отметить, что даже самые “космополитичные” российские ученые-гуманитарии (как правило, — этнические евреи), прожившие в эмиграции многие десятилетия, остаются крепко привязанными к российским интеллектуальным реалиям, даже если они одновременно с этим занимаются и другими темами.

Так, например, филолог и историк литературы Роман Осипович Якобсон (1896–1982), уроженец Москвы, живший с 1920 года в эмиграции, считал себя и воспринимался другими прежде всего как русский ученый, принадлежащий к русской школе и продолжающий русские традиции. По его желанию в над-

¹¹ Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография — М.: Терра, 1992 [перевод американского издания 1963 г.], С. 193.

¹² Тириахьян Э.А. Питирим Сорокин — мой учитель и пророк современности // Журнал социологии и социальной антропологии, том 2, №1, 1999.

писи на его могиле в Кембридже, штат Массачусетс (возле Гарвардского университета, где он преподавал в последние десятилетия), он назван “русским филологом”¹³. Центральной темой научного поиска Р.О. Якобсона было установление взаимосвязи звука и значения в языке, однако, хотя Р.О. Якобсон владел многими языками, многие его работы базировались на изучении “Слова о полку Игореве” и других произведений русского эпоса. В 1926 году был создан Пражский лингвистический кружок; до оккупации Чехословакии немецкими войсками вышли в свет восемь томов “Трудов” Пражского кружка, второй том целиком составляет работа Якобсона по истории фонологической системы русского и других славянских языков. Названия его трудов говорят сами за себя: “Морфологические наблюдения над славянским склонением”, “Русское спряжение”, “О структуре русского глагола” и т.д. С точки зрения формального статуса, Р.О. Якобсон был именно славистом, в 1933–1939 гг. возглавляя кафедру русской филологии университета в Брно, а в 1949–1967 гг. будучи профессором славянских языков и литературы в Гарвардском университете.

Еще один мыслитель-полиглот, также родившийся в Москве, владевший, кроме русского, французским, немецким, английским, древнегреческим, китайским, санскритом и тибетским языками, — Александр Владимирович Кожев (Кожевников, 1902–1968), с 1920 года живший в Германии и во Франции. А. Кожев известен книгами “Идея смерти в философии Гегеля”, “Кант”, “Атеизм” и другими, не относящимися к России, ее истории и культуре. Вместе с тем, будет нелишним напомнить, что его докторская диссертация была посвящена взглядам русского религиозного философа В.С. Соловьева на единство божественной и человеческой природы Иисуса Христа¹⁴. Именно как специалист по русской философии начал А.В. Кожев свой профессиональный путь на Западе.

Одним из учителей А.В. Кожева был другой Александр Владимирович — крупнейший историк науки А.В. Койре (Койранский, 1892–1964), родившийся в Таганроге и уже с 1911 года проводивший большую часть времени во Франции. Хотя основным предметом исследований А. Койре в 1920-е годы были немецкие мистики и алхимики, он написал и издал книгу “Философия и национальная проблема в России начала XIX века” (*“La philosophie et le mouvement national en Russie au début du XIXe siècle”*, 1929)¹⁵. В предисловии он обозначил главную тему книги как общее введение в исследование славянофильского движения, хотя в действительности он описал возникновение того проблемного поля, в котором происходило в дальнейшем столкновение “западников” и “славянофилов”; А. Койре показывает, что российских “западников” ничуть не меньше интересовала “национальная проблема” и взаимоотношения России и Европы, они поначалу говорили тем же языком немецкого романтизма, Шеллинга и Гегеля (этому посвящена глава “Немецкая метафизика в России”). Названия глав книги отчетливо демонстрируют очерченный в ней круг тем: “Проблема национальной цивилизации и судьбы России”,

¹³ Иванов В.В. Будетлянин: взгляд на творчество Романа Якобсона // Российская научная эмиграция. Двадцать портретов, С. 279.

¹⁴ См.: Кожев А. Религиозная метафизика Владимира Соловьева // Вопросы философии, №3 2000, С. 104–135.

¹⁵ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. — М: издательство Модеста Колерова, 2003 [перевод с французского].

“Народность и официальный национализм” и т.д. Из-под пера А. Койре выходит серия публикаций, посвященных русским мыслителям И. Киреевскому (1928), А. Герцену (1931), П. Чаадаеву (1927, 1933), а также распространению идей Гегеля в России (1936). Уже после войны А. Койре издал монографию “Очерки истории философских идей в России” (*“Etudes sur l’histoire des idées philosophiques en Russie”*, 1950). По этим статьям и книгам интересующаяся Россией французская интеллигенция знакомилась с историей российской общественной мысли.

Коллегой А. Койре, знакомившим с историей русской философии и этосом российской интеллигенции английскую читающую публику был другой русский еврей Исая Берлин (1909–1997), детство которого прошло между Ригой и Петербургом¹⁶. Хотя И. Берлин справедливо считается одним из столпов либеральной мысли XX века, автором ряда книг, оказавших значительное влияние на европейскую политическую философию в целом, и в его жизни, и научном творчестве “русские” сюжеты играли очень значимую роль. Во-первых, Исая Берлин, как и А. Койре, много писал о российских мыслителях XIX века в контексте тогдашней европейской интеллектуальной полемики; этому посвящены его работы “Герцен и Бакунин о свободе личности” (1955), “Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов” (1972), “Толстой и просвещение” (1961), “Еж и лиса” (1953) — тоже о Л.Н. Толстом, “Русское народничество” (1960) и другие. Во-вторых, в 1945–1946 гг. Исая Берлин работал в британском посольстве в СССР в Москве, используя открывавшиеся перед ним возможности как для налаживания близких отношений с выдающимися деятелями российской культуры, в том числе с Б.Л. Пастернаком и А.А. Ахматовой (о своих встречах с ними И. Берлин позднее написал интересные воспоминания — “Встречи с русскими писателями”, 1980), так и для лучшего информирования руководства Британии о процессах, происходивших в сфере культуры в Советской России (в 1945 г. для британского правительства им был составлен доклад “Литература и искусство в России при Сталине”, при жизни автора не публиковавшийся)¹⁷. Таким образом, можно сказать, что Исая Берлин выступал не только как своего рода компас для просвещенных слоев гражданского общества Британии, но и как информант для ее официального политического руководства (кстати говоря, А. Кожев тоже сделал успешную карьеру государственного служащего в Министерстве внешней торговли Франции, а затем в качестве одного из советников президента В. Жискара д’Эстена). Именно через призму знаний, опыта и восприятия Александра Койре и Исая Берлина французская и британская интеллигенция знакомилась с оградившимся от Западного мира “железным занавесом” Россией. Родным языком обоих мыслителей был русский, однако, при жизни работы А. Койре по-русски не выходили вообще, а работы прожившего дольше И. Берлина — выходили считанные разы, вследствие чего сейчас вышеперечисленные труды издаются на русском языке в неавторизованных переводах с французского и английского.

¹⁶ См.: Мондри Г. Сэр Исая Берлин // Русское еврейство в зарубежье, том 2 (7), под ред. М.А. Пархомовского и А. Рогачевского. — Иерусалим, 2000, С. 14–23.

¹⁷ Все упомянутые работы вошли в книгу: Берлин И. История свободы. Россия. — М: Новое литературное обозрение, 2001 [переводы с английского].

Кроме Исаяи Берлина, в английских университетах работали и другие уроженцы России, специализировавшиеся на изучении ее истории и культуры: позднее вернувшийся в СССР, арестованный и погибший в ГУЛАГе князь Дмитрий Святополк-Мирский (1890–1939) с 1922 года был профессором в Школе славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета. На английском языке вышли его фундаментальные книги “История русской литературы с древних времен до смерти Достоевского” (1927), “Современная русская литература, 1881–1925” (1926), а также монография о Пушкине (1926); как справедливо отмечает О. Казнина, “выход этих книг обеспечил Д. Мирскому положение ведущего историка русской литературы в Англии. Книги и статьи Д. Мирского формировали представление не только читателей, но и писателей Запада о русской литературе”¹⁸.

В 1932 году на место вернувшегося в Россию Д. Мирского лектором по русской литературе в Лондонском университете был назначен Глеб Струве (1898–1985). На английском языке вышли его книги “Русская советская литература” (1935), “25 лет русской советской литературы, 1918–1943” (1944), “Русская литература во времена Ленина и Сталина, 1917–1953” (1971), по-русски была опубликована фундаментальная книга “Русская литература в изгнании” (Нью-Йорк, 1956, 2-е издание — Париж, 1984). С 1947 года Г.П. Струве жил и работал в США, где преподавал славистику в Калифорнийском университете (Беркли); там он в 1960 году основал журнал “*California Slavic Studies*”. Многие годы Г.П. Струве посвятил популяризации в странах Европы и Америки творчества русских писателей, изданию их книг в Нью-Йорке, Вашингтоне, Париже, Мюнхене; писал к ним вступительные статьи, комментарии. Струве выпустил на английском языке в своем переводе сборник “Русские рассказы” (1961); “Семь рассказов Антона Чехова” (1963), “Антологию русской поэзии: от Пушкина до Набокова” (1967); совместно с Б. Филипповым — сборник произведений И. Бунина (1933). Заслугой Г.П. Струве была публикация произведений “гонимых” в Советской России поэтов. В 1952 году в Нью-Йорке вышла книга “Неизданный Гумилев”, составителем и редактором которой был Г.П. Струве. Позднее усилиями Г.П. Струве совместно с Б. Филипповым было осуществлено издание собраний сочинений Б.Л. Пастернака (в 3-х томах, 1961); Н.С. Гумилева (в 4-х томах, 1962–1968), О.Э. Мандельштама (в 3-х томах, 1967–1971) и других (все эти книги были опубликованы в США). Первое издание “Несвоевременных мыслей” Максима Горького вышло в США в 1968 году в переводе и под редакцией профессора славистики Принстонского университета Германа Ермолаева — уроженца Томска, “невозвращенца”, оказавшегося на Западе в ходе Второй мировой войны. Нельзя сказать, что в Англии и в США в 1920-е — 1960-е годы имело место поголовное увлечение русской литературой, но то, что интересовавшиеся ею, знакомились с ней по книгам преимущественно российских эмигрантов, как Д. Святополк-Мирский, Г.П. Струве, И. Берлин и другие, сомнению не подлежит.

В последующие десятилетия ситуация несколько изменилась: на Западе появились крупнейшие специалисты по российской истории и культуре, не являющиеся уроженцами России, труды, которых, однако, являются эталонными: лучшие на сегодняшний день книги об Александре Блоке и русском символизме написала англичанка Аврил Пайман, самая важная биография

¹⁸ Казнина О. Русские в Англии. — М.: Наследие, 1997, СС. 121–122.

Владимира Набокова создана новозеландцем Брайаном Бойдом, этапная книга о Владимире Маяковском написана шведом Бенгтом Янгфельдтом, важнейшие труды об Андрее Белом и Михаиле Кузьмине изданы американцем Джоном Малмстадом, а об Осипе Мандельштаме — американо-израильским славистом, уроженцем Венгрии Омри Роненом. Аналогичным образом, и в изучении российской и советской истории книги Симона Себага Монтефиоре, Дональда Рейфильда, Шейлы Фицпатрик, Энн Эплбаум, Уильяма Таубмана (двое последних — лауреаты Пулитцеровской премии за книги “ГУЛАГ” и “Хрущев: человек и его эпоха”) и многих других авторов в целом значительно превосходят уровень работ по аналогичным темам, издаваемых в современной России, вследствие чего, и переведенные на русский, эти труды оказываются востребованными самыми взыскательными читателями. Десятилетия подавления свободного развития гуманитарных и общественных наук в Советском Союзе не прошли бесследно, и на сегодняшний день российские авторы не являются лидерами ни в мировой славистике, ни в советологии и той так и не имеющей имени науке, которая пришла ей на смену после распада Советского Союза. В России есть прекрасные ученые-гуманитарии и общественности, но сегодня никто из них не может претендовать на статус непревзойденного авторитета в русистике и советологии, а лучшие на сегодняшний день биографии А.А. Блока, В.В. Набокова или Н.С. Хрущева, повторим, были написаны по-английски авторами, для которых английский — родной язык. Фактический феодальный режим в подавляющем большинстве российских государственных университетов и гуманитарных институтов Академии наук, руководство которых неизвестно за пределами России практически никому, разумеется, никоим образом не способствует развитию серьезных научных исследований.

С появлением на Западе крупнейших специалистов по истории и культуре России роль эмигрантов снизилась, но она остается весьма значительной. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на списки сотрудников кафедр славистики ведущих научно-образовательных учреждений США. Главой кафедры славистики Стэнфордского университета в настоящее время является выпускник московского института иностранных языков (1971) Григорий Фрейдин, живущий в США с 1972 года, автор книг о творчестве Эдуарда Багрицкого и Исаака Бабеля. В Йельском университете одним из ведущих профессоров-славистов является выпускник Вильнюсского (1960) и Тартуского (1971) университетов Томас Венцлова; в Гарварде — выпускница РГПУ им. А.И. Герцена (1980) Светлана Бойм; в Стэнфорде — выпускник Рижского (1966) и Тартуского (1968) университетов выдающийся литературовед Лазарь Флейшман; в Колумбийском университете — выпускники Московского и Тартуского университетов Борис Гаспаров (в США с 1981 года) и Ирина Рейфман (в США с 1980 года); в Калифорнийском университете, Лос-Анджелес — выпускник МГУ (1977) Александр Осповат и т.д. В Мичиганском университете работает крупнейший специалист по социологии советского общества, уроженец Киева, защитивший еще в 1966 году докторскую диссертацию в ИМЭМО Владимир Шляпентох. Иными словами, и сегодня сотни и тысячи американских студентов входят в мир российской истории, культуры и литературы, где их проводниками являются уроженцы России, эмигранты, коих на родине раньше презрительно именовали “отщепенцами”, а сейчас проводят по разряду “утекших умов”. На самом же деле именно эти люди строят мосты между народами и культурами,

знакомя нынешнее и будущее поколение американской интеллигенции с прошлым и настоящим российской культуры.

Влияние эмигрантов велико не только в университетской среде в США, но и в интеллектуальных кругах Европы. К настоящему моменту ушли из жизни выдающиеся литературоведы Ефим Эткинд (1918–1999) и Шимон Маркиш (1931–2003) — первый четверть века прожил в Париже, где долгие годы был профессором X Парижского университета, второй 23 года служил профессором русского языка и литературы на кафедре славистики Женевского университета — но живы и плодотворно работают другие люди. Так, в Англии с 1972 года живет искусствовед Игорь Голомшток, книга которого “Тоталитарное искусство” (1990, по-русски издана в 1994 году) стала значительной вехой в понимании советской духовной жизни. Борис Ефимович Гройс — выдающийся теоретик и культуролог, выпускник Ленинградского университета, работавший в конце 1970-х научным сотрудником на кафедре структурной и прикладной лингвистики МГУ, ныне является профессором в Карлсруэ, Германия, а его книга “*The Total Art of Stalinism*” (1992, по-русски издана под названием “Искусство утопии”) опубликована на шести языках, включая японский. Все четверо перечисленных теоретика — Е.Г. Эткинд, Ш.П. Маркиш, И.Н. Голомшток и Б.Е. Гройс — принадлежат к числу самых крупных российских гуманитариев, принципиально обогативших изучение российской культуры. В Килском университете в Англии с 1973 года преподает Валентина Полухина — уроженка Сибири, выпускница аспирантуры МГУ, ныне — виднейший специалист по творчеству И.А. Бродского, автор первой монографии о нем. В крупнейшем научном центре Ближнего Востока — Еврейском университете в Иерусалиме — работают такие серьезные ученые-слависты как Дмитрий Сегал, Владимир Хазан, Елена Толстая, Михаил Вайскопф и некоторые другие, все они — уроженцы СССР/России.

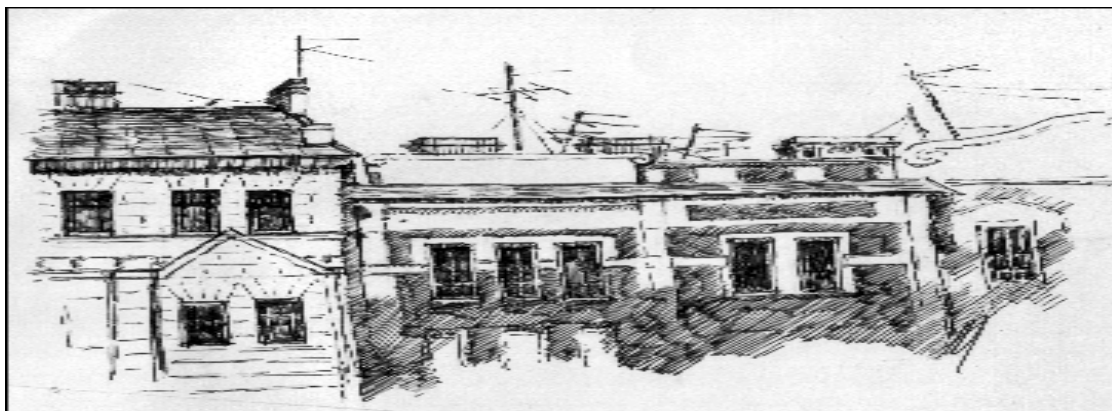
Подведем итог. Отношением к ним как (в лучшем случае) “утекшим” умам, а в худшем — как к “предателям Родины” официальная Россия наносит вред и самим ученым, и изучению России, и своему образу в общественном сознании зарубежной интеллигенции. Работая в разных уголках планеты, гуманитарии российского происхождения внесли и продолжают вносить громадный вклад как в научное изучение России и ее культуры, так и в преподавание всего спектра дисциплин, связанных со славистикой, русистикой и советологией в ведущих научно-образовательных центрах. Россия может и должна гордиться своей научной диаспорой, видя в ней мост, позволяющий хоть как-то преодолевать наследие нескольких десятилетий интеллектуальной автаркии. Ученые-эмигранты в состоянии говорить на одном языке, понимая релевантные культурные коды, и с коллегами и студентами на Западе, и с представителями различных слоев общества в самой России; в этом их непреходящая значимость и залог их востребованности не только в настоящем, но и в будущем.

В ТЕМУ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вадим Дементьев

**МАСТЕР, ПРОФЕССИОНАЛ, СПЕЦИАЛИСТ
В ПРОЗЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА**

Проблема творчества, творца была одной из ключевых в прозе Михаила Булгакова¹. Писатель воспевал творческий поиск как основу деятельности ученых, представителей одной из собственных специальностей — врачей (Филипп Филиппович, Персигов). Еще больше это касалось литературной деятельности — главного жизненного поприща Булгакова. Недаром *мастер*-писатель оказался в названии главного романа его жизни: “*Мастер* (в тексте это слово пишется с маленькой буквы) — это безымянное имя, имя-обобщение, означающее «творец, в высочайшей степени профессионал своего дела». *Мастер* — самое первое слово романа, им открывается произведение в целом, и открывается оно темой творчества”².

Необходимо подчеркнуть, что *мастер* оказался удивительно на месте: едва ли в названии романа могли быть *профессионал, специалист* — слова, близкие по значению, а в некоторых контекстах (например, в приведенном толковании названия романа В.П. Крючковым) синонимы слова *мастер*.

Мы считаем, что великий писатель тонко чувствовал некоторые важные тенденции в семантике русского языка, а также в общественном сознании 20-х — 30-х гг. Следует отметить, что для того времени было несколько необычным решение Булгакова использовать слово *мастер* для обозначения писате-

---

¹ Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. — Даугава. 1988. № 10-12; 1989. № 1; Дунаев М.М. Рукописи не горят? (Анализ романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”). — Пермь, 1999; Корблев А.А. Время и вечность в “Мастере и Маргарите” М. Булгакова // Художественная традиция в историко-литературном процессе — Л., 1988; Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография / Под ред. Н.А. Грозновой и А.И. Павловского. Кн. 1-3. — Л., 1991-1995; Химич В.В. Творчество Михаила Булгакова. — Екатеринбург, 1996; Яблоков Е.А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. — М., 1997; Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. — Израиль, 1997.

² Крючков В.П. “Еретики” в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. — Саратов, 2003, С.195.

ля (тем более выносить в название романа в этом значении)³. Как известно, это было полемическим решением по отношению к современникам Булгакова — писателям и поэтам “серебряного века”⁴.

В то же время одной из постоянных мишеней сатиры Булгакова (антисоветской по существу) был непрофессионализм советской власти. Главная оппозиция произведений 20-х гг. — великолепный *профессионал* (носитель культурного наследия предшествующей эпохи и одновременно здравого смысла) ~ *профан* (представитель новой власти): Филипп Филиппович ~ Швондер, Персиков ~ Рокк...

Казалось бы, *мастер* (например, в “Мастере и Маргарите” — а сатирическая составляющая романа очень значительна) и должен быть противопоставлен *непрофессионалу, профану*. В действительности же оппозиция “*профессионал ~ непрофессионал*” почти перестает быть актуальной в “Мастере и Маргарите”: конечно, Иван Бездомный — профан, но профан, стремящийся учиться. Главным же антагонистом Мастера выступает Берлиоз, а также Латунский, Алоизий Могарыч⁵ — всё это, несомненно, по-своему очень грамотные *профессионалы*.

Таким образом, центральным в романе становится противопоставление “*мастер (=творец, талантливый и честный труженик) ~ профессионал / специалист (=образованный прислужник лживой, антитворческой и, следовательно, античеловеческой власти)*”.

Булгаков — как и писатели-*пророки XIX в.* — решает оппозицию “*мастер ~ профессионал*” в нравственном ключе — именно в том значении, в каком она существует в современном русском языковом сознании, как будет показано ниже.

*

Содержательное противопоставление “*мастер ~ профессионал*”, по-видимому, малоактуальное для русского языка XIX и начала XX века, становится весьма актуальным в последние 40-50 лет, т.е. совпадает по времени с настоящим осмыслением наследия Булгакова.

Лексемы *мастер* и *профессионал* часто используются как синонимы, однако в их семантике и сфере употребления есть один существенный отличительный признак: *мастер* (=умелец) — безусловно и безотносительно положительная характеристика (*Фабий становился замечательным живописцем — уже не простым любителем, а мастером. Тург. Песнь торж. любви*); *профессионал* (=специалист) — характеристика хотя тоже скорее положительная (ср.: *Он настоящий профессионал в стране любителей*), но более узкая, функциональная (*На путь профессионала-боксера его толкнул дядя Боб. Билль-Белоцерк. Пощечина*). *Мастер* прежде всего приносит пользу людям, служит им и отчитывается за свои действия перед Богом; *профессионал* вступает с обществом в рациональные взаимовыгодные отношения и если перед

³ В 1934 году И. Сталин в телефонном разговоре с Б. Пастернаком спросил его о Мандельштаме, действительно ли тот является серьезным поэтом, *мастером*: «Но ведь он мастер, а? Мастер?»

⁴ *Лакшин В.Я.* О Доме и Бездомье (Александр Блок и Михаил Булгаков). — Литература в школе. 1993. № 3.

⁵ *Арсланов В.* За что казнил М. Булгаков М.А. Берлиоза? — Вопросы литературы. 1989, № 8; *Подгаец О.А.* Бездомный, Латунский, Рюхин и другие. — Русская речь. 1991. № 3.

кем отчитывается, то только перед работодателем и другими (лучшими) профессионалами. В целом *мастер* является более важным концептом в русской языковой картине мира, это более частотное слово в речи, обнаруживает большую способность к метафоризации и фразеологизации (*мастер на все руки, мастер своего дела, рука мастера, дело мастера боится*), в то время как лексема *профессионал* не способна ни к тому, ни к другому. Как уже говорилось, довольно трудно представить, чтобы роман Булгакова мог быть назван “*Профессионал и Маргарита*”.

По нашему мнению, противопоставление “*мастер ~ профессионал*” реализует оценочную оппозицию, которая занимает важное место в русской коммуникации и языке, хотя редко фиксируется словарями. Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как **п р о т и в о п о с т а в л е н и е** (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) **н а ч а л а в ц е л о м п е р с о н а л ь н о г о , л и ч н о с т н о г о и м е ж л и ч н о с т н о г о — и н а ч а л а с о ц и а л ь н о г о , н е л и ч н о с т н о г о (официального, ритуального).**

Левый член оппозиции оценивается через призму русской “межличностной” системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка — и в то же время в русском речевом сознании данное явление **о ц е н и в а е т с я о т р и ц а т е л ь н о** за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, **P (personal)**, то наличие **P, [P]** представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие **P, [-P]** оценивается отрицательно⁶.

Пара “*мастер ~ профессионал*” по представленности в ней оценочной оппозиции **[P] ~ [-P]** встает в один ряд с другими лексическими парами:

- (1) *мастер ~ профессионал*;
- (2) *мой парень ~ мой бойфренд*;
- (3) *халявщик ~ иждивенец*;
- (4) *очень плохо ~ крайне неудовлетворительно*;
- (5) *убийца ~ киллер*.

Обращает на себя внимание содержательная близость лексем *киллер* и *профессионал*; часто они используются в одних и тех же контекстах, иногда

⁶ Данная оценочная оппозиция рассматривалась нами в: *Дементьев В.В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7 — Саратов. 2007; Дементьев В.В. Время и язык: системы оценки // Stylistyka XVI.— Opole, 2007.*

как синонимы. Очевидно, что *киллер* должен быть *профессионалом* (характеристика *профессионал* по отношению к *киллеру* воспринимается последним как комплимент); возможность гиперонимических отношений между лексемами *профессионал* и *киллер* обусловлена принципиальным отсутствием нравственной оценки, характерным для лексемы *профессионал* так же, как для правых членов всех оппозиций типа [P] ~ [-P]. По этой же причине характеристика *мастер* по отношению к *киллеру* (за редкими исключениями в маргинальных группах) возможна только как недобрая ирония.

В русском языке существует множество оппозиций, подобных (1)–(5): совесть ~ нравственность, этика; народ ~ население, электорат; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель, менеджер; интеллигент ~ интеллектуал; банда, шайка ~ группировка; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ легитимный, правовой; добро ~ благосостояние; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; ... ~ состоявшийся; вожак ~ лидер; друг ~ ...; известный ~ раскрученный; дом ~ быт; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...

Лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо *уже*, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; есть отчетливая тенденция к тому, что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый — заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый — нейтральную или положительную, однако данная тенденция не прослеживается до конца.

Парадоксальным образом общая идея ограниченности, присущая члену [-P], становится особенно заметна в паре “*мастер* ~ *профессионал*”, где, казалось бы, как раз раздвинуты границы обычного, обоим дано больше, чем “обыкновенным” людям. В том-то и дело, что *профессионалу* НЕ дано — по крайней мере, *быть профессионалом* вовсе не обязательно предполагает “дар Божий”, без которого *быть мастером*, очевидно, невозможно. Показательна сочетаемость с прилагательным *узкий*: *узкий профессионал* — распространенное выражение (хотя это всё же далеко не то же самое, что “просто” *профессионал*, и нередко выступает как отрицательная характеристика неспособности при оценке чего-либо выйти за рамки своей профессии: *Это никого, кроме узких профессионалов, заинтересовать не может; это не для узких профессионалов*) при невозможности *узкий мастер*. *Мастер*, прежде всего, предан своей работе, бескорыстно любит свое творение, может быть энтузиастом и даже одержимым — все эти качества несущественны для *профессионала* или противопоказаны ему.

В то же время *быть профессионалом* означает определенным образом относиться к социальным институтам: получить *профессию* (для этого необходимо учиться у других *профессионалов*, и об этом выдается свидетельство социальным институтом), достаточно долгое время работать по *профессии*. В таких социумах “производство” *профессионалов* “поставлено на поток”. Несущественно также, если *профессионал* не имеет собственного лица: *профессионал* хорош настолько, насколько он похож на других *профессионалов*. *Мастер* всегда “непохожий”; хотя в обществе вовсе не обязательно должно быть мало

мастеров, каждый из них уникален, а “рождение” *мастера* всегда чудо. *Мастер* может получить, а может и не получить специального образования; скорее учится у кого-то, но, в конце концов, и это не обязательно (*мастер-самоучка, Кулибин, Левша*); наконец, уже совсем не имеет значения, работает ли он и как долго по своей специальности — *мастер* должен быть *от Бога*, и это главное. *Мастер* и *профессионал* — это *дар* и *навыки*, это Моцарт и Сальери, талант и ремесленник.

Кроме того, только *быть профессионалом* означает занимать *выгодное место* в обществе: сочетания *бедный / нищий мастер, мастер-бессребреник* являются не менее обычными, чем *богатый мастер*: *Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер* вовеки не узнает, идет она вам или нет (Е. Шварц. Дракон); *Я сам, изволите видеть, вышел из мещан, отец мой был золотых и серебряных дел мастер, и звали его просто Сребреник, но был он, истинное мое вам слово, настоящий бессребреник и жадность эту мужицкую ненавидел всей душой, с детства нам это твердил: поп, купец и мещанин - одна партия, бык, черт и мужик – другая* (М.М. Пришвин. Дневники); *нищий профессионал* звучит, по меньшей мере, странно.

Названный нравственный содержательный компонент делает в принципе невозможным представление *мастера* как высшего *профессионала*.

Возвращаясь к оппозиции *мастер ~ профессионал / специалист* в творчестве Булгакова, следует отметить, что у писателя получают очень четкое отображение и осмысление многие содержательные особенности названной оппозиции (бинарной или тринарной).

Обращает на себя внимание то, что в тексте повестей «Собачье сердце» и «Роковые яйца» вообще нет слов *мастер* и *профессионал*: никто из исследователей-творцов никогда не был назван так.

Несмотря на отсутствие слова, Филипп Филиппович в начале повести — ярко выраженный *профессионал*: живет в барской роскоши — в голодной, задыхающейся от нищеты, истекающей кровью Москве двадцатых годов, а главное — демонстрирует индивидуалистическую жизненную философию западного толка; ср. его пафосные речи о “разделении труда” (*В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо. И никаких разрух...*), отказ помогать детям Германии (причем объясняет свой отказ тоже как *профессионал*: только рационально-рассудочные аргументы, где нет места нерассуждающему состраданию). Профессор готов с хладнокровием *профессионала* (недрогнувшей рукой и без ненужных сожалений) отправить на заклание *милейшего пса* — если нужно “ради дела”; наконец, он оперирует исключительно богатых, преимущественно аморальных людей (не показано ни одного случая, когда он спасает бедного человека или отказывается от вознаграждения), а стало быть, только ради денег.

Однако таким он остается недолго: в критической ситуации Филипп Филиппович говорит и действует совершенно иначе. Он переживает *нравственные* мучения, чувствует свою ответственность перед Истиной и перед Богом. Собственно, трансформация взглядов Филиппа Филипповича, его прозрение и раскаяние, фактически означающие отказ от мировоззрения *профессионала*, составляют главный конфликт повести:

— *Если бы кто-нибудь, — сладострастно продолжал Филипп Филиппович, — разложил меня здесь и выторол, — я*

бы, клянусь, заплатил бы червонцев пять! “От Севильи до Гренады...” Черт меня возьми... Ведь я пять лет сидел, выковыривал придатки из мозгов... Вы знаете, какую я работу проделал — уму непостижимо. И вот теперь, спрашивается — зачем? Чтобы в один прекрасный день милейшего пса превратить в такую мразь, что волосы дыбом встают.

— Исключительное что-то.

— Совершенно с вами согласен. Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, поглядь Шарикова и ешь его с кашей.

— Филипп Филиппович, а если бы мозг Спинозы?

— Да! — рявкнул Филипп Филиппович. — Да! Если только злосчастная собака не помрет у меня под ножом, а вы видели — какого сорта эта операция. Одним словом, я — Филипп Преображенский, ничего труднее не делал в своей жизни. Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола? — спрашивается. Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого. Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар. Теперь вам понятно, доктор, почему я опорочил ваш вывод в истории Шариковской болезни. Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... Да, не спорьте, Иван Арнольдович, я ведь уж понял. Я же никогда не говорю на ветер, вы это отлично знаете. Теоретически это интересно. Ну, ладно! Физиологи будут в восторге. Москва беснуется... Ну, а практически что? Кто теперь перед вами? Преображенский указал пальцем в сторону смотровой, где почивал Шариков:

— Исключительный прохвост.

— Но кто он — Клим, Клим, — крикнул профессор, — Клим Чугунов (Борменталь открыл рот) — вот что-с: две судимости, алкоголизм, “все поделить”», шапка и два червонца пропали (тут Филипп Филиппович вспомнил юбилейную палку и побагровел) — хам и свинья... Ну, эту палку я найду. Одним словом, гипофиз — закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! “От Севильи до Гренады...” — Свирепо вращая глазами, кричал Филипп Филиппович, — а не общечеловеческое. Это — в миниатюре — сам мозг. И мне он совершенно не нужен, ну его ко всем свиньям. **Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался. Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый.**

Безусловно, в приведенном монологе Филипп Филиппович рассуждает совершенно “как мастер”.

Очень интересно следующее его высказывание:

А бросать коллегу в случае катастрофы, самому же выскочить на мировом значении, простите... **Я — московский студент, а не Шариков.**

Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля.

Как видим, речь вновь идет о нравственных материях. Кстати, несложный подсчет показывает, что Филипп Филиппович родился примерно в 1865 г. (ровесник Александра Ульянова), и если сохранил до старости представления о нравственности, воспитанные в студенчестве (а это вторая половина 1880-х — время, когда понятие чести, интеллигентности и нравственного долга были настоящими жизненными ориентирами для лучшей части студенчества), это означает, что он живет, мыслит и чувствует далеко не как профессионал.

Почему же Филипп Филиппович никогда не назван *мастером*?

В целом семантика слова *мастер* обусловлена внутренней формой: *мастер* < *мастерить*, т.е. делать что-то творчески, при этом *руками*; другие значения мотивированы данной внутренней формой: *мастер* — это тот, кто творчески создает, производит что-то. Поэтому писателя можно назвать *мастером*, а профессора — нет.

Думается, есть еще одно противопоставление, не столь явное, но не менее важное: *мастер* — это *творчество*, которому, как это в целом характерно для оппозиций типа [Р] ~ [-Р], противостоит некая рациональная, интеллектуально-логическая деятельность. Идеи “руками” и даже “производит” могут быть опущены, но идея творчества всегда остается; поэтому *мастером* могут быть названы и, например, изощренный манипулятор (*мастер уходить от опасности*), и искусный соблазнитель:

— Э! да не отбил ли он у тебя твою красавицу, эту... как ее? да! он **мастер** на это: тебе трудно тягаться с ним. Повеса! повеса! — сказал Петр Иваныч, положив в рот кусок индейки.

— Он дорого заплатит за свое **мастерство**! — сказал Александр, всыхнув (И. Гончаров. Обыкновенная история)

Почему же не могут быть названы *мастером* профессор, ученый, преподаватель, редактор? Думается, дело не в отсутствии творчества, а в том, что в семантике этих слов подчеркивается и выходит на первый план интеллектуально-логическая деятельность.

Точно так же и Филипп Филиппович, несмотря на все его нравственные метаморфозы, упоминание “московского студента”, занят прежде всего (по крайней мере, с точки зрения языка) интеллектуальным, рациональным — а уже после творческим трудом.

Профессор и ученый не могут быть названы также *профессионалом*, но по совершенно другой причине: в семантике этих слов уже присутствует в ы с - ш а я с т е п е н ь профессионализма; для преподавателя, репетитора, редактора оценка *профессионал* актуальна и желательна.

Почему нет лексемы *творец* (например, по отношению к Мастеру, Филиппу Филипповичу и т.д.)? Творец (с большой буквы) — только Бог, за высокомерие таких притязаний Булгаков осуждает и наказывает (Филиппа Филипповича, гораздо более сурово — Персикова). В то же время из всех оценочных лексем, обозначающих квалифицированный труд, умения *мастер* (в том числе в нравственном своем значении) ближе всего к *творцу*: “*Мастер* означает творец, создатель, демиург, художник, а не ремесленник. Булгаковский герой

— Мастер, и это сближает его с Творцом — создателем, художником-архитектором, автором целесообразного и гармоничного устройства мира”⁷.

Счёт, который Булгаков предъявляет новой власти за гонения на Творца в “Собачем сердце” и особенно в “Мастере и Маргарите”, только отчасти сводится к “непрофессионализму”, к тому, что “все занимаются не своим делом”⁸: главное, на оппозицию “*профессионал ~ непрофессионал*” накладывается важнейшая, нравственная оппозиция: Пророк (*Мастер*) ~ безнравственная власть (в ранних произведениях представителем власти выступает дилетант-профанатор, как Швондер в “Собачем сердце”, позднее — уже настоящий *профессионал*, как Берлиоз). Несомненно, тот факт, что Берлиоза воландовская команда наказывает наиболее жестоко, означает, что оппозицию *мастер ~ профессионал* Булгаков считал главной, давал нравственную оценку выбору в качестве жизненной позиции безнравственного *профессионализма*.

*

Представляет интерес история оппозиции “*мастер ~ профессионал*” в русском языке; как уже было сказано, в 20-30 годы, когда творил Булгаков, данная оппозиция как разновидность общей оппозиции [Р] ~ [-Р] еще не сложилась.

Сами же по себе лексемы *мастер* и *профессионал* к тому времени уже прочно вошли в русский язык: *мастер* заимствуется из греческого уже к X в.; *профессионал* — в XIX в. из французского⁹, однако и после заимствования слова *профессионал* в XIX в. оно не сразу встает со словом *мастер* в оппозицию [Р] ~ [-Р]. Так, *мастер* не был противопоставлен *профессионалу* в начале XX в., когда Николай Оцуп заявил основные принципы поэзии “Серебряного века”: сравнивая литературу Золотого века русской словесности (эпоха Пушкина, Достоевского, Толстого) с литературой рубежа XIX и XX веков, Н.А. Оцуп отмечает, что Золотой век отличали: а) грандиозность поставленных задач, б) высокое трагическое напряжение и пророческий характер поэзии и прозы, в) совершенство формы. Литературе Серебряного века свойственно: а) глубина сознательного анализа явлений, б) “*мастер побеждает пророка*” (можно предположить, что в этой фразе в настоящее время вместо *мастера* вполне мог бы быть назван *профессионал*), в) всё суше, бледнее, чище, ближе к автору, более — в человеческий рост¹⁰.

Булгаков же склонялся именно к великим традициям русской классической литературы, и у него писатель (*мастер*) как раз *Пророк*.

В советской идеологии, с которой была в корне несовместима идея, что *зарплата* должна быть *заработанной*, *профессионала* не жаловали — именно в силу того, что за этой лексемой стоят некие взаимовыгодные (а следовательно, “рыночные”, товаро-денежные) отношения с обществом; лексема *профессионал* часто использовалась как отрицательно-оценочная, своеобразный символ отношений в мире чистогана — как в официальных партийных

⁷ Крючков В.П. “Еретики” в литературе: Л. Андреев, Е. Замятин, Б. Пильняк, М. Булгаков. — Саратов, 2003, С.218.

⁸ Проффер Э. Художник и власть: По страницам романа “Мастер и Маргарита”// Иностранная литература. 1991. № 5.

⁹ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1994.

¹⁰ Оцуп Н. “Серебряный век” русской поэзии. // Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах. Статьи и восп-я (2-е изд). — СПб., 1994, С.555.

СМИ (*Ни у кого здесь нет ни малейших сомнений в том, что действовал профессионал, в руки которого вложили оружие расистские власти Претории, Д. Септембер уже не раз получала письма с угрозами расправы*¹¹, так и во вполне неофициальных текстах, например, песне В. Высоцкого о канадских хоккеистах (*Профессионалам / зарплата навалом ... А наши ребята / за ту же зарплату / Уже пятикратно уходят вперед*).

В России позднесоветского периода оппозиция “мастер ~ профессионал” осмысливается уже несколько иначе: противопоставляя “общечеловеческие ценности” коммунистическому кликушеству, многие интеллигенты “реабилитировали” профессионала как своеобразный символ “свободного мира”, свободной самореализации личности, здоровых отношений в обществе.

В России позднесоветского периода стал всенародным любимцем романтический профессионал-контрразведчик, блестяще сыгранный Ж. Бельмондо в одноименном фильме.

Перестроечная идеология вообще сделала профессионала одной из ключевых идей “нового мышления”, наряду со свободным предпринимательством и хозрасчетом. Резко меняется отношение к профессионалам в спорте (прежде всего хоккеистам). В СМИ этого периода профессионал — одно из наиболее частотных слов, при этом используется практически исключительно как ярко-положительная оценка, как символ того, чего больше всего недостает СССР для достойного существования в соответствии с общечеловеческими ценностями.

Интересно, что в “перестроечную” эпоху именно профессионал нередко становился высшей стадией мастера, а не наоборот:

Долговязый с острым, каким-то профессиональным интересом смотрел, как швейцар выбивает через вертящуюся дверь последнего буяна, еще не вполне пришедшего в себя. “Жалко, этого не было,— шепотом сказал Тэдди, указывая глазами на долговязого.— Вот это мастер! Это тебе не ты. Профессионал, понял?” (А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба).

Как видим, советская идеология, несмотря на партийные ярлыки, в целом правильно понимала смысл восходящей, как было показано, к русской культурной традиции оппозиции “мастер ~ профессионал” (профессионал зарабатывает много денег, выгодно продавая свои умения, и для него главное — деньги, а не моральная сторона его деятельности; мастер скорее дарит свои способности обществу, думая о пользе для других, а не для себя); в перестроечной идеологии, при смене оценки профессионала на противоположную, сохраняется та же идея рациональных взаимовыгодных отношений с обществом.

Несомненно, настоящая, подлинно народная слава такого великого романа, как “Мастер и Маргарита”, стоит вне времени, особенностей конкретных исторических периодов. Популярность же “Собачьего сердца” (осторожно выскажем предположение, что всё же немного несоразмерная с настоящим художественным значением этого во многом еще ученического произведения) в 1980-е годы, по нашему мнению, прямо связана с названной романтизацией профессионала — а наиболее очевидные черты в облике Филиппа Филипповича, как уже говорилось, подчеркнута принадлежат профессионалу. Как не

¹¹ В. Прокофьев. Выстрелы на улице Петит-Экюри // “Труд”, 1988.04.01

вспомнить мгновенно ставший культовым фильм этого времени, собравший целое созвездие лучших актеров советского кинематографа! Наше предположение о том, что оппозиция “*профессионал ~ непрофессионал*” в “Собачьем сердце” в восьмидесятые годы воспринималась более остро, чем в двадцатые, в фильме подтверждает диалог между *студентом* и *рабочим*, отсутствующий в оригинальном тексте Булгакова, — диалог очень ярко выраженных *профессионала* и *профана*:

Студент: Быть может, на долгие века запомнит человечество это наследие, доставшееся науке от эпохи военного коммунизма. Пусть из этих живущих отдельной жизнью желёз будут созданы особые рабочие станки, специальные фабрики по омоложению и исправлению живых людей!

(Аплодисменты, крики: “Молодец!” Студент сходит с трибуны, к нему подходит молодой человек пролетарской наружности):

Рабочий: Я вот тоже: Брокгауза и Евфрона читал. Два тома прочел. Читаешь, читаешь, слова легкие: Мечислав, Богуслав... И убей Бог не помню: какой кто? Книжку закроешь — всё вылетело!

(Студент пытается уйти, рабочий берет его за грудки):

Рабочий: Помню одно: Мандриан! Какой, думаю, Мандриан? Нет там никакого Мандриана! Там, с левой стороны, два Броневских. Один — господин Андриан, другой — Мариан. А у меня Мандриан!.. А у меня Мандриан...

Следует отметить, что в настоящее время чрезмерное тиражирование экспрессии *профессионала* в таком значении (особенно в рекламе постсоветского периода) в некоторых случаях приводит к тому, что экспрессия начинает восприниматься как стертая и надоевшая. В двухтысячные годы романтическая аура вокруг *профессионала* несколько тускнеет, однако положительная оценка в целом сохраняется:

*Мы — команда **профессионалов**, специализирующихся на услугах для торжеств: свадеб, крещений, венчаний, корпоративных мероприятий, выпускных и др. Группа **профессионалов** в сфере свадебных услуг, созданная для того, чтобы вы сэкономили ваше время и добились наилучших результатов;*

*Ремонт квартир и дизайн интерьера — услуги **профессионалов**. В целях поддержания высокого уровня предоставляемых услуг, у нас работают только **профессионалы** с опытом работы от трёх лет;*

*Ремонт автомобилей, кузовной ремонт, покраска автомобиля. В нашей автомастерской работают только настоящие **профессионалы**, выполняющие ремонт кузова любой сложности...*

В заключение скажем несколько слов о лексеме *специалист* и ее месте в текстах Булгакова и в рассматриваемой нравственно-оценочной оппозиции.

В целом, хотя *специалист* в русском языке раннесоветского периода, безусловно, входит в оппозицию [P] ~ [-P], история и семантика данной лексемы, по сравнению с рассмотренными *мастером* и *профессионалом*, менее богата и интересна. Это отразилось в произведениях Булгакова. Так, в “Собачьем сердце” слово *специалисты* появляется лишь однажды, и отнюдь не в положительном значении — по отношению к жуликам, которые, даже будучи мертвецки пьяны, ловко украли вещи Филиппа Филипповича:

— Изумительнее всего, что ведь они же оба пьяные... Как же они ухитрились? — поражался Филипп Филиппович, глядя на место в стойке, где некогда помещалась память юбилея.

— **Специалисты**, — пояснил Федор, удаляясь спать с рублем в кармане.

В “Мастере и Маргарите” специалистом (по древним магическим рукописям) называет себя Воланд:

— А у вас какая специальность? — осведомился ласково Берлиоз.

— Я — **специалист** по черной магии.

“Нá тебе!” — стукнуло в голове у Михаила Александровича.

— И... и вас по этой специальности пригласили к нам? — заикнувшись, спросил он.

— Да, по этой пригласили, — подтвердил профессор и пояснил: — Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века. Так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире **специалист**.

— А-а! Вы историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

В русском языке советского времени не оформляется четкая оппозиция “специалист ~ профессионал”, хотя обе лексемы, по сравнению с мастером (или творцом), отчетливо представляют собой правый член оппозиции [Р] ~ [-Р]. В целом специалист — точно такой же профессионал, как в примерах, рассмотренных выше, только вставший на службу социалистическому государству (и всем институтам советской чиновничье-бюрократической системы), и в этом отношении образует с “просто” профессионалом не очень четко формализуемую, но всё же существующую оппозицию: профессионал — тот, кто служит не н а ш е м у государству, строю, типу отношений — “буржуазному”, товарно-денежному. Не случайно в приведенном примере из “Мастера и Маргариты”, когда Воланд отрекомендовался специалистом, приехавшим в СССР, это воспринимается допрашивающими его Берлиозом и Бездомным как нечто нормальное, “правильное”, успокаивает их, а у Берлиоза вызывает большое уважение.

Показательны типичные сокращения: от специалиста — вполне советски спец, от профессионала — на западный лад профи. Следует отметить, что профессионал сам по себе актуализирует не очень большую степень индивидуальности (профессионал — “всего лишь” один из многих, тогда как мастер — гений, единственный sui generis и неповторимый); однако “как профи” ассоциируется с (не нашим) индивидуализмом.

Индивидуальность сильна в семантике мастера, который с трудом способен встать в строй, поэтому в СССР мастер (несмотря на нравственный компонент значения, который обычно так охотно эксплуатировала советская идеология: см. чрезвычайно частотные в советских идеологических текстах родной, любимый, отец, верный, преданный¹²), оказался даже менее востребован, чем специалист.

В целом мастер отчасти изменил семантику, которая стала очень узкой, и в таком виде вошел в широкий советский обиход: мастер как один из руководителей производства (но не из высших), например, на заводе; мастер по ре-

¹² Романенко А.П. Советская словесная культура: образ риторика.— Саратов, 2000.

монту (*Мастера вызывали?*; ср. карикатуру в советском юмористическом журнале «Крокодил»: в квартиру приходит грязный, небритый, плохо одетый мужчина и представляется: — *Мастер!* — на что хозяйка в восторге отвечает: — *Маргарита!*). Впрочем, и запрета на лексему *мастер* не было, в отличие от профессионала.

Можно сказать, что *специалист* во многом пришел на смену *мастеру* вместе с первыми пятилетками: из-за изначально неличностной, “казенной” семантики [-Р] он не мог заменить *мастера* полностью, но занял своеобразную нишу, образовавшуюся после многих ограничений, наложенных в новое время на сферу использования *мастера*. (Весьма показательно, что тотальное падение качества, предельная неэффективность советской экономики совпали со всеми этими ограничениями.)

В каком-то смысле *мастер* уходит из жизни в мифологию, например в популярные в литературе и фильмах позднесоветских лет образы староевропейских *мастеров* (например, в романах братьев Вайнеров), *мастер* всё прочнее ассоциируется скорее с кем-то вроде легендарного Левши, чем с жизнью (подобно *воле* — другому ключевому русскому культурному концепту, который тоже уходит в маргинальные употребления типа *Век воли не видать* в советское время¹³).

Эта (не очень большая) романтизация не запрещенного *мастера* несколько предшествует большой романтизации фактически запрещенного *профессионала*.

*

Итак, в настоящей статье были представлены некоторые размышления о состоянии русского общественного сознания и содержательных тенденциях в русском языке двадцатого века. Как видим, Михаил Булгаков помещает своего *Мастера* в исключительно трудный исторический контекст: вводит его в общество, совершенно не подходящее для этого со стороны своей официальной структуры, но полностью готовое к этому — со стороны неофициальной, истинно народной! Показательно, что позднейшие процессы в русском языке, о которых здесь шла речь, в частности, судьба лексем *мастер* и *профессионал* в позднесоветскую и постсоветскую эпоху (включая позднейшие прочтения текстов Булгакова), были во многом предвосхищены великим художником.

---

¹³ Катаева Н.М. Русский концепт воля: от словаря — к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2004.

Сергей Орбий

**ДМИТРИЙ ГАЛКОВСКИЙ
КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
СМЕНА РАКУРСА**

Предполагая разнообразные ракурсы изучения, феномен русской интеллигенции представляет особый интерес для интерпретации истории отечественной культуры в целом. Это определяется особым статусом данного феномена как объекта исследования: своеобразие интеллигенции состоит в единстве предмета рефлексии и рефлексивности как таковой. Причём предмет рефлексии и органическая способность к ней не только обуславливают друг друга, но и принципиально совпадают в целостном явлении. Кроме того, глубинная суть русской интеллигенции, получившая сравнительно недавно систематическое объяснение (преимущественно в конце XIX-XX веков), нераздельно связана со всей тысячелетней историей русской культуры. Тем самым разговор о русской интеллигенции оказывается разговором о смысле всей культуры России как целого.

Закономерно, что осмысление этого феномена всегда подразумевало жёсткую обусловленность конкретно-историческими условиями, определённым идеологическим контекстом. Особую же остроту вопрос об интеллигенции приобрёл в постсоветскую эпоху: формулируя итоги вековой истории, деятели культуры, разумеется, не смогли обойти вниманием одну из её важнейших дефиниций. Формулируя же свои заключения в условиях открывшейся интеллектуальной независимости, они оказались весьма свободны в выражаемых оценках. Кажется, литература постсоветского десятилетия поставила перед собой задачу зафиксировать наступление заключительного этапа этого явления: Виктор Ерофеев, назвавший один из сборников своей прозы “Страшный суд”, недвусмысленно объявил о “поминках” по советской (а в перспективе — и по всей русской) литературе; близкий ему по эстетическим убеждениям Владимир Сорокин в своих произведениях заявил не только о духовном, но и о физическом разложении отечественной словесности. Однако попытки зрелого, целостного осмысления русской интеллигенции остаются интеллектуальной утопией как для читателей, так и, по-видимому, для самих авторов.

Тем ценнее выглядят отдельные опыты такого рода, тем актуальнее представляется непредвзятое внимание к ним. К их числу можно отнести “Бесконечный тупик” Д.Е. Галковского — произведение, представляющее собой один

из самых масштабных в литературе последних десятилетий охват ключевых проблем русской культуры.

“Бесконечный тупик” создавался Галковским в **1985-1988** годах. Судьба этого произведения сложна. Завершив его в период крушения советской идеологии, когда открыто в легальной печати звучали имена самых разных по степени таланта и зрелости мышления авторов, писатель намеренно дистанцировался от общего историко-литературного процесса, хотя позднее исследователи определили место его книги именно в ряду зарождающегося отечественного постмодерна. Объём “Бесконечного тупика” и разноплановость его художественно-философской идеологии предопределили особенности публикации и характер восприятия произведения широким читателем. “Бесконечный тупик” фрагментарно публиковался в **1993-1994** годах в самых различных по идеологической направленности периодических изданиях (“Новый мир”, “Наш современник”, “Континент”, “Смена”, “Литературная газета”, “Независимая газета”, “Логос”, “Москва” и др.). При этом каждый журнал, пользуясь идейно-тематической широтой произведения, заимствовал наиболее подходящие в конъюнктурном отношении отрывки, что не могло не сказаться на специфике восприятия произведения. Отдельное издание “Бесконечного тупика” было выпущено в **1997** году издательством “Самиздат” в количестве пяти сот экземпляров и осталось почти незамеченным для широкого читателя. В результате произведение обрело славу типичного постмодернистского палимпсеста, именно так оно априорно понимается подавляющим большинством современных критиков и исследователей.

Несмотря на значительный резонанс, вызванный журнальными публикациями **1992-1994** гг., объектом системного анализа сложная культурфилософская концепция Галковского до настоящего времени не становилась. Между тем “Бесконечный тупик” оригинален не только по форме (произведение строится как система примечаний нескольких порядков к небольшому тексту, посвящённому философу Розанову), но и по содержанию: в числе основного корпуса идей – размышления, связанные с особенностями русского общественного сознания, русской литературы, отечественной культуры в целом.

“Я, Одинокое, должен выступить в виде квинтэссенции национальной идеи, выразить её с максимальной интенсивностью и ясностью”, – так заявляет о своей главной цели герой произведения Одинокое, *альтер эго* писателя (I, 228)¹. В основе же национального сознания, по Галковскому, лежит иррациональное стремление к бегству от мира-хаоса и поиск спасения в трансцендировании жизни. Писатель обращает внимание на незрелость, инфантилизм русского общества: “Гениальные дети – это и есть лучшее название для русских. Гениальные дети и тупые, злые, оглушающе бездарные взрослые. <...> Русский талантлив, поскольку сохраняет связь со своим детством, со своим бессознательным и бессловесным «я», в немом восторге, «на коленях» смотрящим на мир сквозь стекло ночного вагона” (II, 1143). Христианское мирозерцание после преломления в коллективном бессознательном привело к появлению представления о Святой Руси – мистической спасительнице челове-

¹ Здесь и далее текст «Бесконечного тупика» приводится по изданию: Галковский, Д.Е. Бесконечный тупик: В 2 кн. — М., 2008. В круглых скобках после каждой цитаты римскими цифрами обозначен том, арабскими — страницы. Пунктуация автора сохранена. Курсив принадлежит нам. — С.О.

чества. При этом, располагаясь на стыке двух типов культур, русское сознание переняло у Востока идею отрицания реального мира, а у Запада – инстинкт жизни, слово: “Принятие античного логоса Аристотеля – это отказ от святости, но сохранение русского мира” (II, 1134).

Воспринимая западный уклад, русское сознание начинает подтачиваться атеистическими, масонскими, социалистическими идеями, но и получает способность к проговариванию своего самосознания. Наиболее совершенной формой самовыражения становится русская литература XIX века, заменившая ещё только начавшую складываться философию. В ней сильнейшим образом преломляется религиозная традиция с её культом Бога как высшей правды, идеей Соборности, проповедническим пафосом: “Дело, конечно, не в импортированности нашей литературы. Это лишь частность. Суть в том, что русские религию заменили литературой. То есть неким мифом. Мифом принципиально антимифологическим: «натурализмом», «реализмом». Реальность стала Богом. Причём не собственно реальность, а то, что подразумевалось под реальностью” (II, 961). От чистого авитализма православия литература начала движение в жизнь, осваивая её в разных направлениях, вбирая в себя весь спектр господствовавших в обществе настроений. При этом была окончательно разрушена объективная причинно-следственная связь: русская словесность начала управлять реальными событиями. “Если бы Достоевского, – пишет Галковский, – расстреляли в 1849 году, то он бы не написал «Бесов». Но тогда, может быть, не было бы в русской действительности и самих бесов” (I, 49).

Итак, зёрна революционных идей упали в благодатную почву эсхатологических ожиданий русского народа. Из всего многообразия предлагаемых литературой идеологических форм был выбран именно коммунистический миф, генетически родственному христианству в идее отрицания реальности во имя высшего идеала. При этом был окончательно перекрыт канал переключения отрицательной психической энергии, каковым на протяжении веков для русского общества оставалось православие: “Осуществление параноидальных планов привело к разгулу бессмысленности, анархии. Все растерялись, отказывались понимать происходящее. <...> Сами большевики не испугались – они просто не поняли смысла происходящего. Но, в отличие от других, были уверены в абсолютном понимании и даже прозревании реальности”, – замечает Одинокоев (I, 327-328).

Тема идеологической слепоты русских сопрягается автором “Бесконечного тупика” с проблемой воспитания общественного сознания. Характерны размышления Галковского о русских университетах: “Главная задача высших элитарных учебных заведений – это социализация молодёжи, и прежде всего той её части, которая политически активна, то есть задействована в системе власти. <...> В России система образования была механически перенесена с Запада, но без некоего специального учебного курса, ведущегося по ненаписанным учебникам. (А пожалуй, и по написанным, но не для всех.) В результате университет превратился в опасную игрушку. <...> Либо русской интеллигенцией управляли вредительски, либо слишком грубо, хаотично, то есть слишком мало приводных ремней и рычагов, слишком их схема элементарна. <...> В любом случае тут проявилась социальная неталантливость русского народа” (II: 708-709).

Противовесом социалистическому мифу является рационализация коллективного бессознательного, увеличивающийся над ним контроль разума, фор-

мирование у как можно большего числа людей личного бессознательного, создание каждым из них “канала бесконечной интроспекции, отводящего разрушительные устремления в бездонное русло” (II, 1069). Для самого Одинокова таким “каналом” становится создаваемый им “Бесконечный тупик” — активация творческих сил бессознательного, усложнение собственного “я”.

Чрезвычайно характерен центральный образ этого произведения, зримо воплощающий в себе модель отечественной истории, какой мыслит её сам Галковский. Заглавный хронотоп фиксирует сугубо национальную характеристику: оксюморонность образа заставляет вспомнить знаменательные названия некоторых эпохальных произведений отечественной словесности: “Мёртвые души”, «“Отцы и дети”, “Преступление и наказание”, “Война и мир”, “Былое и думы”». Они словно аккумулируют тот внутренне противоречивый, амбивалентный потенциал культурной памяти, который в опосредованной художественной форме воплощён в этих произведениях. “Русская история бесцельна — это тупик. Русская история бесцельна — это бесконечность. Всякая культура конечна. Но русская будет существовать, как и еврейская — всегда. Она будет погибать и возрождаться вновь как феникс. Из этого бесконечного тупика не уйти и индивидуальному сознанию”, — констатирует Галковский (II, 1178). В этих словах передано одно из главных противоречий отечественной культуры — одновременное соединение в ней центробежных и центростремительных начал, вечного развития и вечной повторяемости. Это противоречие было заложено после Крещения Руси, когда языческое мироощущение соединилось с христианским. Обретя историческое движение, истоки и смысл христианской истории, осознание своего исторического места в мире, русская культура в то же время не изжила языческих представлений об извечной повторяемости, цикличности времени. Характерный пример — концепция Москвы как третьего Рима, наглядно демонстрирующая, по словам Б.А. Успенского, органический синтез космологического и исторического восприятия истории в древнерусской культуре: с одной стороны, налицо цикличность истории (повторяемость Рима), с другой — линейность (за первым Римом следует второй, затем третий, а потом наступает конец истории и мира)². В конце XX столетия “новый Филофей” — Дмитрий Галковский — предложил другой ёмкий образ для воплощения этой национальной коллизии.

Разветвляясь на множество сюжетных линий, образуя сложный тематический контрапункт, художественная идеология “Бесконечного тупика” организуется вокруг устойчивых мотивных комплексов. Один из них представлен размышлениями о Чехове, который для Галковского является подлинным воплощением национального сознания. Рассуждения о создателе «Вишнёвого сада» как выразителе чаяний русской интеллигенции оказываются, однако, весьма своеобразными.

Следует заметить, что сам выбор Чехова в качестве объекта размышлений уже показателен — в литературе XX века эта фигура окружена зыбким ореолом некой ускользаемости от прямых критических суждений. Его писательская репутация успешно пережила культ Толстого и Горького, культ Белинского и Чернышевского и в идеологически непростые времена оставалась практически неуязвимой. Закрывая своим творчеством классический XIX век,

² Успенский Б.А. История и семиотика // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М., 1994, С. 38-39.

Чехов будто и не переступает порог “настоящего” (если следовать известному хронологическому указанию Ахматовой) XX века, более того, скорее выступает надёжным заслоном на пути экстатических заявлений Достоевского и Толстого. “Чехов оказался каким-то неприкосновенным лицом в русской культуре именно в силу его кажущейся срединности. Чехов страдает от несовершенства мира, но не позволяет себе указывать ему путь”, — пишет М. Эпштейн³. В чём же секрет писательской «скромности» Чехова? Как замечает Вик. Ерофеев, “его тайна в том, что он всех устраивал. Он устраивал красных и белых, модернистов и консерваторов, атеистов и церковников, моралистов и циников. Больше того, Чехова охотно принимают два традиционно непримиримых течения русской мысли: западники и славянофилы. В этом отношении Чехов поистине уникален”⁴.

Замечания Галковского во многом близки цитированным высказываниям: “При сложившейся вокруг имени Чехова обстановке писать об этом человеке это значит унижать собственное достоинство. Это неприлично. Всё, Чехов уже «сделан». О нём можно только в узком кругу, близким людям на ухо говорить. <...> Даже пушкинисты, ладно, там что-то человеческое иногда (иногда) прорывается, но Чехов... Это знамя” (II, 850). При этом “оптика” аналитического взгляда писателя такова, что позволяет высветлить не общую структуру сложившегося представления о Чехове, но отдельные грани его личности и творчества. Однако будучи рассмотрены самостоятельно и затем сведены в общую картину, эти стороны образуют неожиданный зазор в понимании писателя: Чехов-личность оказывается не равен Чехову-художнику.

Наибольший эффект возникает, когда речь идёт о самых известных, либо, напротив, обычно не попадающих в центр внимания критиков произведениях. Так, в “Безотцовщине”, пьесе, как правило, остающейся без внимания критиков, автор “Бесконечного тупика” склонен видеть не только собственно литературный факт, но ядро всех будущих исканий писателя, средоточие его творческих и жизненных комплексов: “Отец Чехова спас своего сына от прекраснотворения Достоевского, от каторги спас. <...> Чехов обижался, а ему бы отца боготворить. История с «Безотцовщиной» показывает, что Чехов многого набил бы себе в жизни синяков и шишек, если бы не отцовская «наука». <...> Объективно «Безотцовщина» пьеса талантливая. <...> Это некая «первичная интуиция», из которой Чехов и рос. Из этого, а вовсе не из эпохи Антоши Чехонте. Чехонте это уже сознательный компромисс, сознательная продажа своего таланта” (II, 790-791). В этом замечании — и таинственный ответ на судьбу Чехова участи великого литературного предшественника, и неожиданная значимость фигуры отца, и посыл к новому восприятию названия, и, наконец, переакцентировка всей творческой биографии писателя. Между творчеством и жизнью обнаруживается расплывчатый зазор, некая недоуплощённость, скрытая потенциальность судьбы писателя.

“Несопротивляемость” чеховской мысли становится общим лейтмотивом соответствующих фрагментов “Бесконечного тупика”. Смысловый зазор между Чеховым-художником и Чеховым-мыслителем при более пристальном всматривании начинает всё более расширяться. Галковский замечает: “«Чехов-

³ Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. — М.: Высшая школа, 2006, С. 505.

⁴ Ерофеев В.В. Между кроватью и диваном (А. П. Чехов) // Ерофеев В.В. Страшный суд. Роман. Рассказы. Маленькие эссе. — М.: Союз фотохудожников России, 1996, С. 454.

мыслитель» мелок и не существует. <...> Собственно все «умные мысли» Чехова это подобранные где-нибудь изречения (подобранные чаще всего из немецко-французской популярной литературы в пересказе Суворина), вложенные «на авось» в уста того или иного героя и тщательно потом заглушенные, демонстративно «неавторские». Однажды какой-то любитель подобрал характерные изречения из чеховских книг и хотел их издать отдельной брошюрой. Чехов был возмущён. Хотя в сущности с мыслями этими он был согласен. Но не уверен в их истинности” (II, 811). Далее, в соответствии со своим стилем развёртывания мысли, Галковский делает очередной далеко идущий вывод: “Такая позиция Чехова совсем не является какой-то аномалией. Наоборот, это типично писательская позиция. Ибо кто такой писатель? Прежде всего читатель, дилетант <...>. И в некотором смысле вся литература есть пародия на философию” (II, 811-812).

Тем самым классик повисает в безвоздушном пространстве идеологической неопределённости. Комментируя одну из самохарактеристик Чехова (“Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист”), автор “Бесконечного тупика” констатирует: “Это элементарная, но для своего времени довольно необычная и удачно найденная Чеховым заглушка, оставлявшая ему в любом случае чёрный ход на случай идеологической облавы. <...> На самом деле Чехов никогда не мог вырваться из тенет идеологического, «специального» воззрения на мир. Просто он сознавал свою малообразованность и специально путал, запутывал концы. В результате его идеологичность чуть более тонка, и только. В этом смысле Чехов типичный литератор-интеллигент, протосоветский писатель, наподобие успешных-чернышевских и сергеенок-короленок. <...> В результате творчество Чехова носит сумеречный, медитативный характер” (II, 839-840).

Мысль о роковой неустойчивости писателя на грани двух эпох рассматривается Галковским сквозь особую символику даты чеховской смерти: “Чехов и умер удивительно вовремя. Только-только стал задувать фантастический сквознячок из XX-го” (I, 79). “Вовремя” — то есть накануне действительно переломного 1905-го года, уточняет Галковский. В другом месте писатель развивает это суждение: “С каждым годом он чувствовал, что живёт всё более и более «невовремя». <...> Чехов это ключ к 1905-1917 гг., к 12-летию, такому же далёкому от нас, как и от допервореволюционной России. Это замкнутые 12 лет. <...> Особая культура. Чехов ей был совершенно ненужен. Так же ненужен, как и последующему 70-летию. Собственно Чехов, а не «Чехов». Представить его живущим в 1907-м так же невозможно, как и в 1927-м” (I, 159-160).

Характерно, что Галковский отрицает подлинную интеллигентность Чехова метафорически, через акцентирование его “квази-идеологичности”. Вот, например, как описывается смерть Чехова: “Чехову стало плохо. Он сказал: «Ихь штэрбе». Потом по-русски: «Давно я не пил шампанского». Выпил бокал, отвернулся к стенке и умер. Книппер сидела в комнате одна и молчала. Мохнатая набоковская бабочка залетела в окно из XX века. Вдруг в потолок выстрелила пробка из недопитой бутылки. Дорн беспокоился: «Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну». Роль Ирины Николаевны играла Книппер” (I, 168). Будучи воспринято остранённым аналитическим взглядом, это событие получает довольно неожиданную трактовку. Реальный жизненный эпизод подсвечивается отражённым светом финала чеховской же “Чайки”: метафорический “выстрел” пробки повторяет реальный выстрел Треплева и

невольно провоцирует сопоставление с театральным планом — отличие лишь в том, что в последнем случае все герои присутствуют на сцене (“роль Ирины Николаевны играла Книппер”), и некого ввести в заблуждение словами о разбитой склянке с эфиром. Эта метафорическая цепочка подводит читателя к решающей мысли: не повторил ли Чехов судьбу вымышленного им же литературного героя? Автор “Бесконечного тупика” знает ответ, хотя вряд ли внесит ясность в эту метафизику судьбы-сюжета: “Чехов или ничего не понимал в жизни, или понимал всё. Возможно, эта проблема не имеет смысла — просто Чехов русский и соответствовал своему русскому миру. Был ему микрокосмичен” (I, 168). Наложение литературного плана на реальные события, характерное совпадение символов и знаков для художественного мышления XIX века может показаться ещё слишком смелым. Но недаром в окно комнаты, где умер Чехов, неожиданно залетает “мохнатая набоковская бабочка”, ещё не пойманная будущим любителем энтомологии и литературных аллюзий.

Такой “ракурс” не является новым в отечественной словесности. С эстетической точки зрения русскую литературу начал рассматривать отнюдь не Синявский-Терц, хотя он действительно одним из первых применил этот подход как основополагающий (“На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвёл переполох”). Вытеснением этического начала и преобладанием эстетического характеризуется уже литература серебряного века. Как ни странно, одним из первых представителей этой новой парадигмы может считаться именно реалист Чехов, в своих произведениях открыто высмеивавший незыблемые ценности прошедшего столетия, к примеру, фигуру учителя (от зловещего Беликова уже недалеко до сумасшедшего Передонова из декадентского “Мелкого беса”), или пресловутого маленького человека (“Смерть чиновника”, “Толстый и тонкий”). В этом отношении кажутся неслучайными, к примеру, размышления героя “Скучной истории”, профессора Николая Степановича, которому прошедшая жизнь кажется *прекрасной позицией*, которой не хватает только финала.

Однако и собственно эстетический подход в “Бесконечном тупике” дискредитируется. Характерны, например, такие замечания по поводу чеховского облика: “Вообще <...> чеховское пенсне, чеховская борода, чеховская трость — но ведь это стандартные черточки конца XIX века. Что же тут чеховского? Чехов был просто «как все». Если это и чеховские черты, то как раз своей безликостью, абстрактностью. Чехов это русский, потерявший своё лицо” (II, 918). Здесь “разоблачается” не главная, но важная часть интеллигентского облика — представление о нём, сложившееся у потомков.

Таким образом, полемически отталкиваясь от ключевых идеологических контекстов и на этой полемике формируя прагматику своего произведения, Галковский в то же время не принимает ни один из них. Значит ли это, что его произведение, являющееся типичным воплощением русского интеллигентского сознания, лежит вне традиционных для этой сферы контекстов? Чем объясняется тот факт, что, несмотря на всю нестандартность авторского замысла, “Бесконечный тупик” оказывается маргинальным явлением даже в разнородном корпусе текстов 1980-1990 гг.?

Как известно, немаловажным условием существования культуры является лежащая в её основе система норм и запретов⁵. Значимо не только “светлое поле” культурного сознания, но и табуированная его часть, точнее — те конкретно-исторические условия, которые вырабатывают определённые критерии приемлемости культурных фактов. Привилегии меняются, но необходимость запрета-умолчания остаётся всегда. В этом и парадокс маргинальности: будучи актуальной для всех эпох, она именно в силу социокультурной изменчивости никогда не имеет единой меры, всегда наполняется новым содержанием.

В случае же с Галковским сомнительное литературное звание сопровождает его и в переломный период конца 1980-х годов, и в неопределённые 1990-е, и даже во вполне либеральные 2000-е (симптоматично именуемые “нулевыми”) годы. В чём причина такого постоянства читательского восприятия? Во многом она заключается в самой художественной концепции “Бесконечного тупика”. Произведение Галковского — роман-комментарий, метароман, но объектом его описания является не отдельный художественный текст, а Текст русской культуры в целом. В “Бесконечном тупике” русская литература вглядывается сама в себя и самой себе вынуждена адресовать “проклятые” вопросы, которые ранее через своих персонажей адресовала читателям, воспитывая в них интеллигентов. Поэтому ключевым хронотопом произведения является бесконечный тупик: подобно тому, как направленные друг на друга зеркала отражают обоюдную пустоту, вглядывающаяся сама в себя отечественная словесность размыкается в бесконечный ряд всё новых и новых рассуждений, постепенно приобретая мифологические черты: “Увы! Россия — бумажная страна. Что написано — то есть, а чего не написано — того нет. Суть русской истории — переделывание реальности. <...> Тут и моя локальная трагедия. Сам я человек, живое существо, но оцениваться и существовать в бесконечно родном мире моей родины могу лишь как литературный персонаж. Моё определение, фиксация в литературном мире будет зависеть от идеального замысла русской истории” (1:1070).

Русской литературе и до “Бесконечного тупика” был известен метароман: от “Евгения Онегина” Пушкина до “Дара” Набокова. Однако эти жанровые предшественники вполне укладывались в русло литературоцентричной парадигмы. Некоторым исключением является, вероятно, лишь “Дар”, четвёртая глава которого даже эмигрантским издателям 1930-х годов показалась настолько вызывающей, что была исключена из первой публикации романа. “Бесконечный тупик” же целиком выдержан в стилистике знаменитой четвёртой главы, место Чернышевского в художественном пространстве произведения последовательно занимают все классики отечественной словесности: “Пушкин и Гоголь, Достоевский и Толстой, Соловьёв и Федотов — ласковые вы мои, миленькие, — вы-то и создали этот мир: тёмный, издевательский, душный и безнадежный. Вы всё Бога искали. Так вот: вы, вы-то, миленькие, голубчики, были одержимы неудержимым, страшным сатанизмом, вы-то и придумали всё. Вы «понимали о себе». Понимали слишком «много» при таком чудовищном замахе на гениальность” (1: 989).

⁵ Лотман Ю.М. Ассиметрия и диалог // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин, 1992, С. 49-50.

Предъявлять столь радикальные претензии всей русской культуре может лишь тот, кто отстранился от привычной точки зрения, освободился от власти клишированных представлений: “Архетип писателя — деревенский враль. Профессиональный лгун, ложный философ. Философ, который лжёт. Причём лжёт вдохновенно. Это даже не софист с его отстранённой ложью, ложью, разъятой правдой, — нет, это лгун «от Бога»” (1: 910). За этим суждением встает чрезвычайно характерный образ — образ Ивана-дурака, юродивого. Но почему же речь должна идти о лжи, обмане? Такова логика сказки: желание (смех) у фригидной царевны-несмеяны вызовет не тот, кто скажет ей правду, а тот, кто рассмешит её⁶. Так и в “Бесконечном тупике”: чтобы вырваться из мифологической идеологии, нужно не опровергать её “не-идеологией” (таковой не существует), а противопоставить ей другую, свою, вывернутую наизнанку.

Но поскольку культура — это система запретов и табу, которая противится дискредитирующим её разоблачениям, постольку и “Бесконечный тупик”, по-видимому, всегда будет оставаться маргинальным текстом отечественной культуры. Ведь, в отличие от иных более или менее успешных маргиналов, его автор покушается не на текущую политическую ситуацию (как Лимонов), не на целостность советского “большого стиля” (как Сорокин), но на сам литературоцентризм как смысловую опору русской интеллигенции. Это свойство определило классическую русскую литературу, по-своему воплотилось в соцреалистическом каноне и, по всей видимости, пережило интеллектуальный раскол 1990-х годов. Включить в сферу русской мысли “Бесконечный тупик” — значит признать, что для неё возможны и качественно другие формы рефлексии, иные культурные парадигмы, иной “центризм”. Но сама интеллигенция в наименьшей степени склонна подрывать собственные основы, летаргический сон её традиции крепок. Дело, по-видимому, за новыми формами гуманитарного знания, которые бы пересмотрели литературный контекст и, в соответствии с законами историко-культурной диалектики, установили актуальное “соотношение сил”, переместили прежде маргинальные тексты в “светлое поле” интеллектуального сознания.

Кто-то должен разбудить эту царевну-несмеяну.

---

⁶ См.: *Пропт В.Я.* Ритуальный смех в фольклоре (По поводу сказки о Несмеяне) // *Пропт В.Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. — М., 1976.

Александр Сеницын

**ЗВЕНО В ЦЕПИ КАФЕДРАЛЬНОЙ РОДОСЛОВНОЙ:
И.И. ВЕЙЦКОВСКИЙ И
КАФЕДРА ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1937-1941 ГГ.**

*К 110-летию со дня рождения
Ивана Ивановича Вейцковского (1900–1977)*

ВВЕДЕНИЕ

Древние греки были, безусловно, правы, утверждая, что полис – это не стены, окружающие его, а люди, составляющие общность свободных граждан, которые служат своему небольшому “государству” и являются носителями его культуры. Это определение полиса, сформулированное античными мыслителями, подходит и для разных форм социальной организации, основополагающим принципом которой является свободное существование гражданской общности. В этом смысле и Университет составляют и определяют не учебные корпуса и административные здания, не парки и фонтаны, не металлические ограды и памятники, но исключительно деятельность людей, связанных с этим “полисом науки”, – профессоров и доцентов, аспирантов и студентов. В их служении выражается живая сущность университета, складывающаяся из отдельных поколений-звеньев в единую цепь университетской “родословной”. Выпадение одного из таких звеньев может привести к разрыву этой цепи преемственности и, как следствие, к потере исторической памяти.

Одним из поколений-звеньев в “родословной” кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского был доцент Иван Иванович Вейцковский (1900–1977 гг.)¹. Имя его мы знаем, но о его деятельности в СГУ, к сожалению, фактически ничего не известно. И жил И.И. Вейцковский в Саратове недолго, и сделать здесь успел немного, и университет покинул неясно по каким причинам.

---

¹ Украинская транслитерация фамилии – І.І. Вейцківський / Вейцкивс(ь)кий.

В русской историографии по большому счету нет никакой литературы об И.И. Вейцковском². И здесь приходится посетовать на нашу историческую память. В только что вышедшем роскошном двухтомнике к 100-летию Саратовского государственного университета, подготовленном профессорами СГУ А.И. Аврусом, В.Н. Даниловым и др.³, к удивлению и глубокому сожалению, нет даже упоминания об одном из первых заведующих кафедрой истории древнего мира и археологии СГУ И.И. Вейцковском. Разумеется, даже в таком объемном издании не возможно “ни назвать, ни исчислить”, всех тех, кто был связан с Саратовским государственным университетом и оставил свой след в его вековой истории. Но из “исторической памяти” нашего университета выпало имя человека, который принял руководство одной из кафедр исторического факультета в тяжелые предвоенные годы, суровые годы “сталинской реформации”.

Имеются публикации об И.И. Вейцковском на украинском языке, подготовленные коллегами из Львовского государственного университета им. И.Я. Франко (ныне – Львовский национальный университет). Все это главным образом краткие сведения биографического характера в очерках по истории кафедры истории древнего мира и средних веков Львовского университета и небольшая статья И.А. Лисового и М.А. Пелещишина, посвященная научной деятельности профессора И.И. Вейцковского, которая была опубликована в “Вестнике Львовского государственного университета” в 1984 г.⁴ Мне известна

² Исключение составляют разве что скудные заметки, а то и просто упоминание об И.И. Вейцковском в юбилейных изданиях СГУ. См.: Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959. С. 107; *Парфенов В.Н., Синицын А.А.* От редколлегии // Античный мир и археология. — Саратов, 2006. Вып. 12. С. XVII; *Кац Т.П., Парфенов В.Н.* Кафедра истории древнего мира // Исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: 90 лет. — Саратов, 2007. С. 12 (= История кафедры на сайте Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (2009): Кафедра истории древнего мира: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>); а также несколько строк о руководстве И.И. Вейцковского кафедрой истории древнего мира СГУ в очерке по истории кафедры, подготовленном Т.П. Кац (в печати).

³ См.: История Саратовского университета. 1909–2009. В 2-х т. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009.

⁴ *Лисовий І.А., Пелещишин М.А.* І.І. Вейцківський – дослідник античної історії // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імені Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1984. Вип. 20: З історії стародавності і середньовіччя. С. 78–81; См. также: *Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М.* Кафедра історії стародавнього світу і середніх віків Львівського університету (1939–1983) // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імені Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1984. Вип. 20: З історії стародавності і середньовіччя. С. 74 сл.; *Петречко О.* Антикознавство у Львівському державному університеті ім. І. Франка у другій половині ХХ ст. // Дрогобицький краєзнавчий збірник. — Дрогобич, 1998. Вип. 3. С. 253–258; *Бандровський О.Г.* Кафедра археології, античності та середньовіччя // Історичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка (1940–2000). Ювілейна книга / Упорядники О. Вінниченко і О. Целуйко. Відповідальний за випуск Р. Шуст. — Львів, 2000. С. 17–29 (здесь об И.И. Вейцковском – с. 17, 18–20, 21, 22 и на с. 29 представлен список преподавателей, заведовавших кафедрой археологии, античности и средневековья; этот список возглавляет И.И. Вейцковский); см. дополнительно презентацию кафедры истории древнего мира и археологии на сайте Львовского национального университета им. И.Я. Франко: <http://lnuist.ru/byz/index.html> (на украинском языке) и <http://lnuist.ru/> (информация на

краткая статья об И.И. Вейцковском в “Словаре-справочнике по истории и культуре Древней Греции и Рима”, составленном украинскими и белорусскими коллегами⁵. И это, пожалуй, все, что удалось найти об И.И. Вейцковском.

Саратовский государственный университет стал первым местом, где И.И. Вейцковский преподавал после защиты кандидатской диссертации, и где три с половиной года — с сентября 1937 по январь 1941 г. — руководил кафедрой истории древнего мира. Однако этот факт обычно не упоминается в биографических материалах, освещающих основные даты жизни И.И. Вейцковского⁶. Чем это можно объяснить? Во-первых, сохранилось мало сведений для того, чтобы судить о саратовском периоде его биографии: почти нет свидетельств и уже нет в живых свидетелей, которые могли бы рассказать об этом. Во-вторых, И.И. Вейцковский известен как профессор Львовского государственного университета, где он служил вторую половину своей жизни.

В этом очерке, предварительно сделав небольшое вступление о львовском периоде деятельности И.И. Вейцковского, я остановлюсь подробнее на эпизоде его биографии, связанном с Саратовским университетом и кафедрой истории древнего мира СГУ.

И.И. ВЕЙЦКОВСКИЙ — ПРОФЕССОР ЛЬВОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В июле 1944 г. после освобождения Львова войсками Красной армии от немецких оккупантов, Львовский университет находился в бедственном состоянии. Его нужно было организовывать заново, и библиотеку, и кафедры пришлось создавать фактически “с нуля”⁷. Для этого были необходимы новые силы, новые специалисты. Одним из преподавателей первого послевоенного

русском языке). Расширенный список литературы об И.И. Вейцковском помещен в *приложении 2*.

⁵ Вейцковский Иван Иванович // *Лисовый И.А., Ревяко К.А.* Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Под науч. ред. А.И. Немировского. 3-е изд. — Минск, 2001 (= <http://www.antmir.ru/html/v/veyckovski-ivan-ivanovi4.html>).

⁶ Саратовский эпизод биографии И.И. Вейцковского не отмечен ни в статье А.Г. Бандровского и Ю.М. Гроссмана (1984), ни в биографическом очерке И.А. Лисового и Н.А. Пелещишина (1984), ни в расширенном очерке по истории кафедры А.Г. Бандровского (2000). Только П. Довгань в краткой биографической заметке об И.И. Вейцковском упоминает факт его работы в Саратовском государственном университете: *Довгань П.* Вейцківський Іван Іванович // *Історичний факультет Львівського національного університету імені Івана Франка (1940–2000). Ювілейна книга / Упорядники О. Вінниченко і О. Целуйко. Відповідальний за випуск Р. Шуст. — Львів, 2000. С. 87.*

⁷ Во время оккупации Украины в 1941–1944 гг. работа Львовского университета была прекращена, аудитории, а также библиотечные фонды кафедр и университетская библиотека были полностью разграблены. Многие преподаватели вуза были расстреляны или погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Об этом сообщает И.И. Вейцковский в отчете для “Вестника древней истории”, составленном в начале 1948 г.: *Вейцковский И.* Кафедра классической филологии Львовского университета в 1946–47 гг. // *Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 182–183.* См.: *Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М.* Указ. соч. С. 72 (со ссылкой на Державний архів Львівської області [ДАЛО], ф. Р-119, оп. 17, спр. 9, арк. 10). См. дополнительно информацию о кафедре истории древнего мира и археологии на сайте Львовского национального университета (адреса указаны в примеч. 4 и в *приложении 2* к статье).

“призыва” стал И.И. Вейцковский, кандидат исторических наук, доцент, специалист по римской истории, на тот момент уже имевший опыт преподавания в вузах Свердловска, Москвы и Саратова (в 1931–1941 гг.). В Львовском университете И.И. Вейцковский был человеком “пришлым”, *метеком* (так называли в древних Афинах “иностранцев” – граждан других полисов). Каким образом он оказался в только что освобожденной Украине? И почему именно в Львове? Возможно, какие-то нити связывали его с Львовским университетом. Но какие нити? Что определило выбор И.И. Вейцковского, и был ли это его собственный выбор? Все это для меня пока остается загадкой.

Волею судьбы в том же 1944 г., когда на историческом факультете ЛГУ реорганизовывались старые (довоенные) и создавались новые кафедры, именно И.И. Вейцковский возглавил кафедру истории древнего мира и археологии и занялся подбором профессиональных кадров. Сложно сказать определенно, но, быть может, тогда в выборе его кандидатуры в “завы” решающую роль сыграло то обстоятельство, что И.И. Вейцковский уже обладал опытом руководства кафедрой в разных российских вузах⁸. С 1949 г., когда кафедра истории древнего мира и кафедра истории средних веков были слиты в одну – кафедру истории древнего мира и средних веков⁹, – И.И. Вейцковский был избран заведующим новой, объединенной, кафедрой. На этом посту он пробыл более четверти века – с 1944 по 1971 г. По сути, именно на “эпоху Вейцковского” приходится становление львовской кафедры антиковедения и медиевистики. В 1971 году И.И. Вейцковский освободил должность заведующего, но продолжал трудиться в должности профессора (с 1960 г.) этой кафедры до самой своей кончины в 1977 г.

В Львовском университете в течение трех десятилетий для студентов историков и филологов-классиков И.И. Вейцковский читал курс лекций по античной истории. Здесь в разное время он преподавал следующие спецкурсы: “Рабство в древнем Риме в эпоху развитого рабовладельческого способа производства” и “Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н.э.”, “Внешняя политика Рима в III в. до н.э.” и “Международные отношения в Западном Средиземноморье во II–I вв. до н.э.”, а также “Древние западнославянские племена в освещении античной и ранневизантийской историографии”¹⁰.

Именно в Львове раскрылся научный потенциал И.И. Вейцковского. В 1959 г. вышла его монография “Внешняя политика стран Западного Средиземноморья в 264–219 гг. до н.э.”¹¹, которая легла в основу диссертационного исследования. А в следующем, 1960 г., он защитил докторскую диссертацию

⁸ В 1936–1941 гг. И.И. Вейцковский сначала заведовал кафедрой одного из московских институтов, а затем руководил кафедрой истории древнего мира и археологии Саратовского государственного университета (подробнее об этом будет сказано далее).

⁹ С таким названием в Львовском университете кафедра существовала почти полвека – с 1949 по 1994 г. А в 1994 г. она снова была реорганизована; изменился формат кафедры, сменилось и ее название. Ныне она носит название “кафедра археологии, античности и средневековья”.

¹⁰ См.: Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М. Указ. соч. С. 73, 75; Бандровський О.Г. Указ. соч. С. 21.

¹¹ Вейцківський І.І. Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264–219 рр. до н.е. – Львів, 1959.

на тему “Западное Средиземноморье в III в. до н.э.”¹². С 1946 г. И.И. Вейцковский являлся постоянным автором “Научных записок Львовского государственного университета” и “Вестника Львовского государственного университета”. “Вестник ЛГУ” издавался с 1962 г., и профессор И.И. Вейцковский входил в состав редколлегии журнала. Большинство статей, которые он подготовил в последнее десятилетие жизни, были опубликованы именно в исторической серии львовского “Вестника”.

Научное наследие И.И. Вейцковского незначительно: одна монография, полтора десятка статей по римской истории, методические пособия по истории древней Греции и Рима и историографический обзор по истории антиковедения в СССР¹³. Исследования И.И. Вейцковского были известны в Советском Союзе и за рубежом¹⁴. Их значимость заключается, прежде всего, в том, что украинский ученый внес вклад в разработку источниковедческих аспектов исследуемой проблематики. Судя по так называемому “индексу цитации”, его труды по истории международных отношений в Западном Средиземноморье в эллинистическую эпоху до сих пор востребованы и, следовательно, идеи И.И. Вейцковского не утратили научной актуальности¹⁵.

ДОЛГИЙ СРОК “УЧЕНИЧЕСТВА” И ГОДЫ АСПИРАНТУРЫ МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД И.И. ВЕЙЦКОВСКОГО

В настоящем исследовании при восстановлении фактов биографии И.И. Вейцковского до начала 1941 г. основной упор делается на материалы из его личного дела, хранящегося в Архиве Саратовского государственного университета¹⁶. В моем распоряжении имеются две автобиографии И.И. Вейцковского. Одна из них составлена 17 сентября 1937 г. при его поступлении на работу в СГУ, а вторая девять месяцев спустя — 8 июня 1938 года¹⁷.

Иван Иванович Вейцковский родился в 1900 г. в Украине, в городке Черкассы¹⁸. О своем происхождении он пишет:

“Родился в семье бухгалтера — материально малообеспеченной. Ни отец, ни мать, занимавшаяся домашним хозяйством, кроме своих рук, не имели никаких других источников для существования”¹⁹.

В Автобиографии 1937 г. И.И. Вейцковский сообщает, что “кончил полный восьмиклассный курс Черкасской гимназии”²⁰. П. Довгань, опираясь, вероят-

¹² *Вейцковский И.И.* Западное Средиземноморье в III в. до н.э. (к истории международных отношений в античном мире в 282–219 гг. до н.э.). Дисс... докт. ист. наук. Львовский университет им. И. Франко. — Львов, 1960.

¹³ Избранная библиография И.И. Вейцковского помещена в ПРИЛОЖЕНИИ 1.

¹⁴ Впрочем, не столь широко. И одна из причин этого, по-видимому, в том, что все научные труды И.И. Вейцковского опубликованы на украинском языке.

¹⁵ См.: *Лісовий І.А., Пелецишин М.А.* Указ. соч. С. 80.

¹⁶ См.: Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 1–24.

¹⁷ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 4–5; л. 17–19. (Вторая автобиография представляет собой расширенный вариант и более информативна, чем первая.)

¹⁸ Черкассы — уездный город (до 1954 г.) Киевской губернии, расположенный в 180 км к юго-востоку от Киева, на правом берегу Днепра. В настоящее время является центром Черкасской области Украины.

¹⁹ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 17.

но, на материалы архивов Львовского университета, указывает, что И.И. Вейцковский учился в гимназии с 1910 по 1919 г.²¹

Сложным был для И.И. Вейцковского путь к высшему образованию и потом – в науку. После окончания гимназии он начинал учебу в разных вузах СССР, но в силу разных обстоятельств не мог получить тогда высшее образование²². В Автобиографии 1938 г. он рассказывает:

“В 1919 г. я... поступил в Днепропетровский университет²³ и на курсы иностранных языков (в Днепропетровске)²⁴. Ввиду создавшихся для меня в Днепропетровске материальных затруднений, я ушел в 1920 г. из университета²⁵ и поступил на службу в Рабоче-крестьянскую инспекцию²⁶ в г. Черкассах. К счастью для меня, в том же 1920 г., в Черкассах открылся педагогический институт²⁷; это дало мне возможность продолжать образование в родном городе, где находились мои родители и где условия существования для меня были более легкими, чем в другом городе. В 1921 г., не прекращая учебной работы в Черкасск[ом] пед[агогическом] ин[ститу]те, я поступил в Киевский археологический институт (на археологическое отделение)²⁸. В 1922 г., ввиду закрытия Черк[асского] пед[агогического] ин[ститу]та, я перевелся в Киевский высший институт нар[одного] образования (на гуманитарное отделение по циклу всеобщей исто-

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Довгань П. Указ. соч. С. 87.

²² Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 17–19.

²³ Днепропетровский (Екатеринославский) университет – основан в 1918 г. на базе Высших женских курсов. Ныне это одно из крупнейших высших учебных заведений Украины – Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара.

В год создания университета (1918 г.) в его структуре было 4 факультета: медицинский, физико-математический, юридический и исторический. Обучение в вузе было платным: от 300 до 500 рублей в год в зависимости от факультета (см.: Пахоменков Ю. Возникновение университета в Екатеринославе-Днепропетровске. 2000 // [http:// gorod.dp.ua/ history/ article_ru.php?article=18](http://gorod.dp.ua/history/article_ru.php?article=18)). И.И. Вейцковский поступил на исторический факультет, но окончил лишь первый курс университета (1919–1920 учебный год).

²⁴ Город Днепропетровск до 1926 г. носил имя Екатеринослав. Ныне это областной центр Днепропетровской области Украины.

²⁵ В Автобиографии 1937 г. И.И. Вейцковский называет иную причину, по которой он тогда не смог получить высшего образования: “Ввиду закрытия в 1920 г. Екатеринославского университета, я возвратился в Черкассы” (Архив СГУ, д. 30 [И.И. Вейцковский], л. 4). Действительно, в 1920 г. университет в Екатеринославе был закрыт, и вместо него были организованы Высший институт народного образования и Медицинская академия, переименованная в 1921 г. в Медицинский институт (см.: Яворницкий Д.И. История города Екатеринбурга. – Днепропетровск, 1989 [21996]. С. 72). Но, возможно, И.И. Вейцковский оставил университет до того, как вуз был расформирован (?), поскольку из-за отсутствия средств он был не в состоянии оплачивать учебу.

²⁶ Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин, РКИ) – орган государственного контроля, действовавший в советской России с 1920 по 1934 г. Контролеры и инспекторы РКИ осуществляли финансовые проверки, следили за эффективностью работы различных ведомств.

²⁷ Речь идет о созданном в 1921 г. Черкасском институте народного образования, в 1933 г. реорганизованном в Черкасский государственный педагогический институт имени 300-летия воссоединения Украины с Россией, на базе которого в 1995 г. был учрежден Черкасский государственный университет имени Богдана Хмельницкого (в 2003 г. университету присвоен статус национального).

²⁸ Киевский археологический институт – научно-исследовательское учреждение, созданное весной 1919 г. для осуществления исследований в области археологии и древней истории. Ныне это Институт археологии Национальной академии наук Украины.

рии)²⁹. В 1923 г., ввиду необходимости содержать нетрудоспособных (по старости и болезни) родителей, вынужден был на целый ряд лет прервать свои занятия в высшей школе. В 1929 г. снова занялся продолжением своего образования и поступил во 2 Московский гос[ударственный] университет³⁰ (на лингвистическое отделение). Не имея возможности посещать занятия в университете, вынужден был вести учебную работу в качестве заочника в [о] 2[-ой] МГУ.

После реорганизации системы заочного образования я очутился в конце 1930 г. в числе заочников-лингвистов Центрального института заочного пед[агогического] образования^{31...}³².

Только в 1932 г. И.И. Вейцковский заочно окончил Немецкий государственный педагогический институт в г. Энгельсе³³. В справочнике по историческому факультету Львовского университета не верно указано, что он окончил Уральский педагогический институт³⁴. Сам И.И. Вейцковский пишет:

“В 1931 г. в порядке территориального распределения заочников-лингвистов меня прикрепили к заочному сектору Нем[ецкого] пед[агогического] института в г. Энгельсе. Желая ускорить темпы своей работы, я, с разрешения ЦИЗПО и дирекции педагогического института в г. Свердловске³⁵, где жил и работал, посещал лекции и сдавал зачеты в порядке экстерната за курс пед[агогического] вуза. Сдал в 1932 г. все до того времени не сданные зачеты по программе стационарного педвуза при педагогическом ин[ститу]те в Свердловске и закончил, таким образом, полный курс высшего педагогического образования...”³⁶.

В личной карточке преподавателя СГУ, в графе “образование; какой ВУЗ окончил и когда”, он указывает: “высшее; педагогический институт в Энгельсе; 1932 г.”³⁷. Факт, что И.И. Вейцковский окончил педагогический институт в

²⁹ Высший институт народного образования им. М.П. Драгоманова (с 1926 г. – Киевский институт народного образования, КИНО) – учебное заведение, созданное в 1920 г. на базе Киевского университета св. Владимира и Высших женских курсов. В 1933 г. КИНО был преобразован в Киевский педагогический институт. Ныне это Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова.

³⁰ Второй Московский государственный университет (2-ой МГУ) – высшее учебное заведение смешанного типа, возникший в 1918 г. на базе Московских высших женских курсов. С 1930 г. – Московский государственный педагогический институт (МГПИ), а с 1990 г. – Московский педагогический государственный университет (МПГУ).

³¹ Центральный институт заочного педагогического образования (ЦИЗПО) – высшее учебное заведение, созданное в конце 1920-х гг. на базе Второго МГУ и заочного сектора Института повышения квалификации педагогов (ИПКП).

³² Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 17.

³³ Немецкий (государственный) педагогический институт (Немпединститут, *DPH – Deutsche Pädagogische Hochschule*) – высшее учебное заведение с 4-летним сроком обучения, которое готовило преподавателей семилетних и средних школ, техникумов АССР Немцев Поволжья. Институт функционировал с 1 октября 1929 г. по 19 сентября 1941 г. Находился институт в г. Энгельсе (до 1931 г. – Покровск) в Саратовской области, который в 1922–1941 гг. был столицей Автономной ССР Немцев Поволжья.

³⁴ См.: Довгань П. Указ. соч. С. 87.

³⁵ Свердловский педагогический институт (с 1933 г. по 1991 г.) – высшее учебное заведение педагогического профиля. Основан в 1930 г. как Уральский индустриально-педагогический институт (УрИПИ). Ныне это Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ).

³⁶ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 17.

³⁷ Там же. Л. 10.

г. Энгельсе, отмечается в очерках И.А Лисового и М.А. Пелещишина³⁸ и А.Г. Бандровского³⁹, которые опираются на архивные материалы Львовского университета.

К этому времени И.И. Вейцковский уже имел большой педагогический стаж работы (с 1921 г.), несколько лет был директором школы в Украине (1923–1931 гг.), а затем преподавателем Уральского индустриального техникума в г. Свердловске и Свердловском государственном университете (1931–1933 гг.).

В 1933 г. И.И. Вейцковский был зачислен в аспирантуру Московского института иностранных языков⁴⁰. Но в следующем году, когда в столичных университетах была восстановлена структура исторических факультетов⁴¹, он поступил в аспирантуру Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ)⁴² по специализации древняя история⁴³. Здесь его научным руководителем стал известный историк, профессор Владимир Сергеевич Сергеев (1883–1941 гг.). В 1930-е годы В.С. Сергеев являлся одним из ведущих в советском антиковедении специалистов по истории эллинизма и Рима. В 1934 г. он подготовил первый советский учебник по истории древней Греции⁴⁴, который в переработанном виде был опубликован в 1939 г.⁴⁵ В то же время им был подготовлен и учебник по римской истории, который вышел в двух частях в 1938 г.⁴⁶ Обе эти книги были утверждены ВКВШ при СНК СССР в качестве учебных пособий для студентов исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов.

³⁸ Лисовий І.А., Пелещшин М.А. Указ. соч. С. 78.

³⁹ Бандровський О.Г. Кафедра археології, античності та середньовіччя. Указ. соч. С. 18.

⁴⁰ Московский институт новых языков (с 1930 г.) – крупнейший российский научно-учебный центр в области языкознания. В 1935 г. был переименован в Московский государственный педагогический институт иностранных языков (МГПИИЯ), а в 1990 г. преобразован в Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ).

⁴¹ После обнародования постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. “О преподавании гражданской истории в школах СССР”, с 1 сентября 1934 г. возобновили свою деятельность исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах, в составе которых были воссозданы кафедры древней истории. См.: Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. — М., 2001; Соломонов В.А. Исторический факультет Саратовского государственного университета: время, события, люди // Известия Саратовского университета. Новая серия. — Саратов, 2007. Т. 7. Серия: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 5–27, здесь – с. 11.

⁴² Московский (государственный) институт истории, философии и литературы имени Н.Г. Чернышевского (МГИИФЛ, МИИФЛ, МИФЛИ) – высшее учебное заведение университетского типа, занимавшееся подготовкой педагогов обществоведческих предметов для средней школы и научных работников. Институт функционировал с 1931 г. по 1941 г.

⁴³ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 17, 19.

⁴⁴ Сергеев В.С. История древней Греции. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 356 с.

⁴⁵ Сергеев В.С. История древней Греции. — М.: Соцэкгиз, 1939. 400 с. (книга вышла под редакцией А.В. Мишулина и Н.А. Машкина; глава о восстаниях рабов в Греции написана А.В. Мишулиным). С некоторыми дополнениями и уточнениями данное учебное пособие вышло вторым изданием в 1948 г.: Сергеев В.С. История древней Греции. 2-е изд. испр. и доп. / Под ред. проф. Н.А. Машкина и проф. А.В. Мишулина. — М.: Госполитиздат, 1948. 552 с.

⁴⁶ Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. — М.: Соцэкгиз, 1938. Ч. 1: Царский период. Республика. 372 с. и Ч. 2: Империя. 373–832 с.

В.С. Сергеев был представителем новой марксистской науки, стоявшей на позициях исторического материализма и формационного развития общества⁴⁷. На рубеже 1920–1930-х гг. он принимал активное участие в развернувшихся в русской исторической науке дискуссиях о социально-экономических формациях и, в частности, о рабовладельческой формации применительно к древним обществам.

Приняв на вооружение высказывания И.В. Сталина “о революции рабов, будто бы в конце концов сокрушившей античный мир”⁴⁸ историки-марксисты, к которым принадлежал и В.С. Сергеев, принялись тогда “актуализировать” античную историю. Популярными темами, актуальность и новизна которых не требовала пояснений, стали восстания рабов на Сицилии и восстание рабов под предводительством Спартака; заговор Катилины, рассматривавшийся в связи с внутривосточной ситуацией в Риме после спартаковского восстания; аграрное движение братьев Гракхов, представлявшееся в связи с обострением классового конфликта в римской республике и проч.⁴⁹ Как и многие другие историки марксистского толка — А.И. Тюменев, Н.А. Машкин, А.В. Мишулин, С.И. Ковалев, А.Г. Бокщанин, Ю.В. Сергиевский и др., — В.С. Сергеев занимался исследованием различных аспектов классовой и социальной борьбы в античности⁵⁰.

Несомненно, “актуальные проблемы античности”, рассматривавшиеся в советской исторической науке 1930-х гг. через призму марксистского формационного подхода и классовой борьбы, а также научные интересы самого В.С. Сергеева, определили тематику занятий И.И. Вейцковского. Под руководством В.С. Сергеева он за три года подготовил диссертацию на популярную тогда тему — восстания рабов в древнем Риме⁵¹.

В 1934–1941 гг. профессор В.С. Сергеев заведовал созданными в МГУ и МИФЛИ кафедрами истории древнего мира. В течение трех лет — с 1934 по 1937 г. — И.И. Вейцковский не только учился в аспирантуре у В.С. Сергеева, но и работал под его руководством, исполняя “в порядке общественной нагрузки” (как он указывает в автобиографии) обязанности секретаря кафедры древней истории МИФЛИ, а также по поручению Комиссии советского контроля он

⁴⁷ См.: Кузищин В.И. *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. — М., 1980. (здесь о В.С. Сергееве — с. 331, 333 сл., 337 и др.).

⁴⁸ Фролов Э.Д. *Русская наука об античности: Историкографические очерки*. — СПб., 1999. С. 405.

⁴⁹ Кузищин В.И. Указ. соч. С. 341 слл.

⁵⁰ Этим проблемам В.С. Сергеев посвятил серию работ: 1) *Мировые кризисы*. Вып. 2: *Гражданская война в древнем Риме во II–I вв. до Р.Хр.* — М., 1924; 2) *Революция рабов в Римской республике // Борьба классов*. — М., 1935. № 6. С. 86–95; 3) *Материалы по Римской истории. Кризис республики // История в средней школе*. — М., 1935. № 4. С. 6–27; 4) *Реформы братьев Гракхов*. — Горький, 1935; 5) *Эпоха военных диктатур конца Римской республики // Борьба классов*. — М., 1936. № 8. С. 85–97; 6) *Гражданская война в Риме в конце республики. (Гракхи) // Борьба классов*. — М., 1936. № 9. С. 90–101; 7) *Заговор Катилины // Исторический журнал*. — М., 1937. № 2. С. 86–96; 8) *Второй триумвират и падение Римской республики // Исторический журнал*. — М., 1937. № 9. С. 63–76.

⁵¹ Вейцковский И.И. *Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н.э.* Дисс. ... канд. ист. наук. Московский государственный институт истории, философии и литературы. — М., 1937.

занимался проверкой педагогической практики студентов-историков МИФЛИ⁵².

По окончании аспирантуры И.И. Вейцковский получил направление в один из университетов на Волге. Не исключено, что в этом назначении определенную роль сыграл его научный руководитель В.С. Сергеев, позаботившийся о трудоустройстве своего аспиранта. Кандидатскую диссертацию И.И. Вейцковский тогда еще не защитил, но работа была подготовлена, обсуждена на кафедре древней истории МИФЛИ и даже был назначен срок ее защиты, до которого оставались считанные дни.

Как указано в командировочном удостоверении, выданном аспиранту МИФЛИ И.И. Вейцковскому⁵³, по путевке Наркомпроса РСФСР (Управление высшей школы), он был командирован в распоряжение Саратовского государственного университета для преподавательской работы по истории древнего мира. В командировочном удостоверении в графе “основание” отмечено: “запрос университета”. Здесь же назван срок, когда И.И. Вейцковский должен был прибыть в СГУ – 25 августа 1937 г. Интересно заметить, что этот документ датирован (т.е. был составлен и подписан) 10 августа сурового 1937 года.

САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СУРОВОМ 1937-ОМ

Вторая половина 1937 г. для Саратовского государственного университета, как и для всей нашей страны, стала поистине роковым моментом. С начала августа 37-го СГУ захватил шквал репрессий. Волна “чисток” обезглавила факультеты, кафедры, выбила многих специалистов, верно служивших Саратовскому университету.

Второго августа как “разоблаченный враг народа” был арестован директор СГУ Гавриил Кириллович Хворостин⁵⁴. 14 августа органами НКВД был аре-

⁵² См.: Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 19.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ Хворостин Гавриил Кириллович (1900–1938 гг.) – математик, доцент. По окончании аспирантуры механико-математического факультета МГУ, он был назначен директором Саратовского университета (июнь 1935 г. – август 1937 г.). Умелый организатор, благодаря которому в университет были приглашены видные специалисты отечественной науки, созданы новые кафедры, совершенствовались научные школы. За два года руководства ему удалось многое сделать для того, чтобы превратить СГУ из рядового провинциального вуза в один из ведущих университетов страны (“Геттинген на Волге”, – как говорил сам Г.К. Хворостин). В августе 1937 г. Г.К. Хворостин был арестован органами НКВД как враг партии и народа, вредительствовавший в университете. Он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в январе 1938 г. Г.К. Хворостин был реабилитирован в 1956 г. Об “эпохе Хворостина” в СГУ см. добротный материал в новом издании: Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. История Саратовского университета. 1909–2009. В 2-х т. Т. 1. 1909–1945. – Саратов, 2009. С. 158–168, там же о репрессиях в СГУ в 1937–1938 гг., предпринятых против окружения Г.К. Хворостина, – с. 168–170 и примечания на с. 184 сл.; см. также: Семёнов В.Н. Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. – Саратов, 1999. С. 140–143; Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А. Саратовцы – академики и члены-корреспонденты Российской академии наук: Библиографические очерки. – Саратов, 2005. С. 96, 114–115, 140, 160; Аврус А.И. Светоч образования, науки и культуры на юго-востоке Европейской части России (к 100-летию Саратовского государственного университета) // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – Иваново, 2009. № 4. С. 71–96, здесь – С. 78–79.

станов профессор Павел Сергеевич Рыков, который с момента восстановления исторического факультета СГУ являлся деканом истфака и заведующим кафедрой истории древнего мира и археологии⁵⁵. Были арестованы также академик Д.Б. Рязанов⁵⁶, профессора Г.С. Зайдель⁵⁷, Б.П. Никольский⁵⁸,

⁵⁵ О П.С. Рыкове (1884–1942 гг.) см. литературу: Худяков М.Г. 25-летие научной деятельности профессора П.С. Рыкова // Советская этнография. 1935. № 2. С. 155–158; Синицын И.В., Степанов П.Д. Памяти Павла Сергеевича Рыкова (1884–1942 гг.) // Советская археология. 1964. № 1. С. 126–130; Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. — Саратов, 1983. С. , 24–30, 120–124, 133 сл., 136 сл.; Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. — Саратов, 1989. Вып. 1. С. 3–11; он же. П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. — Саратов, 1991. Вып. 15. С. 50–62; Рокитянский Я.Г. Обреченные. Переписка академика Д.Б. Рязанова с профессором П.С. Рыковым (май 1937) // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 95–102; Малов Н.М. П.С. Рыков — директор музея краеведения и “дело изучения Н.Г. Чернышевского” // Историк и историография: Материалы науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Дербова. — Саратов, 1999. С. 229–235; он же. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: история и современность. — Саратов, 1999. С. 22–36, здесь — с. 27–30; Петрова Н.Ф. Музейная педагогика профессора П.С. Рыкова (к 120-летию со дня рождения) // Туризм и культурное наследие. — Саратов, 2004. Вып. 2. С. 207–216; Соломонов В.А. Исторический факультет... С. 11 сл.; Исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: 90 лет. — Саратов, 2007. С. 5–6, 12; Гусева Л.В., Павлова Л.С., Растокина Н.С. Павел Сергеевич Рыков (1884–1942): библиографический указатель. — Саратов, 2009; Малов Н.М., Павлова (Рыкова) Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков — первый декан исторического факультета СГУ (к 125-летию со дня рождения) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2010. Вып. 1 (в печати).

⁵⁶ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938 гг.) — видный советский историк, архивист, крупный государственный и общественный деятель, академик АН СССР, первый директор Института Маркса и Энгельса. В феврале 1931 г. Д.Б. Рязанов был арестован, осужден по делу, сфабрикованному ОГПУ, и выслан из Москвы в Саратов. Здесь академик Д.Б. Рязанов работал в университете сначала временно исполняющим обязанности консультанта по научной части (с ноября 1934 г.), а затем консультантом по укомплектованию исторической библиотеки СГУ (1935–1937 гг.). 23 июля 1937 г. он был арестован вторично по обвинению в “активной антисоветской троцкистской деятельности” и по приговору расстрелян 21 января 1938 г. Реабилитирован в марте 1958 г. См.: Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 107–148; он же. Теоретическое завещание академика Д.Б. Рязанова // Вестник Российской Академии Наук. 1993. № 11. С. 1035–1044; он же. Обреченные...; он же. Глас вопиющего. Академик Д.Б. Рязанов против сталинизации РКП(б) // Вестник Российской Академии Наук. 1995. Т. 65. № 4. С. 365–376; Смирнов В.А. Рязанов Д.Б. // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. — М., 1995. С. 144–155; Рокитянский Я.Г., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина: Биографический очерк. Документы. — М., 1996; Д.Б. Рязанов — ученый, государственный и общественный деятель. — М., 2000; Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А. Саратовцы — академики... С. 157–161, 341 сл.; Рокитянский Я.Г. Из биографии академика Д.Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 10–23 (= <http://www.rusarchives.ru/publication/ryazanov.shtml>).

⁵⁷ Зайдель Григорий Соломонович (1893–1937 гг.) — историк и историограф, профессор, заведующий кафедрой истории Нового времени и декан исторического факультета Ленинградского государственного университета (1934–1935 гг.). В 1935 г. выслан в Саратов, где руководил кафедрой истории Нового времени СГУ (1935–1936 гг.). Был осужден по обвинению в причастности к террористической организации, готовившей заговоры против советской власти, и расстрелян в мае 1937 г. См.: Брачёв В.С. Первый декан истфака ЛГУ

Н.А. Орлов⁵⁹, Ф.С. Большов⁶⁰, профессор кафедры истории древнего мира и археологии Виктор Николаевич Охоцимский⁶¹ и другие⁶². За “антисоветскую

Григорий Соломонович Зайдель (1893–1937 гг.) // Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Матер. юбилейной конф., посвящ 70-летию истор. фак. Санкт-Петербургского гос. универ. / Под ред. А.Ю. Дворниченко. — СПб., 2004. С. 96–98.

⁵⁸ Никольский Борис Петрович (1900–1990 гг.) – физикохимик и радиохимик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской, Сталинской и Государственной премий, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. В 1935 г. был выслан из Ленинграда в Саратов, где преподавал на химическом факультете СГУ, создал и возглавил кафедру электрохимии и коллоидной химии. В ноябре 1937 г. был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию. В 1939 г. дело было прекращено за отсутствием улик (в 1994 году посмертно реабилитирован). См.: Академик Б.П. Никольский. Жизнь. Труды. Школа / Под ред. А.А. Белюстина и Ф.А. Белинской. — СПб., 2000; Аврус А.И., Саунин И.В., Соломонов В.А. Саратовцы – академики... С. 113–116, 334, 337, 342.

⁵⁹ Орлов Н.А. – химик, профессор СГУ. В 1935 г. был выслан из Ленинграда в Саратов. Здесь по приглашению Г.К. Хворостина работал на химическом факультете СГУ (1935–1937 гг.) и создал свою школу. Летом 1937 г. был арестован, осужден и расстрелян. Реабилитирован посмертно. Чернова Р.К., Мустафин Д.И. Профессор Исаак Савельевич Мустафин. Научно-педагогические аспекты биографии ученого // Известия Саратовского университета. Новая серия. — Саратов, 2008. Т. 8. Серия: Химия. Биология. Экология. Вып. 2. С. 3–14, здесь – С. 9 сл.

⁶⁰ Большов Федор Сергеевич (1892–1938 гг.) – философ, профессор СГУ (1935–1937 гг.). Арестован 1 октября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветской организации. Осужден и расстрелян 23 января 1938 г. Реабилитирован 23 января 1957 г. (см.: Арх. уг. дело № ОФ–10320. № 4934 (= <http://www.memo.ru/memory/saratov/d021.htm#8>)).

⁶¹ Охоцимский Виктор Николаевич (1880–1942 ?) – юрист, правовед, историк. Охоцимский прибыл Саратов в 1927 г. из Иркутского университета. В 1935–1937 гг. состоял профессором кафедры истории древнего мира и археологии исторического факультета Саратовского университета (см. о нем: Архив СГУ, д. 9 [В.Н. Охоцимский], л. 1–38; Казарин В.Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 3–13, здесь – с. 10–12; Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 138, 164). В 1937 г. В.Н. Охоцимский был арестован органами НКВД по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности и 22 декабря 1937 г. приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. О дальнейшей судьбе В.Н. Охоцимского не известно; дату его смерти установить не удалось. См.: Архив Президента Российской Федерации, оп. 24, д. 413, л. 350 (№ 28 Охоцимский В.Н.) // <http://stalin.memo.ru/spiski/pg05350.htm> (здесь указана вторая категория обвинения, предполагавшая 10 лет заключения); ср.: Казарин В.Н. Указ. соч. С. 12: “В.Н. Охоцимский был репрессирован; причины и обстоятельства этого нам не известны. В декабре 1937 г. В.Н. Охоцимского не стало”. (Дополнительно о В.Н. Охоцимском см. ниже и примеч. 91.)

⁶² О “чистках” в СГУ см. статьи Н.М. Малова и В.А. Соломонова, указанные выше в примеч. 41 и 55. Дополнительно: Максимов Е.К. “Враги народа” на музейном фронте // Поволжский край. — Саратов, 2000. С. 194–203; Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. — Саратов, 2006. Вып. 4. С. 4–28 (здесь о П.С. Рыкове – с. 5, 6, 19–25, 26 сл.); Накануне серьезных испытаний (кон. 1920-х–1941 гг.): <http://www.istfak-90.narod.ru/history/step3.pdf>; Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 168–170; Аврус А.И. Хроника событий Саратовского государственного университета // Там же. С. 234 (= Хроника событий: СГУ в 30-е годы: <http://www.sgu.ru/node/23443>).

агитацию” был осужден научный сотрудник Областного музея краеведения Н.Н. Дмитриев⁶³.

Жертвой незаконных репрессий, обрушившихся на СГУ в 1937 г., стал и еще один сотрудник кафедры древней истории — Аристид Иванович Доватур⁶⁴. В первый раз А.И. Доватур был арестован в 1935 г. в Ленинграде и “в порядке очистки города от социально чуждых элементов” был выслан в Саратов на 5 лет. Здесь А.И. Доватур работал ассистентом кафедры иностранных языков в Саратовском медицинском институте и ассистентом кафедры истории древнего мира и археологии исторического факультета Саратовского государственного университета (фактически, с момента его открытия)⁶⁵. Он вел занятия классическими языками, занимался переводами греческих и латинских авторов и писал статьи, ожидая возвращения в Ленинград по окончании срока своей ссылки⁶⁶.

⁶³ В марте 1935 г. Н.Н. Дмитриев был выслан органами НКВД из Ленинграда в Саратов на 3 года. О “деле Дмитриева” см.: Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете... С. 23 сл.

⁶⁴ Доватур Аристид Иванович (1897–1982 гг.) — выдающийся историк и филолог-классик, профессор Ленинградского государственного университета. В 1937 г. был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы; освобожден 2 октября 1947 г. с запретом жить в Москве, Ленинграде и еще шести крупных городах СССР (в 1955 г. полностью реабилитирован). Вернулся в Ленинград в 1954 году. С 1955 г. до конца жизни преподавал в Ленинградском государственном университете на кафедре классической филологии (с 1957 по 1971 г. заведовал кафедрой). А.И. Доватур — автор и редактор многих переводов классических авторов, специалист по изучению Аристотеля, Геродота, Феогида и эпиграфических памятников Северного Причерноморья. См.: Гаврилов А.К., Поплинский Ю.К., Рабинович Е.Г. Памяти Аристида Ивановича Доватура // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 204–206; Гаврилов А.К. Аристид Иванович Доватур: Жизнь и творчество // МНМНМЗ ХАРІН. К 100-летию со дня рождения профессора Аристида Ивановича Доватура: Межвуз. сб. (Philologia classica. Вып. 5) / Отв. ред. Ю.В. Откупщиков. — СПб., 1997. С. 11–24; Демина Н.А. А.И. Доватур в Саратове // Там же. С. 25–27; Зайцев А.И. Аристид Иванович Доватур: Научная деятельность // Там же. С. 28–39; Шишова И.А. Аристид Иванович Доватур, 1897–1982 // Античное общество: Проблемы политической истории / Отв. ред. Э.Д. Фролов. — СПб., 1997. С. 212–230; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 477–503; Васильев А.Н. Аристид Иванович Доватур. Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала института Российской истории РАН. — СПб., 2000 (здесь о саратовской ссылке А.И. Доватура — С. 5–6).

⁶⁵ Исторический факультет СГУ был восстановлен 15 сентября 1935 г. (см. ниже примеч. 80), а с 1 октября того же года А.И. Доватур был принят на должность ассистента кафедры истории древнего мира. Во вступительной статье к изданию документального наследия А.И. Доватура А.Н. Васильев (книга указана в предыдущем примечании; здесь глава “Штрихи биографии”, с. 3–18) ошибочно сообщает, что А.И. Доватур “начинает работать ассистентом при кафедре истории древнего Востока (sic! — А. С.) местного (т.е. Саратовского. — А. С.) университета” (Васильев А.Н. Указ. соч. С. 5), ссылаясь на справку СГУ, хранящуюся в западноевропейской секции архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории (СПбФИРИ. ф. 17, оп. 2, д. 65, л. 3; см.: Васильев А.Н. Указ. соч. С. 14, примеч. 34). Однако в Саратовском университете кафедры истории древнего Востока не было ни в первые годы существования истфака, ни когда-либо позже.

⁶⁶ Об этом вспоминает сам А.И. Доватур в письме к Я.М. Боровскому, отправленном из лагеря 8 ноября 1946 г. (см.: Выбранные места из переписки друзей-филологов: А.И. Доватур — А.Н. Егунов — Я.М. Боровский / Публ. и примеч. А.К. Гаврилова и В.В. Зельченко // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. — СПб., 2000. Вып. 2. С. 162–186, здесь — с. 165).

Во время работы в университете А.И. Доватур мог оказывать содействие Г.К. Хворостин, который, не обращая внимание на “политическую неблагонадежность” ссыльных московских и ленинградских ученых, волею судеб оказавшихся в эту пору в Саратове, активно привлекал их для работы в СГУ. О благоволении Г.К. Хворостина к А.И. Доватуре говорит, например, следующий косвенный “намек”. В протоколе партийного собрания СГУ от 31 июля 1937 г., на котором осуждалась политическая линия в руководстве директора члена ВКП(б) Г.К. Хворостина, сохранилось высказывание С.Д. Альфиш⁶⁷, ставшее пророческой оговоркой. На волне всеобщей критики директора Саратовского университета, смертельно разбушевавшейся на этом партсобрании, С.Д. Альфиш предложила проверить также и людей, “близких Г.К. Хворостину, например, А.И. Доватура, А.М. Панкратову”⁶⁸. В этом активистском призыве сотрудницы СГУ, целью которого было привлечь внимание партийных товарищей к “кругу Хворостина”, не было ничего необычного. Всем было известно, что неумный Г.К. Хворостин “целенаправленно” окружил себя “политически неблагонадежными интеллектуалами”, со многими из которых он находился в близких отношениях⁶⁹.

Вполне вероятно и то, что в сентябре 1935 г., при подборе на восстановленный исторический факультет квалифицированных специалистов, А.И. Доватур мог быть рекомендован профессором П.С. Рыковым, который был тогда назначен исполняющим обязанности декана истфака и являлся заведующим кафедрой истории древнего мира и археологии. П.С. Рыков мог помнить А.И. Доватура с той поры, когда последний еще был студентом Саратовского университета, ведь уже тогда проявились незаурядные способности молодого Аристида.

С 1917-го по 1921 г. в состав Саратовского университета входил единый историко-филологический факультет, который в ту пору, как и в последующие времена, когда оба факультета стали самостоятельными, располагался в одном здании⁷⁰. А.И. Доватур обучался на историко-филологическом факультете СГУ с 1917 г., переведясь сюда из Киевского университета св. Владимира. С 1920 г., будучи еще студентом старших курсов историко-филологического факультета, он работал помощником заведующего кабинетом классической филологии и оставался на этой должности до 1922 г.⁷¹ В 1921 г. за работу “Личность и деятельность Солона в греческом историческом предании”, представленную на конкурс по окончании университета, выпускник А.И. Доватур

⁶⁷ В 1935–1939 гг. С.Д. Альфиш состояла на должности исполняющей обязанности профессора кафедры политической экономии СГУ.

⁶⁸ Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 170, со ссылкой на архивные материалы из Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). ф. 35, оп. 1, д. 161, л. 45–52.

⁶⁹ См.: Семёнов В.Н. Указ. соч. С. 140 слл.; Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 158 слл.; см. также: Дементьева С. Невский интеллект на Волжских берегах, или Питерский след в истории Саратовского университета // Курс. Русский проект. 2009. декабрь (= <http://www.sgu.ru/node/44448>); Аврус А.И. Светоч образования... С. 78 сл.

⁷⁰ См.: Аврус А.И. Университет строится... // Известия Саратовского университета. Новая серия. — Саратов, 2009. Т. 9. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 3–8.

⁷¹ Васильев А.Н. Указ. соч. С. 4 и 11. Примеч. 14 (со ссылкой на сведения из автобиографии, хранящейся в архиве СПбФИРИ. ф. 17, оп. 2, д. 1, л. 12).

был удостоен золотой медали СГУ (этот факт отмечен в юбилейной книге, изданной к 50-летию Саратовского государственного университета)⁷². В сентябре 1921 г. он окончил СГУ, но был оставлен в университете и продолжал работу в качестве помощника заведующего кабинетом классической филологии. В 1922 г. А.И. Доватур был командирован в Петроград для продолжения учебы в Петроградском университете.

П.С. Рыков прибыл в Саратов из Москвы в 1920 г. и 24 сентября был избран на должность доцента и заведующего кафедрой археологии СГУ. В 1922 г. он, сдав магистерские испытания, стал профессором. С 1923 г. П.С. Рыков работал на должности заместителя декана, а в 1924–1927 гг. на должности декана педагогического факультета СГУ. С 1922 г. П.С. Рыков заведовал археологическим музеем и являлся директором (в 1923–1937 гг.) археологического института. Археолог с классическим образованием, он сочетал в себе качества педагога и администратора, ученого и романтика. П.С. Рыков был человеком увлеченным и способным увлечь своими идеями других людей.

Из этих временных совпадений в биографиях двух современников, относящихся к началу 1920-х гг., можно сделать лишь вывод, что доцент, а затем профессор историко-филологического факультета П.С. Рыков и его младший коллега А.И. Доватур (студент и сотрудник того же факультета) могли быть знакомы. Но есть опять же один косвенный “намеки”, который свидетельствует о том, что они находились в близких отношениях. В первых числах октября 1937 г. на общем комсомольском собрании Саратовского университета⁷³, посвященном обсуждению решений IV пленума ЦК ВЛКСМ “О работе врагов народа внутри комсомола”, выступил преподаватель-комсомолец В.А. Осипов⁷⁴, исполнявший обязанности декана исторического факультета после ареста профессора П.С. Рыкова. По горячим следам он сурово осудил засевавших в СГУ врагов-интеллигентов:

“...Враги народа Рыков и Охоцимский протаскивали на лекциях антисоветские, контрреволюционные взгляды. Комсомольцы истфака не сумели раскрыть подлинного содержания этих лекций. Враг народа Рыков сознательно засоривал истфак контрреволюционерами, врагами народа. Здесь орудовали Зайдель, Охоцимский, Рязанов и др. Здесь подвизался некий латинист Доватур, хороший знакомый Рыкова (курсив мой. — А. С.). Этот Доватур разыгрывал из себя несчастного, «обиженного советской властью интеллигента». Получая громадные деньги, он вечно ходил чуть ли не в лохмотьях...”⁷⁵.

⁷² Саратовский университет. 1909–1959. С. 125; ср.: Гаврилов А.К. Указ. соч. С. 13; Васильев А.Н. Указ. соч. С. 4.

⁷³ См.: До конца разоблачить вражескую агентуру в университете // Сталинец. — Саратов, 1937. № 34. С. 1.

⁷⁴ Осипов Владимир Алексеевич (1905–1996 гг.) — историк и краевед; сотрудник СГУ (1935–1983 гг.); доцент (с 1940 г.) кафедры истории СССР; декан исторического факультета (1953–1965 гг.).

⁷⁵ До конца разоблачить... С. 1. Пафос выступления В.А. Осипова соответствовал, так сказать, “духу времени”. В 1937–1938 гг. в университетской газете “Сталинец” и в местной областной газете “Коммунист” регулярно публиковали материалы о разоблачении “врагов народа”. В “Сталинце” появлялись студенческие заметки, обличающие преподавателей и руководство Саратовского университета, большинство из которых, как водится, были анонимными (см.: Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 185. Примеч. 36).

Комсомольское собрание, на котором прозвучала эта речь В.А. Осипова, состоялось через неделю после ареста “контрреволюционера” А.И. Доватура. Из этих обличительных слов можно заключить, что профессор П.С. Рыков симпатизировал ссыльному филологу-классику и, будучи деканом истфака, оказывал содействие этому “интеллигенту, обиженному советской властью”. Вероятно, тогда на историческом факультете многие ревнители пролетарской морали представляли, будто А.И. Доватур был “*protégé*” П.С. Рыкова, который, “сознательно засоряя истфак” чуждыми антипартийными кадрами, помог ему, как “хорошему знакомому”, устроиться на работу в университет.

С момента воссоздания кафедры древней истории в СГУ в 1935 г. А.И. Доватур был единственным преподавателем по профилю кафедры. В то время он уже являлся сложившимся специалистом по античной истории и классической филологии (правда, тогда еще без ученой степени⁷⁶), прошедшим хорошую научную школу и имевшим опыт преподавания в вузах Ленинграда (в 1924–1935 гг.), в том числе в должности ассистента кафедры классической филологии Института истории, литературы, философии, лингвистики и ассистента кафедры древней истории исторического факультета университета (1932–1935 гг.)⁷⁷. 1936 год для А.И. Доватура был самым “богатым” на публикации из всех предыдущих лет. В этот год вышли шесть его переводов с древнегреческого и латинского языков на русский и на французском языке была опубликована статья академика С.А. Жебелева, перевод которого был выполнен А.И. Доватуром⁷⁸. А в следующем, роковом 1937-ом, когда А.И. Доватур уже был арестован и находился под следствием, в авторитетном антиковедческом журнале “*Revue des études grecques*” вышла его статья “Угроза Демарата”⁷⁹.

В 1935 г. в сложных условиях и в кратчайшие сроки⁸⁰ на историческом факультете удалось собрать коллектив специалистов. Кадровый состав кафедры истории древнего мира и археологии был укомплектован по высокому разряду: опытные профессора П.С. Рыков и В.Н. Охоцимский, ассистенты А.И. Доватур и И.В. Сеницын (последний позднее возглавил кафедру археологии, обособившуюся от кафедры древней истории⁸¹). Примечательно, что из

⁷⁶ Кандидатскую диссертацию А.И. Доватур защитил только в 1952 г.: *Доватур А.И.* Научный и фольклорный стиль у Геродота. Дисс. ... канд. филол. наук. Ленинградский государственный университет. — Л., 1952.

⁷⁷ См.: *Васильев А.Н.* Указ. соч. С. 5 и 13. Примеч. 26.

⁷⁸ См. список научных трудов А.И. Доватура, составленный А.Н. Васильевым, в книге: *Доватур А.И.* Феогнид и его время. — Л., 1989. С. 183.

⁷⁹ *Dovatour A.* La menace de Démarate: Hérodote. VI, 67 // *Revue des études grecques*. 1937. Т. 50. Р. 464–469.

⁸⁰ 8 сентября 1935 г. руководителем Наркомпрос РСФСР был подписан приказ об учреждении исторического факультета в СГУ, а уже 11 сентября был уже объявлен набор студентов на истфак. 16 сентября на новом факультете начались занятия одной группы историков, но с 1 октября, когда приступили к занятиям три остальные группы студентов (всего на первый курс было принято около 100 человек), факультет заработал в полную силу. См.: *Аврус А.И.* История российских университетов.; *Соломонов В.А.* Исторический факультет... С. 11; *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* Указ. соч. С. 163 сл.

⁸¹ Первые пять лет существования исторического факультета СГУ кафедра носила название “кафедра истории древнего мира и археологии”. Осенью 1940 г. на истфаке была воссоздана самостоятельная кафедра археологии (которая существовала еще в 1920–1922 гг.). Заве-

четырёх профессоров, работавших в 1935 г. на историческом факультете⁸², двое были сотрудниками кафедры истории древнего мира и археологии.

Но уже к осени 1937 г. кафедра была обезглавлена и обескровлена. В одночасье она лишилась сразу обоих профессоров⁸³. Эти потери оказались не просто велики, в тогдашних условиях существования образования и науки в Саратове они были совершенно невозможны⁸⁴.

В непростую пору оказался в Саратовском университете И.И. Вейцковский. И теперь ему предстояло начинать здесь фактически “с нуля”.

ДОЦЕНТ И.И. ВЕЙЦОВСКИЙ — ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА СГУ

НАЗНАЧЕНИЕ В САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Как следует из командировочного удостоверения И.И. Вейцковского, вопрос о его направлении на истфак СГУ был решен до трагических событий в Саратовском университете, последовавших в августе 37-го за арестом Г.К. Хворостина⁸⁵. Совершенно ясно, что подготовка к “обновлению” универ-

---

дующим новой кафедрой археологии стал ученик П.С. Рыкова Иван Васильевич Сеницын (1900–1972 гг.) — крупный ученый, археолог и краевед. С 1935 г. он был ассистентом кафедры истории древнего мира и археологии, в 1940–1941 гг. и 1943–1944 гг. — заведовал кафедрой археологии; с 1943 по 1953 г. являлся деканом исторического факультета. С 1944 г. — доцент, а с 1965 г. — профессор СГУ. См.: К 70-летию Ивана Васильевича Сеницына // *Античный мир и археология*. — Саратов, 1972. Вып. 1. С. 5–11; Малов Н.М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете... С. 26 сл., 30 сл.; он же. Советская археология в Саратовском государственном университете... С. 6 сл., 24 сл.; Максимов Е.К., Малов Н.М. Профессор Иван Васильевич Сеницын — советский археолог XX века // *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. — Саратов, 2000.

⁸² В ноябре 1935 г., полтора месяца спустя, после того, как воссозданный в СГУ исторический факультет начал свою работу, декан истфака П.С. Рыков отмечал: “В настоящее время на факультете преподают 4 профессора, 1 доцент, 3 ассистента и 3 преподавателя по языкам” (Рыков П. Исторический факультет // *За научные кадры*. — Саратов, 1935. 5 ноября; цит. по: Соломонов В.А. Исторический факультет... С. 11). Ср.: Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 164: “В 1936 г. на историческом факультете уже оформилось 5 кафедр, на них работало 16 преподавателей, но только 4 имели ученую степень или ученое звание...” (со ссылкой на ГАНИСО. ф. 594, оп. 1, д. 413, л. 56–57).

⁸³ Из четырех профессоров, составивших костяк истфака в 1935 г., в 1936–1937 гг. были репрессированы все четверо (!); об этом см. выше и примеч. 55, 57, 60, 61, где указана литература.

⁸⁴ Кстати сказать, количество профессоров на кафедре древней истории, которое имелось при П.С. Рыкове, было восстановлено только через 60 с лишним лет, в период руководства кафедрой В.Н. Парфеновым (1991–2009 г.). На рубеже 1990-х — 2000-х гг. сотрудниками кафедры были защищены три докторских диссертации: в 1995 г. докторскую защитил В.Н. Парфенов (в 1997 г. присвоено ученое звание профессора), в 1998 г. — В.И. Кащеев (в 2000 г. присвоено ученое звание профессора) и в 2000 г. — С.Ю. Монахов (в 2001 г. присвоено ученое звание профессора).

⁸⁵ С начала 1937 г. в вузах Саратова шла подготовка к “чистке” кадров. С конца мая 1937 г. на собраниях, проходивших в СГУ, все чаще звучала критика директора Г.К. Хворостина. Заседание парткома университета, на котором было принято решение об исключении Г.К. Хворостина из рядов ВКП(б) как врага народа, вредительствовавшего в университете,

ситета была спланирована и уже шла полным ходом. Через четыре дня после ареста директора СГУ, 6 августа 1937 г., в газете “Коммунист” появилась санкционированная статья С. Солодовникова “В Университете неблагополучно”. В ней были обнародованы факты “неумелого руководства” Г.К. Хворостина и помимо прочего сообщалось о сложившейся ситуации на историческом факультете:

“...На истфак – где 120 вакантных мест – было подано лишь 45 заявлений. По истфаку из пяти кафедр руководителями были обеспечены только две...”⁸⁶.

Выше я обратил внимание на то, что командировка И.И. Вейцковского в Саратов была оформлена и подписана 10 августа 1937 г., следовательно, запрос из СГУ в Наркомпрос пришел раньше – в конце июля или в первые дни августа. А поэтому он мог быть составлен в июле (или даже в июне?) 1937 года. Или все же эти два факта – “чистка” на историческом факультете СГУ и приглашение на кафедру истории древнего мира и археологии нового сотрудника – связаны между собой причинно-следственной связью? Здесь остается только гадать, поскольку мы располагаем лишь скудными данными и немymi датами, но, по существу, зацепиться не за что.

На оборотной стороне командировочного удостоверения отмечено, что “тов. Вейцковскому И.И. выдано Наркомпросом РСФСР в счет командировочных 170 руб.”⁸⁷. Здесь же стоит печать планово-финансового сектора Наркомпроса РСФСР и подпись бухгалтера. Но следующая страница документа – “подтверждение командировки” – пуста: командировка не подтверждена. Таким образом, можно заключить, что поездка И.И. Вейцковского в Саратов в августе 1937 г. не состоялась (или же документ просто не был оформлен, поскольку он каким-то образом оказался в личном деле И.И. Вейцковского в Архиве СГУ – ?).

И.И. Вейцковский приехал в Саратов 16 сентября 1937 г. На следующий день, 17 сентября, он написал заявление о зачислении его преподавателем на кафедру истории древнего мира СГУ⁸⁸.

“В дирекцию Саратовского гос[ударственного] университета
Вейцковского Ивана Ивановича

Заявление.

По окончании аспирантуры при Московском институте истории, фил[ософии] и литературы я получил от Наркомпроса РСФСР командировку в Саратов[ский] гос[ударственный] университет. Вчера (16.IX) я прибыл в Ваше распоряжение и прошу о зачислении меня в штат историческ[ого] факультета в качестве преподавателя древней истории”⁸⁹.

состоялось 31 июля 1937 г. (см.: Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. Указ. соч. С. 169 сл.). После этого последовал арест Г.К. Хворостина, в университете начались тотальные проверки и продолжились репрессии.

⁸⁶ Солодовников С. В университете неблагополучно // Коммунист. — Саратов, 1937. № 179. С. 1.

⁸⁷ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 2.

⁸⁸ И.И. Вейцковский обращается в дирекцию СГУ, не указывая имени директора университета (после ареста Г.К. Хворостина, с середины августа до начала октября 1937 г. обязанности директора исполнял профессор В.П. Голуб).

⁸⁹ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 3.

В течение недели заявление И.И. Вейцковского было подписано, и он был зачислен в штат исторического факультета Саратовского государственного университета на должность доцента.

А.И. Доватур был арестован и одновременно уволен с кафедры истории древнего мира и археологии СГУ 1 октября 1937 г., спустя две недели с того момента, как на “кафедру Рыкова” был прикомандирован И.И. Вейцковский. Последний еще застал А.И. Доватуру на должности ассистента кафедры и, по всей вероятности, познакомился с ним в свой первый приезд в Саратов в сентябре 1937 г. Но судьба А.И. Доватура, как и других коллег из окружения П.С. Рыкова, уже была предрешена. Можно вообразить, какое впечатление произвело на И.И. Вейцковского то катастрофическое состояние, в котором находилась кафедра истории древнего мира и археологии во второй половине сентября 37-го. Понимал ли И.И. Вейцковский, какую ношу ему предстояло взвалить на себя и какие трудности его ожидали? Надо полагать, понимал. Начинался новый учебный год, и нужно было срочно искать выход из сложившейся ситуации.

Финансовое положение И.И. Вейцковского в это время было крайне тяжелым (о чем он сообщает в своем заявлении о приеме на работу), и он просит выдать ему деньги в счет будущей зарплаты. Теперь ему надлежало немедленно вернуться в Москву, чтобы поставить точку в таком важном деле, как защита кандидатской диссертации, которая состоялась 25 сентября в МИФЛИ.

После защиты диссертации И.И. Вейцковский возвратился в Саратов и с конца сентября приступил к работе в университете⁹⁰. С момента восстановления истфака, на кафедре он был первым специалистом, защитившим диссертацию именно по профилю – по античной истории. Из сотрудников кафедры профессор П.С. Рыков был археолог, профессор В.Н. Охоцимский – юрист⁹¹,

⁹⁰ По документам он числился сотрудником СГУ с 1 сентября 1937 г.

⁹¹ О нем см. выше примеч. 61. В.Н. Охоцимский был из тех людей, о которых говорят: “человек непростой судьбы”. Первую часть своей жизни он провел на родине, в Восточной Сибири, а последнее десятилетие – на Волге, в Саратове. Он был делегатом V съезда РСДРП, но затем отошел от политической деятельности. Как сообщает сам В.Н. Охоцимский, всю жизнь он “занимался теоретической и практической юриспруденцией”; являлся автором научных и научно-популярных статей и монографий по правведению и истории права (список печатных работ помещен В.Н. Охоцимским в приложении к автобиографии 1927 г.: Архив СГУ, д. 9 [В.Н. Охоцимский], л. 10–10 об). В 1909–1913 гг. учился на юридическом факультете Томского университета и по окончании получил специальность “цивилист”. Затем работал ассистентом (1913–1917 гг.) и приват-доцентом (1917–1918 гг.) в Томском университете, где читал курсы по истории римского права и системе римского права; с 1918 г. – доцент, а затем профессор (с 1920 г.) кафедры римского права юридического факультета Иркутского университета. В 1920–1922 гг. – профессор кафедры частного права в Иркутском, а затем в Томском университетах (см.: *Шилохвост О.Ю.* Русские цивилисты: середина XVIII – начало XX в.: Краткий биографический словарь. — М., 2005. С. 119; *Казарин В.Н.* Указ. соч. С 10–12; *Лякутина Ю.П.* История становления и развития юридического образования в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутский государственный университет. — Иркутск, 2009). В 1923–1924 гг. в Томске он был лектором по курсу гражданского права на Сибирских высших кооперативно-муниципальных курсах, юрисконсульт Томского губернского отдела местного хозяйства и в это же время являлся членом Арбитражной комиссии при Томской Товарной бирже. В 1925 г. В.Н. Охоцимский работал юрисконсульт в нескольких организациях в г. Омске. В 1926–1927 гг. являлся профессором кафедры хозяйственного права Иркутского универси-

другие же тогда не имели ученых степеней. После того, как кафедра истории древнего мира и археологии лишилась своих ведущих специалистов — П.С. Рыкова и В.Н. Охоцимского, — и с приходом И.И. Вейцковского, последний вообще оказался единственным из сотрудников, кто имел ученую степень. Обстоятельства складывались таким образом, что он сразу получил в СГУ ставку доцента и занял должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой. После смены многих мест работы, едва лишь защитив кандидатскую диссертацию, И.И. Вейцковский наконец-то смог устроиться по специальности, занять хорошее положение и получать приличный заработок. В то время для И.И. Вейцковского этот фактор имел немаловажное значение. В заявлении, написанном при поступлении на работу в СГУ, он сообщает:

“...Поскольку работа над диссертацией в течение последних месяцев не давала мне возможность вести преподавание, то я остался без всяких средств к существованию”⁹².

ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ “ВРЕМЕННЫХ ТРУДНОСТЕЙ”

Общие профильные курсы кафедры истории древнего мира в первые два года ее существования (1935–1937 гг.) читал специалист по римскому праву В.Н. Охоцимский. Последняя запись в его трудовой книжке свидетельствует о том, что он был принят на должность “профессора по курсу истории [древней] Греции и Рима на ист[орическом] фак[ультет]е Сар[атовского] гос[ударственного] уни[версите]та с окладом 800 р[ублей]”⁹³. А.И. Доватур помимо занятий латинским языком, составлявших его основную нагрузку, вероятно, читал лекции по истории древнего Востока (?)⁹⁴. После того, как В.Н. Охоцимский, а потом и А.И. Доватур были арестованы, все основные курсы перешли И.И. Вейцковскому. В заявлении, направленном дирекцией СГУ в Наркомпрос от 27 октября 1937 г. указывалось, что академическая нагрузка доцента И.И. Вейцковского на кафедре истории древнего мира в 1937–1938 учебном году составляла:

“По истории древнего Востока:

лекции – 48 час[ов], консультации – 120 час[ов];

по истории древней Греции и Рима:

лекции – 88 час[ов], консультации – 240 час[ов];

тета. 1 августа 1927 г. он был избран профессором кафедры хозяйственного права факультета хозяйства и права Саратовского государственного университета. 28 января 1931 г. В.Н. Охоцимский был отстранен от должности профессора этой кафедры, “вследствие идеологического несоответствия преподаванию”, как разъясняется в трудовом списке из его личного дела (Архив СГУ, д. 9 [В.Н. Охоцимский], л. 33 об–34, запись 36; ср.: *Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н.* Указ. соч. С. 138). С 1931 г. он работал юрисконсультom в одной из саратовских контор. С 1 октября 1935 г. В.Н. Охоцимский занял должность профессора кафедры истории древнего мира и археологии на восстановленном историческом факультете Саратовского университета (см.: Архив СГУ, д. 9 [В.Н. Охоцимский], л. 29 об–35).

⁹² Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 3.

⁹³ Архив СГУ, д. 9 (В.Н. Охоцимский), л. 34 об.

⁹⁴ По-видимому, этим можно объяснить ошибку в справке СГУ, выданной А.И. Доватуре, где говорится о том, что он состоял ассистентом при кафедре истории древнего Востока Саратовского университета (см. выше примеч. 65).

практические занятия-упражнения – 88 час[ов], консультации – 440 час[ов]”⁹⁵.

За три с половиной года руководства кафедрой истории древнего мира И.И. Вейцковский создал структуру преподавания на кафедре профильных дисциплин. Несомненно, в основу организации кафедры древней истории в Саратовском университете И.И. Вейцковским был положен принцип работы кафедр московских вузов, где ему довелось трудиться в предыдущие годы. И, в первую очередь, он, разумеется, перенес принципы работы кафедры древней истории МИФЛИ, которые были сформированы его учителем, профессором В.С. Сергеевым. Опыт столичной кафедры И.И. Вейцковский попытался “привить” на саратовской почве и, надо полагать, ему все же удалось здесь кое-что сделать. Насколько можно судить, он систематизировал преподавание общих курсов и практикумов по античной истории для студентов-историков первого года обучения, ввел спецкурсы и спецсеминары для студентов старших курсов, которые должны были проходить специализацию по античной истории. В 1938–1939 гг. И.И. Вейцковский подготовил лекционный курс по “Римскому источниковедению” и спецкурс “История Сицилии эпохи Римской республики”⁹⁶ (проблематика этих курсов перекликалась с темой его кандидатской диссертации).

Осознавая то катастрофическое положение, в котором оказалась кафедра с осени 1937 г., И.И. Вейцковский вел кадровую работу (конечно, исходя из условий, в которые он был поставлен). При нем на кафедру древней истории были приняты В.Н. Гордеев, С.П. Знаменский и А.А. Киреев, которые составили основной костяк кафедры в тяжелые 1940-е годы. Ассистент В.Н. Гордеев вел практические занятия у историков 1 и 2 курсов. Ассистенты С.П. Знаменский и А.А. Киреев преподавали латинский язык и тоже вели семинарские занятия.

Самым ярким из преподавателей этого “второго поколения” кафедры древней истории был Андрей Алексеевич Киреев (1886–1957 гг.). Он являлся представителем старой, дореволюционной школы, закончил духовную семинарию, а затем Петербургский университет. А.А. Киреев был прекрасный педагог, знал классические и европейские языки. В 1939 г. он был зачислен на должность ассистента кафедры истории древнего мира и археологии, где проработал до 1943 г. Затем он был переведен на филологический факультет, где работал в должности старшего преподавателя кафедры языка и языкознания и исполнял обязанности заведующего кафедрой классических языков (1951–1955 гг.).

В последний год заведования И.И. Вейцковского на кафедру древней истории из столицы был прикомандирован Эдуард Кришевич Путнынь⁹⁷.

⁹⁵ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 8.

⁹⁶ Как указано в командировочном удостоверении, выданном доценту И.И. Вейцковскому 4 января 1939 г., для подготовки этих курсов он был направлен на месячную стажировку (с 7 января по 7 февраля) в Москву (Архив СГУ, д. 30 [И.И. Вейцковский], л. 20).

⁹⁷ Путнынь Эдуард Кришевич (1905–1976 гг.) – историк-антиковед, занимался экономической и социальной историей ранней Римской империи, а позднее – истоками русской историографии античности. С 1940 г. работал в должности доцента Саратовского университета; с 1941 по 1969 г. – заведующий кафедрой истории древнего мира. Из всех руководителей кафедрой истории древнего мира СГУ Э.К. Путнынь был «рекордсменом» по срокам заведования: в этой должности он прослужил 28 лет. Во вступительной статье к 12 выпуску

И.И. Вейцковский и Э.К. Путнынь были знакомы по Москве, по-видимому, еще с середины 30-х годов. Как было сказано выше, в 1934–1937 гг. И.И. Вейцковский учился в аспирантуре МИФЛИ у В.С. Сергеева; там же он работал секретарем кафедры древней истории и занимался проверкой педагогической практики студентов. С 1932 по 1937 г. Э.К. Путнынь был студентом исторического факультета МИФЛИ и специализировался по кафедре древней истории, которой руководил профессор В.С. Сергеев. В 1937 г., в тот самый год, когда И.И. Вейцковский после окончания аспирантуры был направлен в Саратовский государственный университет, Э.К. Путнынь окончил исторический факультет МИФЛИ и поступил в аспирантуру при кафедре истории древнего мира МГУ к В.С. Сергееву. Под руководством последнего в 1940 г. он защитил диссертацию по римскому землевладению⁹⁸ и сразу же (так сказать, “по стопам И.И. Вейцковского”) был командирован в Саратовский университет.

Э.К. Путнынь был зачислен на должность доцента кафедры древней истории в середине августа 1940 г., а уже через несколько месяцев он стал заведующим кафедрой. В его Личном деле, хранящемся в Архиве Саратовского университета, наличествует приказ ВКВШ при СНК СССР от 24 апреля 1941 г. следующего содержания:

“Утвердить доцента, кандидата исторических наук Путнынь Эдуарда Кришевича в должности и [сполняющего] о [бязанности] зав [едующего] кафедрой древней истории Саратовского государственного университета, освободив от этой должности тов [арища] Вейцковского И.И.”⁹⁹.

После ухода И.И. Вейцковского, все общие курсы, которые он читал на историческом факультете по профилю кафедры, “унаследовал” Э.К. Путнынь, о чем последний сообщает в отчете о работе кафедры за 1940–1941 учебный год.

К сожалению, в Архиве кафедры истории древнего мира СГУ не сохранилось ни одного протокола за период заведования И.И. Вейцковского. Самые ранние отчеты, которыми мы располагаем, относятся к концу второго полугодия 1940–1941 учебного года, т.е. к первым месяцам руководства его преемника Э.К. Путныня¹⁰⁰. Характерно, что сохранилась большая часть кафедраль-

“Античного мира и археологии” мы допустили совершенно непонятный *lapsus mentis*: годы заведования кафедрой Э.К. Путнынем здесь указаны почему-то с 1945 по 1968 г. ([Парфенов В.Н., Синицын А.А.] От редколлегии. С. XVI). Пользуясь случаем, мы исправляем эту досадную неточность. Краткие сведения об Э.К. Путныне см.: Кац Т.П., Парфенов В.Н. Кафедра истории древнего мира. С. 12; История кафедры на сайте Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (2009): Кафедра истории древнего мира: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>.

⁹⁸ Путнынь Э.К. Римское землевладение в эпоху династии Юлиев-Клавдиев. Дисс. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. — М., 1940.

⁹⁹ Архив СГУ, д. 74 (Э.К. Путнынь), л. 11.

¹⁰⁰ В 2006 году на кафедру истории древнего мира Саратовского университета из общего архива исторического факультета СГУ была передана на хранение вся документация за прошлые годы работы кафедры (планы, отчеты, списки, нагрузка и проч.). Несколько толстых папок содержали документацию кафедры с начала 1940-х до середины 1990-х гг. Однако самый ранний протокол датирован концом весны 1941 года. (Это как раз и есть отчет о работе кафедры за 1940–1941 учебный год, составленный Э.К. Путнынем). С конца 2009 г. кафедральный архив хранится в библиотеке Института археологии и культурного наследия СГУ.

ных отчетов с 1941 г., включая документацию военных лет¹⁰¹. Быть может, причиной тому аккуратность заведующего Э.К. Путныня и его умение организовать техническую работу кафедры? А может быть судьбе (в чем-то лице, конечно) было неуютно, чтобы документация тех лет не сохранилась?

Как было сказано выше, за время работы в Саратовском университете И.И. Вейцковским были спланированы и подготовлены спецкурсы по источниковедению и истории древнего Рима. Авторы статьи по истории кафедры Т.П. Кац и В.Н. Парфенов (2007) также отмечают это как заслугу И.И. Вейцковского, но, как представляется, они делают из этого обстоятельства чересчур далеко идущие выводы.

“Новый заведующий (И.И. Вейцковский. — А. С.), специалист именно в области античной истории, разработал и наладил преподавание не только общих курсов истории древнего Востока, древней Греции и Рима, но и специальных дисциплин: античного источниковедения и историографии, ряда спецкурсов. В те годы подобная четкая система специализации была не столь уж частым явлением. Созданная И.И. Вейцковским структура преподавания общих и специальных дисциплин по кафедре истории древнего мира выдержала испытание временем и в основных своих чертах существует до сих пор”¹⁰².

Что ж, в том, что спецкурсы и спецсеминары были разработаны непосредственно И.И. Вейцковским, сомневаться, пожалуй, не приходится, но то, что при нем преподавание специальных дисциплин было налажено и должным образом организовано, вызывает большие сомнения.

Первые студенты исторического факультета, которые распределялись по специализации, должны были появиться на кафедре истории древнего мира и археологии уже в 1939 году. Но, по-видимому, тогда набор спецсеминара не состоялся. Известно, что и в следующем 1940–1941 учебном году спецсеминар по кафедре истории древнего мира не был укомплектован. В “отчете о производственной работе за 1940–1941 учебный год” Э.К. Путнынь, уже сменивший И.И. Вейцковского на посту заведующего кафедрой, сообщил:

“1) По штатному расписанию мне были даны следующие поручения на [19]40–[19]41 уч[ебный] год:

1. Два спецсеминара на IV курсе – 228 часов.
2. Спецкурс на IV курсе – 49 часов.
3. Практикум на I курс (5 групп) – 460 часов.
4. Заочный сектор – 305 часов.

¹⁰¹ Показательно, что документация 1940–1960 гг. — “эпоха Путныня” в истории кафедры — представлена значительно полнее, нежели документация за более поздние десятилетия кафедральной истории (вплоть до конца 1990-х гг.). И дело здесь, очевидно, не в бумаготворчестве советской системы высшей школы (либо администрации кафедры, факультета, университета); дело не в суровом характере времени, требовавшем регулярной отчетности и подотчетности, а главное, в строгой сохранности всей документации. Дело здесь в ответственности тех лиц, от которых зависело сделать все, чтобы сохранить историческую память для будущих “звеньев родословной”, ответственности перед грядущими поколениями историографов. И в первую очередь, в этом, конечно, заслуга заведующего кафедрой Э.К. Путныня.

¹⁰² [Кац Т.П., Парфенов В.Н.] Кафедра истории древнего мира. С. 12 (ср.: [http:// www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php](http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php)).

Всего – 1042 ч[аса]”¹⁰³.

И далее следуют разъяснения заведующего кафедрой о причинах невыполненной им годовой учебной нагрузки:

“2) Поручения, по независящим от меня причинам, полностью не выполнены.

1. Спецкурс не состоялся, т[ак] к[ак] никто из студентов по древней истории не специализир[овался], однако на подготовку спецкурса мной потрачено 210 часов. (Курс подготовлен на 60%.)

2. По причине отсутствия желающих специализироваться по др[евней] истории не состоялись и спецсеминары, хотя все необходимое для спецсеминаров мной было подготовлено (на что ушло 55 ч[асов])”¹⁰⁴.

Как видно, специальные дисциплины в конце 1930-х – начале 1940-х античниками вообще не велись, поскольку спецсеминаристов на кафедре древней истории не было. Э.К. Путнынь свидетельствует, что спецкурс и спецсеминары не состоялись “по причине отсутствия желающих специализироваться по древней истории”.

Стало быть, И.И. Вейцковский так и не смог наладить специализацию, а подготовленные им спецкурсы и спецсеминары не нашли здесь практического применения. Следует ли это объяснять неудовлетворительным руководством самого И.И. Вейцковского и слабым состоянием кафедры, в котором она оказалась после пережитой “чумы” репрессий? Или же в этом проявилась черта эпохи: подавляющее большинство студентов-историков стремилось заниматься историей СССР и Новой историей, а выбор специализации по античной истории многим тогда казался не актуальным и бесперспективным? Так или иначе, но во время руководства И.И. Вейцковского на историческом факультете СГУ образовался пробел в изучении античной истории.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ И.И. ВЕЙЦКОВСКОГО

От саратовского периода деятельности И.И. Вейцковского почти не сохранилось воспоминаний. На один мемуарный эскиз к портрету доцента И.И. Вейцковского мне указал В.А. Соломонов. Это несколько строк из книги воспоминаний студента исторического факультета СГУ “первого призыва” В.А. Ермолаева¹⁰⁵. В 1939 году после четвертого курса университета он сдавал государственные экзамены по всеобщей истории, а руководителем Государственной экзаменационной комиссии на истфаке тогда был И.И. Вейцковский. Вот как вспоминает о нем В.А. Ермолаев.

¹⁰³ Отчет кафедры за 1940–1941 учебный год, составленный заведующим кафедрой Э.К. Путнынем (май 1941 г.) // Архив кафедры истории древнего мира СГУ.

¹⁰⁴ Отчет кафедры за 1940–1941 учебный год. Невыполненными на тот момент оказались и два других поручения. Относительно третьего пункта Э.К. Путнынь поясняет: “Практикум на I-ом курсе по древней истории деканатом был снят и перенесен на третий семестр, в силу чего мной было заявлено деканату истфака о снятии с меня этого поручения; и с января [19]41 г. приказом ректора поручение было снято (т.е. 460 часов)” (там же).

¹⁰⁵ Ермолаев Всеволод Александрович (1910–2000 гг.) был из числа первых выпускников истфака (выпуск 1940 г.). Впоследствии он работал доцентом кафедры истории средних веков СГУ (о нем см.: *Ермолаев В.А. “Без гнева и пристрастия”. Записки историка / Изд. подгот. В.Н. Парфенов и В.А. Соломонов. Саратов, 2010 (Серия мемуаров “О времени и о себе”) [в печати]*).

“Государственные экзамены я начал с истории Древнего мира. Комиссию возглавлял доцент И.И. Войцеховский, человек весьма интеллигентный и знающий. Вопросы были о греческой литературе (Эсхил, Софокл, Еврипид). Я обнаружил познания и получил «отлично»”¹⁰⁶.

В своих мемуарах историк В.А. Ермолаев, почти 60 лет спустя, после того как он общался с И.И. Вейцковским¹⁰⁷, ошибочно называет его “Войцеховским”¹⁰⁸. Но сколь сжато и емко В.А. Ермолаев, рассказывающий *sine ira et studio* о времени своего студенчества и о своих учителях, передает впечатление, которое у него сохранилось от общения с И.И. Вейцковским: “человек весьма интеллигентный и знающий”.

О духе преподавания И.И. Вейцковского можно судить по воспоминаниям, которые мне удалось собрать у бывших студентов Львовского государственного университета им. И.Я. Франко. Один из моих львовских корреспондентов, В.И. Довженко, обучавшийся в 1970–1975 гг. на историческом факультете университета и занимавшийся у профессора И.И. Вейцковского¹⁰⁹, вспоминает:

“На первом курсе, когда я слушал его (И.И. Вейцковского. – А. С.) лекции и общался с профессором, наряду со старшим Гроссманом, Кисем, Инкиным¹¹⁰, он, действительно, при всех странностях его курса античной истории, воспринимался как светоч. Странность состояла в том, что по причине ограниченности часов этого двухсеместрового курса и частого отсутствия профессора по здоровью, да и вообще, как потом выяснилось, из-за наплевательского отношения деканата к неидеологическим предметам..., история Греции и Рима свелась к рассказу об историографии и источниковедении предмета”¹¹¹.

¹⁰⁶ Ермолаев В.А. Воспоминания. — Саратов, 1996. Машинопись // ГАСО, ф. Р-3740, оп. 1, д. 128, л. 139 (= Ермолаев В.А. “Без гнева и пристрастия”).

¹⁰⁷ В.А. Ермолаев не учился у И.И. Вейцковского, поскольку он был уже студентом старших курсов, когда последний был командирован в СГУ. Не удалось им и работать вместе, поскольку Всеволод Александрович вернулся в Саратов после войны и закончил аспирантуру только в конце 1940-х, а И.И. Вейцковский оставил Саратов за полгода до начала Великой Отечественной, в январе 1941-го. Возможно госэкзамен, о котором рассказывает В.А. Ермолаев, был единственным случаем их общения “в живую”.

¹⁰⁸ Кто знает, быть может, в этом сказался возраст мемуариста, а возможно, это “профессиональная оговорка” медиевиста (?): известными специалистами по истории средних веков были польские историки-“однофамильцы” Тадеуш Войцеховский (1838–1919 гг.) и Зыгмунт Войцеховский (1900–1955 гг.). Впрочем, с неправильным написанием фамилии И.И. Вейцковского мне приходилось сталкиваться неоднократно. Например, в переименованном виде его фамилия указана в недавно изданном альбоме, посвященном юбилею СГУ: “Среди преподавателей был античник И.И. Вейцеховский (*sic!* – А. С.)...” (Саратовский государственный университет в год 100-летия. Фотоальбом / Состав. В.В. Прозоров и др. — Саратов, 2009. С. 164).

¹⁰⁹ Будучи студентом первого курса, в 1970–1971 гг., В.И. Довженко слушал лекции по истории древней Греции и Рима, которые читал И.И. Вейцковский, и под его руководством написал первую курсовую работу на тему “Философия Аристотеля”. В дальнейшем В.И. Довженко двадцать лет преподавал философию в вузах Львова.

¹¹⁰ Здесь упоминаются имена профессоров Ю.М. Гроссмана, Я.П. Кися (Кісь) и В.Ф. Инкина (Інкін), читавших в 1950–1970-е гг. в Львовском университете лекции по истории средневековой Европы и истории Украины. В начале семидесятых все они были живыми легендами Львовского университета.

¹¹¹ *Per litteras*, 15.06.2009.

В.И. Довженко говорит о восприятии “странных” лекций профессора студенческой аудиторией и делает набросок к портрету И.И. Вейцковского, сравнивая его с героем известного романа Г. Гессе.

“Иван Иванович в своем двубортном, застегнутом на все пуговицы пиджаке, с замотанным шарфиком горлом, со свистящим придыханием, когда окончания слов и предложений, уже с первого ряда, были в упор не слышны, как круглое солнышко выкатывался из-за кафедры, все время перемещаясь вдоль доски туда-сюда, доносил в аудиторию главным образом имена знаменитых историков, произносимых в оригинальном звучании их языков, с непередаваемым восторгом их заслуг перед предметом, и личным восхищением перед плеядой его учителей из петербургской и московской школ античников¹¹², абсолютно не воспринимался большинством моих однокурсников.

Наше же меньшинство, кожей чувствовало, что Иван Иванович в этом священнодействует, и хотя, как сейчас говорят, информации мы почти не получали, его энтузиазм действовал заразительно. Даже неслышанные фразы, произносимые им как бы для себя, с соответствующей его эмоциональной реакцией, завораживали. Он как бы вел диалог с самим собой, получая при этом огромное удовольствие.

Урок, вынесенный мною из его курса, выводил за границы предмета, но наставлял в отношении к предмету. Уже с первого месяца учебы, история раскрылась мне не как знание по преимуществу, но как интеллектуальная игра личностными ценностями. Сам Иван Иванович был ее воплощением. Такой себе магистр, как потом прочел у Гессе, игры в бисер...”¹¹³.

В другом письме В.И. Довженко передает свои впечатления о легендарном львовском профессоре и вспоминает несколько случаев, связанных с И.И. Вейцковским.

“Иван Иванович в моей памяти был единственным из моих профессоров обломком даже не довоенной, но дореволюционной эпохи. Это звучит странно, ведь он был из сталинского призыва красных профессоров, но его учителя и коллеги в Ленинграде и Москве... оставили в нем тот старый, XIX-го века закал опоры на источники и уважение к историографии, который его поколению историков был в лучшем случае опорой для новых идеологов...

Не вписываясь в факультетские требования, на кафедре он был почти изгоем. Только его публикации спасали его от увольнения и всеобщей обструкции. Пережив в семейной жизни трагедию..., Иван Иванович всегда боролся, оставаясь слабым звеном, он был всегда под угрозой, но оставался собой...

Вообще об Иване Ивановиче ходили легенды. Секретарь деканата или лаборант кафедры, когда посылали студента с какими-то бумагами к Ивану Ивановичу домой, внушали: «У профессора ничего не брать, когда давать будет». Не зная, о чем идет речь, студент обещал этого не делать. Иван Иванович Вейцкивский,... забирая дома бумаги у такого студента, очень его благодарил, и с фразой: «Вы, конечно, приехали ко мне на такси, вот Вам 10 рублей на дорогу». Устоять же студенту, имевшему справку о мизерных доходах родителей в селе, было просто немислимо...

Нет, правда, был и другой И.И. Вейцкивский. Старшее поколение рассказывало, что в первые послевоенные годы он приходил в неотопливаемую аудиторию, не

¹¹² В.И. Довженко ошибается, И.И. Вейцковский не учился в Петербурге (в советское время – Ленинграде), и поэтому он не мог считать себя учеником “петербургской/ ленинградской школы”.

¹¹³ *Per litteras*, 15.06.2009.

снимая шубы, швырял папаху из каракуля о кафедру и начинал лекцию фразой: «Клеопатра была проституткой!». (А чем еще античная история могла заинтересовать поколение фронтовиков за партами?)¹¹⁴.

Хлесткая фраза, характеризующая в этом случае не столько египетскую царицу, сколько самого И.И. Вейцковского, как лектора и педагога, возможно, не более, чем студенческий анекдот. Хотя не исключено, что преподаватель мог использовать на лекции и такие выразительные “приемы” для привлечения внимания студентов, чтобы, так сказать, “оживить” аудиторию. Но для нас показательно, что в 1960–1970-е гг. в Львовском университете И.И. Вейцковский стал “героем” студенческого “фольклора”, легендой истфака.

И еще несколько дополнительных штрихов к психологическому портрету педагога И.И. Вейцковского из воспоминаний бывшей студентки Львовского государственного университета Н.П. Швец¹¹⁵, обучавшейся в 1973–1978 гг. на отделении классической филологии факультета иностранных языков.

“Иван Иванович мне запомнился интеллигентнейшим ЧЕЛОВЕКОМ и строгим УЧЕНЫМ (слова выделены заглавными буквами автором письма. – А. С.). Он был влюблен в историю Греции и Рима. В октябре 1973 г. наша группа (пять девчонок) из благих побуждений попыталась поздравить его с днем учителя. Вручили ему букет цветов, а он страшно обиделся. Сказал, что он не учитель, но педагог. А вместо цветов, мы лучше бы себе книжку полезную купили. Это был единственный прецедент у нашей группы с Иваном Ивановичем... Судя по некоторым мелочам, которые происходили тогда, Иван Иванович, будучи сам человеком порядочнейшим, не допускал, что в его окружении могут быть люди лживые и корыстные”¹¹⁶.

По моей просьбе Н.П. Швец прислала фотоснимок И.И. Вейцковского. Снимок сделан в фотоателье, предположительно, в Львове в начале 1950-х гг. На черно-белой фотографии запечатлен портрет мужчины средних лет. Круглое лицо со щечками и полноватым подбородком, тонкие губы, выражающие едва заметную грустную улыбку, маленькие усики. Острый длинноватый нос похож на гусиный. Глаза с легким прищуром, отмеченные печалью. Лоб открыт, волосы, длинные спереди и коротко остриженные сзади, зачесаны назад и низко уложены (похоже, по моде пятидесятых). Человек на этой фотографии больше похож на киноартиста, нежели на ученого (хотя, впечатление такое, что на снимках тех лет многие мужчины и молодые женщины кажутся похожими на актеров театра и кино).

Этот портрет советского антиковеда И.И. Вейцковского, как мне показалось, соответствует тому образу, который складывается из воспоминаний о нем людей, знавших этого человека.

“МЕТЕК” В САРАТОВСКОМ “ПОЛИСЕ НАУКИ”

¹¹⁴ *Per litteras*, 3.10.2009 г.

¹¹⁵ В 1973–1974 гг. Наталья Павловна Швец слушала у профессора И.И. Вейцковского общий курс по истории Древней Греции и Рима. После окончания университета почти 30 лет (с 1978 по 2007 г.) она работала заведующей отделом редких книг и рукописей в библиотеке Львовского университета. Ныне она является преподавателем Львовского учебно-научного института Закарпатского государственного университета.

¹¹⁶ *Per litteras*, 06.10.2009 г.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ “МОЛЧАНИЯ” И.И. ВЕЙЦКОВСКОГО

В упоминавшейся выше юбилейной книге, изданной к 50-летию Саратовского государственного университета, есть несколько строк об И.И. Вейцковском.

“Заведующий кафедрой истории древнего мира И.И. Вейцковский, защитив в сентябре 1937 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н.э.», продолжал и далее работать в этом же направлении. Им был сделан ряд научных докладов по истории восстаний рабов, велись спецкурсы и спецсеминары, а также написана статья «К истории восстания рабов в Лациуме в 198 г. до н.э.», опубликованная значительно позже”¹¹⁷.

В этой краткой справке упомянута неизданная статья И.И. Вейцковского. В личном деле И.И. Вейцковского из архива СГУ имеется список его работ, составленный в 1939 г. Список включает два пункта:

- “1. Кандидатская диссертация на тему: «Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н.э.»
2. Статья для исторического сборника СГУ «К истории рабского восстания 198 г. до н.э. в Лациуме»”¹¹⁸.

Вероятно, названная здесь статья планировалась для “Ученых записок Саратовского университета”. Но среди публикаций в этом издании в конце 1930-х – начале 1940-х гг. ее нет. Не названа она и в объемном справочнике А.И. Воронкова¹¹⁹. По-видимому, статья, указанная в списке научных работ на 1939 г., так и не была подана И.И. Вейцковским в “Ученые записки” СГУ. Возможно, он ее тогда еще не завершил. Статья на эту тему была опубликована только семь лет спустя на украинском языке, и тоже в “Ученых записках”, но уже Львовского университета¹²⁰.

Таким образом, у И.И. Вейцковского ни до саратовского периода, ни в течение трех с лишним лет работы в должности заведующего кафедрой в Саратовском университете вообще не было научных публикаций. Первая его статья вышла в 1946 г., когда автору было 46 лет (!). Парадоксально, но это факт. И.И. Вейцковский прибыл в СГУ из столичного вуза, имел степень кандидата наук, являлся заведующим кафедрой. Могли ли быть для него в формальном плане какие-то препоны с публикацией научных материалов? Очевидно, нет. После защиты диссертации он, наверняка, продолжал заниматься проблемами социально-политической борьбы в Римской республике и мог, по крайней

¹¹⁷ Саратовский университет. 1909–1959. С. 107.

¹¹⁸ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 22.

¹¹⁹ В указателе А.И. Воронкова (Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895–1959 гг.) / Сост. А.И. Воронков. — М., 1961. С. 18. № 260, 493) названа краткая заметка И.И. Вейцковского в “Вестнике древней истории” за 1948 год. Кроме того, в алфавитном списке под № 6138 ошибочно дается ссылка на публикацию И.И. Вейцковского, в то время как в самом указателе под этим номером названа кандидатская диссертация И.П. Вейнберга (там же. С. 262).

¹²⁰ *Вейцківський І.І. До історії повстання рабів 198 року до н.е. в Лациумі // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1946. Т. 1. Вип. 2. С. 142–176.*

мере, переработать разделы своей диссертации в отдельные статьи и опубликовать их¹²¹. Но И.И. Вейцковский этого не сделал.

Возможно, здесь были причины личного характера, поскольку на иждивении И.И. Вейцковского тогда находились большая дочь, жена и старушка-мать¹²². К этому дополнялись заботы, связанные с новым местом работы, обязанности заведующего кафедрой, подготовка новых учебных курсов, набор сотрудников, организация кабинета и прочее.

Могли быть и другие причины такого “научного бездействия” И.И. Вейцковского. В его личном деле сохранилась копия отзыва на кандидатскую диссертацию, составленного специалистом по римской истории, профессором Ю.В. Сергиевским¹²³. О работе И.И. Вейцковского оппонент отзывается очень критично.

“К сожалению, чрезмерное увлечение тем, что немцы называют *Quellenforschung*, лишило тов[арища] Вейцковского возможности больше внимания разработке основной проблемы — рабских восстаний. Между тем, значительная часть диссертации без всякого ущерба для существа дела могла бы быть опущена, так как обзор источников произведен не по личному знакомству с ними автора, но по исследованиям буржуазных ученых и является поэтому простым переводом из сочинений Киссена, Розенберга, Ваксмута, Паиса и т.п., или статей из энциклопедии Паули-Виссова. Хотя автор и пытается придать видимость критического отношения к проработанной им монографической литературе по источниковедению, это ему плохо удается. Отводить же десятки страниц расследованию о том, чей труд лежит в основе изложения того или иного античного историка, с тем, чтобы прийти к выводу, что источник, хотя и плох, и ненадежен, но другим мы, к сожалению, не располагаем, — является напрасной затратой времени”¹²⁴.

Главный “недостаток” исследования И.И. Вейцковского Ю.В. Сергиевский видит в том, что диссертант использовал источники, так сказать, “через вторые руки”. В заключение оппонент соглашается с тем, что “диссертация товарища Вейцковского может быть допущена к защите”, но, по сути, высказанные им замечания к работе, звучат суровым приговором для начинающего ученого. Возможно, отзыв оппонента оказался настолько глубоким потрясением для И.И. Вейцковского (который, несмотря на свой уже не молодой возраст, делал только первые шаги в науке), что он очень долго не мог от него оправиться. В самом деле, не стала ли критика Ю.В. Сергиевского причиной того, что у “молодого” ученого опустились руки, и он был бессилён заниматься наукой? Или это только мои домыслы, возникшие из желания объяснить “молчание” И.И. Вейцковского: почему в течение 9 лет (*nota!*) после защиты кандидатской диссертации он ничего не опубликовал?

¹²¹ К этой теме И.И. Вейцковский возвратился значительно позже, уже в Львовский период. В 1950–1970-е гг. он подготовил и опубликовал серию статей о восстаниях рабов во II в. до н.э. и о спартаковском восстании (см. приложение I). В основе этих публикаций лежали идеи, высказанные им еще в 1937 г. в кандидатской диссертации.

¹²² Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 19.

¹²³ Там же. Л. 11–12. (Отзыв датирован 7 сентября 1937 г. Копия не имеет подписи автора отзыва.)

¹²⁴ Там же. Л. 11.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УХОДА И.И. ВЕЙЦКОВСКОГО ИЗ СГУ

В уже упоминавшемся годовом отчете о работе кафедры истории древнего мира за 1940–1941 учебный год, составленном Э.К. Путнымем, содержится весьма интересная информация об И.И. Вейцковском.

“I. Организационные вопросы.

Работа кафедры в течение учебного года протекала не во все периоды года равномерно в силу малочисленности членов кафедры и по причине некоторых изменений в самом составе кафедры, в частности в руководстве.

В первые три месяца (сентябрь, октябрь и большая часть ноября) коллектив кафедры был без заведующего кафедрой, т[ак] к[ак] тов[арищ] Вейцковский в это время находился в армии (курсив мой. – А. С.); после возвращения Вейцковский работал недолго, а в январе [19]41 г. уволился. Мое назначение на должность зав[едующего] кафедрой состоялось в апреле [19]41 г. Следовательно, происшедшие изменения в самом составе кафедры не могли не отразиться на вопросе плановости работы кафедры...”¹²⁵.

Итак, Э.К. Путный свидетельствует, что осенью 1940 г. И.И. Вейцковский “находился в армии”. Сложно сказать, что может означать это объяснение, которое в данном отчете выглядит как оговорка заведующего кафедрой. Возможно, речь идет о трехмесячных мобилизационных сборах, на которые был призван И.И. Вейцковский, поскольку он являлся военнообязанным¹²⁶. Известно, что в 1938–1940 гг. мобилизационные органы РККА массово призывали военнообязанных запасников. В этот период в армию было призвано из запаса свыше 200 тыс. человек¹²⁷. Возможно в их числе оказался и И.И. Вейцковский. Не исключено, что в этот краткосрочный период службы он находился на курсах военных переводчиков, где могли быть задействованы его знания немецкого языка¹²⁸. Однако здесь, как и в ряде других случаев, остается только гадать. Никаких документов, разъясняющих, почему заведующий кафедрой истории древнего мира Саратовского университета И.И. Вейцковский с начала учебного года в течение трех месяцев проходил “службу в армии”, найти не удалось.

После возвращения к работе в СГУ И.И. Вейцковский еще около полутора месяцев фактически оставался в должности доцента и заведующего кафедрой. Вероятно, по причине отсутствия в университете в течение почти всего первого семестра, в середине декабря 1940 г. И.И. Вейцковский был переведен на 0,5 ставки.

“Выписка из приказа № 469
по Саратовскому государственному университету

¹²⁵ Отчет кафедры за 1940–1941 учебный год, составленный заведующим кафедрой Э.К. Путнымем (май 1941 г.) // Архив кафедры истории древнего мира СГУ.

¹²⁶ В Автобиографии И.И. Вейцковский сообщает, что в 1920–1922 гг. он проходил срочную службу в Красной Армии (Архив СГУ, д. 30 [И.И. Вейцковский], л. 18).

¹²⁷ См.: Клевцов В.Г. Социальные и организационные проблемы военных реформ 20–30 годов // Армия и общество: 1900–1941 гг.: Статьи и документы / Отв. ред. В.П. Дмитренко. — М., 1999. С. 138–184; Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х гг.). СПб., 2002; Мелия А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. — М., 2004 (= [http:// militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html](http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html)).

¹²⁸ Такое объяснение предложила Т.П. Кац при обсуждении настоящей статьи.

от 17.12.1940 года.

§ 3. Доценту кафедры [истории] древнего мира тов[арищу] Вейцковскому, имеющему годовую нагрузку в количестве 309 часов, с 16 декабря [19]40 г. выплачивать 0,5 ставки от оклада 1000 руб. в месяц¹²⁹.

Согласно тому же приказу, половина ставки, взятая у И.И. Вейцковского, была передана доценту Э.К. Путныню.

“Выписка из приказа № 469

по Саратовскому государственному университету

от 17.12.1940 года.

§ 4. Доценту кафедры [истории] древнего мира тов[арищу] Путнынь с 16.12.[19]40 г. выплачивать 0,5 ставки по совместительству за счет свободного полоклада доцента по той же кафедре¹³⁰.

После сокращения ставки и соответственно зарплаты И.И. Вейцковский сразу подал заявление с просьбой уволить его из университета по собственному желанию. И, несмотря на то, что прошение было подано в середине учебного года, оно было удовлетворено, причем (замечу это особо!) в кратчайшие сроки.

В справке, хранящейся в его личном деле, сообщается.

“Справка

Выдана доценту тов[арищу] Вейцковскому И.И. в том, что он состоял заведующим кафедрой древней истории исторического факультета Саратовского государственного университета с 1 сентября 1937 года по 25-е января 1941 года. Освобожден согласно личной просьбе¹³¹.

Интересно, что этот документ датирован 9 января 1941 г. В левом верхнем углу листа сделана надпись чернильной ручкой “Получил” и стоит автограф И.И. Вейцковского. Следовательно, прошение об увольнении было подано И.И. Вейцковским в первую неделю января 1941 г. или даже в конце декабря 1940-го.

Не исключено, что привлечение И.И. Вейцковского к мобилизационным сборам осенью 1940 г. и его увольнение из университета в январе 1941 г. — факты, связанные между собой. Но случилось ли одно после другого или же по причине другого — еще один вопрос, который пока остается без ответа. Но последовало ли увольнение И.И. Вейцковского *после* его «службы в армии» или же *по причине* «службы» — это еще один вопрос, который пока остается без ответа.

Не ясно, что побудило И.И. Вейцковского оставить Саратовский университет. Возможно, его тяготила та атмосфера, которая царил в СГУ и на историческом факультете? Может быть, по этой причине он был не способен заниматься наукой? Складывается впечатление, что И.И. Вейцковский стремился выбраться из Саратова, освободиться от нежеланного назначения. С первого же года пребывания в Саратове он был одинок и неспокоен. Намек на это содержится в его Автобиографии 1938 года. В ней И.И. Вейцковский отмечает: “Состояние моего здоровья удовлетворительное, но дает себя чувствовать нервное переутомление¹³². Было ли это признание уместным в Автобиогра-

¹²⁹ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 23.

¹³⁰ Архив СГУ, д. 74 (Э.К. Путнынь), л. 8.

¹³¹ Архив СГУ, д. 30 (И.И. Вейцковский), л. 24.

¹³² Там же. Л. 19.

фии? Для чего в документе, который будет храниться в личном деле сотрудника университета, автор сообщает подробности о своем здоровье, о нервном переутомлении? Даже, если И.И. Вейцковский действительно переживал нервный срыв, для чего вставлять это в деловой документ, в котором должны быть изложены биографические сведения? Эта автобиография была написана в начале лета 1938 г., за два с половиной года до увольнения И.И. Вейцковского из университета. Но, по-видимому, уже тогда он был настроен оставить СГУ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Саратов не стал для И.И. Вейцковского “новой родиной”, какой он стал для Э.К. Путныня и В.Г. Боруховича¹³³, которые были направлены сюда – первый – из Московского, а второй – из Нижегородского (тогда Горьковского) университетов – и остались здесь на всю жизнь. “Вторую родину” И.И. Вейцковский обретет спустя три года. А СГУ был для него в значительной степени неудачным “испытанием”. В этом “полисе науки” И.И. Вейцковский чувствовал себя чужаком, метеком.

В “родословной” кафедры истории древнего мира Саратовского государственного университета И.И. Вейцковский оказался “звеном” между краткой, но яркой “эпохой Рыкова” и продолжительной “эпохой Путныня”. Его руководство было эпизодом почти незаметным, а поэтому и забытым.

В конце января 1941 г. И.И. Вейцковский навсегда покинул Саратов. О следующих годах его жизни до середины лета 1944 года мне ничего не известно. А затем начался львовский период его деятельности. В Львовском государственном университете И.И. Вейцковский укоренился и нашел себя. Там он сформировал кафедру, которой руководил многие годы, там раскрылся как ученый, опубликовав работы, сделавшие ему имя, там о нем слагали легенды как о “магистре игры”. Но это уже другая история¹³⁴.

¹³³ Борухович Владимир Григорьевич (1920–2007 гг.) – доктор исторических наук, профессор, выдающийся исследователь античности. Окончил Ленинградский государственный университет, работал в вузах Ленинграда, Мурманска, Горького. В 1969 г. был приглашен в СГУ, где работал до 2000 г. и возглавлял кафедру истории древнего мира (1969 по 1991 г.). О нем см.: К 70-летию Владимира Григорьевича Боруховича // Вестник древней истории. 1991. № 1. С. 230; Профессор Владимир Григорьевич Борухович (к 80-летию со дня рождения) / Авт.-сост. Е.А. Молев и В.Н. Парфенов. — Н. Новгород, 2000; К 85-летию со дня рождения Владимира Григорьевича Боруховича // Вестник древней истории. 2006. № 2. С. 193–194; Парфенов В.Н., Синицын А.А. От редколлегии. С. XV сл.; Кац Т.П., Парфенов В.Н. Кафедра истории древнего мира. С. 13 (= [http:// www. sgu.ru/faculties/ historical/ departments/ idm/ history.php](http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php)); Владимир Григорьевич Борухович в воспоминаниях и письмах / Сост. и вступ. ст. В.Н. Парфенов. — Саратов, 2009 (Серия мемуаров “О времени и о себе”).

¹³⁴ За помощь в сборе материалов для этой статьи благодарю В.И. Довженко (Львов, Украина; имя изменено по просьбе самого корреспондента), канд. ист. наук Т.П. Кац и канд. ист. наук Н.М. Малова (Саратов, СГУ), Н.П. Швец (Львов, Украина), канд. ист. наук С.Г. Яковенко (Москва, Институт Всеобщей Истории РАН), а также моих коллег и друзей докт. ист. наук А.В. Гладышева и канд. ист. наук В.А. Соломонова (Саратов, СГУ), заразительная энергия которых, собственно, и подтолкнула меня к данному историографическому исследованию. За критические замечания, высказанные при обсуждении статьи, признателен своим коллегам по кафедре истории древнего мира докт. ист. наук

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК ТРУДОВ И.И. ВЕЙЦКОВСКОГО

- Вейцковський І.І.* Восстания рабов в Италии и Сицилии во II и I вв. до н.э. Дисс... канд. ист. наук. Московский государственный институт истории, философии и литературы. — Москва, 1937.
- Вейцківський І.І.* До історії повстання рабів 198 року до н.е. в Лаціумі // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1946. Т. 1. Вип. 2. С. 142–176.
- Вейцківський І.І.* Зауваження щодо характеру античної традиції про римсько-тарентинський конфлікт і Піррову війну // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1948. Т. 10. Вип. 3. С. 131–155.
- Вейцковський І.* Кафедра классической филологии Львовского университета в 1946–47 гг. // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 182–183.
- Вейцківський І.І.* Римсько-тарентинський конфлікт 282–281 рр. до н.е. // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1949. Т. 17. Вип. 4. С. 169–186.
- Вейцківський І.І.* Перший рік Піррової війни // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1953. Т. 25. Вип. 5. С. 177–191.
- Вейцківський І.І.* До історії Піррової війни // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1955. Т. 36. Вип. 6. С. 173–190.
- Вейцківський І.І.* Зауваження щодо характеру повідомлень Діодора Сіцилійського про перше велике повстання рабів в Сіцилії // Доповіді та повідомлення Львівського університету. — Львів, 1957. Вип. 7. Ч. 2. С. 158–161.
- Вейцківський І.І.* Останні роки Піррової війни (276–272 рр. до н.е.) // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1957. Т. 43. Питання загальної історії. Вип. 8.
- Вейцківський І.І.* Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я в 264–219 рр. до н.е. — Львів, 1959.
- Вейцковський І.И.* Западное Средиземноморье в III в. до н.э. (к истории международных отношений в античном мире в 282–219 гг. до н.э.). Дисс... докт. ист. наук. Львовский университет им. И. Франко. — Львов, 1960.
- Вейцківський І.І.* До історії Спартаківського повстання 73–71 рр. до нашої ери // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1969. Вип. 5. С. 89–99.
- Вейцківський І.І.* Антична історія // Радянська енциклопедична історія України. — Киев, 1969. Т. 1. С. 62–63.
- Вейцківський І.І.* Греція Стародавня // Там же. Т. 1.
- Вейцківський І.І.* Джерела вивчення історії повстань рабів у другій половині II ст. до н.е. в Сіцилії та Італії // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1970. Вип. 6. С. 96–103.
- Вейцківський І.І.* До біографії Спартака // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1971. Вип. 7. С. 82–89.
- Вейцківський І.І.* До історії дослідження в СРСР античного минулого // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1972. Вип. 8. С. 116–125.
- Вейцківський І.І.* Про стан вивчення джерел Спартаківського повстання 73–71 рр. до н.е. // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1973. Вип. 9. С. 132–143.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ОБ И.И. ВЕЙЦКОВСКОМ

Саратовский университет. 1909–1959. — Саратов, 1959. С. 107.

В.Н. Парфенову, док. ист. наук В.И. Кащееву, а также док. ист. наук, профессору кафедры отечественной истории новейшего времени А.И. Аврусу (Саратов, СГУ)

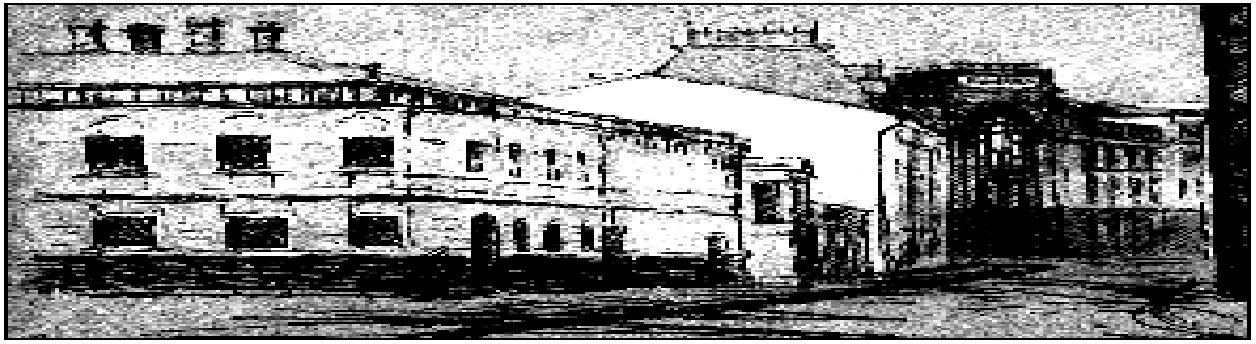
- Лісовий І.А.* Дослідження античної історії і культури на Україні (1917–1978) // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1980. Вип. 16. С. 3–27.
- Бандровський О.Г., Гроссман Ю.М.* Кафедра історії стародавнього світу і середніх віків Львівського університету (1939–1983) // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1984. Вип. 20: З історії стародавності і середньовіччя. С. 71–77.
- Лісовий І.А., Пелецишин М.А. І.І. Вейцківський* — дослідник античної історії // Вісник Львівського ордена Леніна державного університету імени Івана Франка. Серія історична. — Львів, 1984. Вип. 20: З історії стародавності і середньовіччя. С. 78–81 (со списком літератури на с. 80 сл.).
- Петречко О.* Антикознавство у Львівському державному університеті ім. І. Франка у другій половині ХХ ст. // Дрогобицький краєзнавчий збірник. — Дрогобич, 1998. Вип. 3. С. 253–258.
- Бандровський О.Г.* Кафедра археології, античності та середньовіччя // Історичний факультет Львівського національного університету імени Івана Франка (1940–2000). Ювілейна книга / Упорядники О. Вінниченко і О. Целуйко. Відповідальний за випуск Р. Шуст. — Львів, 2000. С. 17–29.
- Довгань П.* Вейцківський Іван Іванович // Історичний факультет Львівського національного університету імени Івана Франка (1940–2000). Ювілейна книга / Упорядники О. Вінниченко і О. Целуйко. Відповідальний за випуск Р. Шуст. — Львів, 2000. С. 87.
- Вейцковский Иван Иванович // Лисовый И.А., Ревяко К.А.* Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Под науч. ред. А.И. Немировского. 3-е изд. — Минск, 2001 (= <http://www.antmir.ru/html/v/veyckovskiy-ivan-ivanovi4.html>).
- Бандровський О.Г.* Вивчення історії стародавнього світу у Львівському університеті // Археологічні дослідження Львівського університету. — Львів, 2005. Вип. 8 (до 100-річчя кафедри археології та історії стародавнього світу). С. 115–121 (= <http://prima.franko.lviv.ua/faculty/webhistory/byz/adlu8.doc>)
- Кафедра истории древнего мира // Исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: 90 лет. — Саратов, 2007. С. 12.
- Исторический факультет: <http://lnuist.ru/moy/first.html>
- Історія Львівського національного університету імени Івана Франка: <http://lnuist.ru/sci.html>
- Кафедра археологии и истории древнего мира на сайте Львовского национального университета: <http://lnuist.ru/> (= <http://lnuist.ru/byz/index.html>).
- Львовский национальный университет. Исторический факультет на сайте: <http://www.lnu.edu.ua/faculty/webhistory/byz/index.html>
- Кафедра истории древнего мира СГУ. История кафедры на сайте Саратовского государственного университета (2009): <http://www.sgu.ru/faculties/historical/departments/idm/history.php>

ТЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Александр Михайловский

К ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

“Интеллектуалы формулируют мировоззренческие ценности, выступают за рациональную организацию социального порядка и систематизацию индивидуальных жизненных моделей” — так, опираясь на Макса Вебера, определяет миссию интеллектуалов Гандольф Хюбингер¹. Интеллектуалы служат общественному идеалу, истолковывают мир, производят и транслируют смыслы. Вплоть до конца XIX века за социальное опосредование ценностных представлений в Германии отвечала “государственная интеллигенция”, образованная буржуазия (**Bildungsbürgertum**), которая — в отличие от Франции с ее рожденными Просвещением **hommes de lettres**, — была представлена, прежде всего, университетскими профессорами. Некий прототип интеллектуала — в соответствии с либеральной моделью *политического интеллектуала* как гражданина — можно обнаружить в фигуре ученого, выступавшего от имени нации во Франкфуртском парламенте. Несмотря на неудачу революции 1848 года, “политика ученых”, олицетворяемая такими фигурами, как Якоб Гримм и Иоганн Дройзен, свидетельствовала о формировании совершенно новой по сравнению с домартовской Германией общественной среды. Тем самым впервые появлялась возможность для различения речи профессора *ex cathedra* и речи публичной, которая помимо базового опыта рефлексии предполагала связь с центрами власти и могла рассчитывать на общественный резонанс.

Вместе с тем примерно с 1871 г. Германия проделывает путь, который во Франции привел к созданию литературного поля и «профессионализации» тех, кто вступил в борьбу за символическую и культурную власть — прежде всего, писателей и журналистов². Можно утверждать, что на рубеже столетий *из Bildungsbürger'a вырастает интеллектуал*. Формированию этого нового исторического типа духовной деятельности способствовала ускоренная урба-

¹ *Hübinger G. Die Intellektuellen im wilhelminischen Deutschland. Zum Forschungsstand // Hübinger G., Mommsen W. (Hg.). Intellektuelle im deutschen Kaiserreich. — Frankfurt a. M., 1993. S. 202.*

² См.: *Charle C. Naissance des “intellectuels” 1880–1900. — Paris, 1990.* На материале французской интеллектуальной истории XIX в. автор различает такие исторические прототипы интеллектуала, как “*homme de lettres*” (“литератор”), “*artiste*” (“художник”), “*savant*” (“ученый”) и “*savant et l'écrivain*” (“ученый и писатель”) (p. 20–37).

низация, которую в 1903 г. зафиксировал и описал Георг Зиммель³: преобладание рассудочного начала, рост числа мировоззренческих систем, дифференциация индивидуальных биографий приводят к трагическому расколу между “жизнью” и “культурой”, к “кризису культуры”. Особого внимания заслуживает такой важный социологический фактор, как перепроизводство людей с университетским образованием. Школы, университеты, государственное управление — классические сферы занятости “образованной буржуазии” — не могли больше вместить всех выпускников гуманитарных и, в особенности философских факультетов, которые становились “свободными писателями”, т.е. уходили в публицистику. Плюралистически организованная сфера публичности давала людям-интеллектуалам шанс найти и сохранить за собой адекватную позицию в культурном пространстве. При этом литераторы начинали доминировать над университетскими профессорами, традиционными распорядителями знания⁴. Ситуация осложнялась тем, что профессор приравнивался прусским государством к тайному советнику, тогда как “люди пера” не могли даже в самой отдаленной перспективе рассчитывать на признание и уважение, гарантированные высоким статусом государственного служащего (**Beamte**). Именно здесь, видимо, следует искать истоки, с одной стороны, глубиной вражды, которую академический истеблишмент до сих пор питает к публичной фигуре интеллектуала, а с другой — презрительного отношения самих “людей пера” к профессорам-“мандаринам”. Появлению интеллектуалов также во многом способствовала эрозия неогуманистического образовательного идеала. Требовалось выработать новые, специфические формы коллективного вмешательства в публичную сферу, каковыми стали воззвание, манифест, открытое письмо и прочие виды интеллектуального высказывания (протеста).

К условиям рождения этой отличной от ученого фигуры, в которой *объединяются писатель, публицист и политик*, можно отнести 1) общество массовой коммуникации, 2) массовый рынок духовной (интеллектуальной) продукции, 3) новые слои читателей, 4) профессиональные средства массовой информации (газеты и журналы), 5) массовый политический рынок, на котором имеют место публичные конфликты. Начиная с рубежа XIX–XX веков интеллектуалы создают “картины мира”, транслируют смыслы, “расставляют вехи” в жизненных порядках. Однако выступают они теперь не только как “социальные пророки”, но и как пропагандисты “национальной идеи”. Интеллектуалы становятся неотъемлемой частью структурных изменений публичной политической сферы, вызванных модернизацией европейского общества. В результате «коммуникативной революции» либеральные элиты с их идеалом рациональной публичной аргументации и деятельности “во благо нации” трансформировались в массовое демократическое общество, разделенное по партийному принципу и интеллектуально неоднородное. Рожденные новой эпохой “дикие публицисты” (Карл Краус) были одинаково готовы как к “расколдовыванию”, так и новому “заколдовыванию” мира.

³ *Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben // Simmel G. Das Individuum und die Freiheit. — Berlin, 1984. S. 192–204.*

⁴ См.: *Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. — М.: НЛО, 2008.*

Отсюда вытекают две противоположные функции интеллектуалов — “критика власти” и “стабилизация власти”, которые можно условно обозначить как “критика” и “мандат”⁵. В своей знаменитой речи “Политика как призвание и профессия” Макс Вебер описывает отношение интеллектуалов в революционные месяцы 1918–1919 годов к вопросу политической ответственности. Его приговор сводится к тому, что очарование романтикой интеллектуальных игр, лишенное какого бы то ни было чувства ответственности, оборачивается революционным “карнавалом”. Вебер же пытается донести до своей академической аудитории мысль о необходимости сочетать “страсть” со “службой делу” и сознанием “политической ответственности”. Таким образом, здесь идет речь об интеграции интеллектуалов в гражданское общество посредством участия в политических институтах. Эта либеральная модель образованного ученого-гражданина играет в германской интеллектуальной истории важную роль, однако конкретное историческое исследование *невозможно без взятия в скобки* этой нормативной характеристики, без учета самых разных форм и социально-политических условий деятельности интеллектуала.

Таким образом, “критика” является важнейшей, но не единственной сферой духовной деятельности интеллектуалов. Под критикой здесь понимается “систематическая рефлексия по поводу предпосылок и ценностей собственной мысли и поступков”, равно как и “проблематизация политических и социальных порядков”⁶. Понятие “мандата” предполагает участие в политической власти как таковой, будь то в форме политической ответственности министра (пример Вальтера Ратенау), в роли депутата парламента (Фридрих Науманн и Теодор Хойс), функционера в сфере администрации или высшей школы (некоторые интеллектуалы в годы нацизма) или в качестве организаторов коммуникативных сетей, в которых действуют литераторы-публицисты как организаторы публичного пространства (кружок Науманна, консервативно-революционные объединения в годы Веймарской республики или социал-демократические интеллектуалы 1960-х годов). В этой перспективе следует говорить не только о том, какие политические роли играли германские интеллектуалы, но и о том, какие организационные формы и средства массовой информации использовались ими для целенаправленного политического влияния.

С одной стороны, “конкуренция за культурную легитимацию”, в которую вступили интеллектуалы, позволяла сохранить им свой символический капитал по отношению к политике. Ведь интеллектуалы обладают обеспеченной “печатным капитализмом” (Б. Андерсон) властью слова, не беря на себя прямой политической ответственности за вытекающие отсюда поступки. Более того, их ценность для общества заключается прежде всего в том, что они выступают как тормозящий фактор, как профессиональные критики. С другой стороны, интеллектуалы вынуждены в той или иной степени переступить ту тонкую грань, которую принято обозначать как *sacrificium intellectus*. Это принесение автономии духа в жертву политической активности; “измена по отношению к интеллекту” означает готовность покинуть сферу чистой теории и попытаться придать идеальным порядкам социальную значимость.

⁵ Hübinger G., Hertfelder Th. (Hg.). Kritik und Mandat. Intellektuelle in der Deutschen Politik. — Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt, 2000. S. 21 ff.

⁶ Ibid. S. 21.

С зазором между двумя этими — подчеркнем еще раз, довольно искусственно фиксируемыми ролями, — связана и описанная Д. Берингом история “бранного слова интеллектуал”⁷. Она берет начало с получившего европейский резонанс дела Дрейфуса, которое поляризовало французскую общественность и коренным образом изменило Третью республику. В Германии отношение населения и, в частности, “политического класса” и интеллектуалов было амбивалентным. Так, “Новый Брокгауз” 1938 г. определял интеллектуала, во-первых, как “человека с глубоким гуманитарным образованием (*geistige Bildung*)”, а во-вторых, как “односторонне развитого рассудочного человека, у которого характер и душа (*Gemüt*) отходят на второй план”. Похожую дефиницию дает и послевоенное издание “Брокгауза” 1954 г. Словарь отражает реальный узус слова в немецком языке и показывает, что называться интеллектуалом в Германии было намного проблематичнее, чем во Франции с ее республиканскими традициями. Политики платили писателям, философам и публицистам той же монетой, крайне неохотно вступая с интеллектуалами в разговор.

На примере немецкой истории интеллектуалов можно неоднократно наблюдать столкновение между интеллектуальной нормой, заданной французским видением интеллектуала, и культурной действительностью. Так, слова о “свободно парящей интеллигенции” (Альфред Вебер) могут прочитываться и как положительная (неотъемлемое достоинство интеллектуала), и как отрицательная характеристика (недостаточная укорененность “универсального духа”). Действительно, стереотип “свободного парения” духа, означающий свободу от групповых интересов и заботу об общем благе, в дискуссиях вокруг понятия интеллектуала часто имел пренебрежительный оттенок⁸. Далекое неоднозначно и морально нагруженное понятие интеллектуала, приравнивающее его к “профессиональному критику” (М. Райнер Лепсиус). Иначе говоря, в очерке интеллектуальной истории Германии нельзя не учитывать сложного семантического поля понятия “интеллектуал”, включая как позитивные, так и негативные коннотации. В отличие от той же Франции применительно к интеллектуальной истории Германии отсутствуют наработанные схемы описания, а потому с использованием понятия интеллектуала как аналитического инструмента возникают определенные сложности, вызванные, в частности, оценочными коннотациями этого понятия.

Еще одна проблема, с которой приходится иметь дело исследователю немецкой истории интеллектуалов, — это отождествление “интеллектуалов” и “левых”. Политическая активность социал-демократических писателей из “Группы 47” смогла изменить отношение власти к интеллектуалам, однако в то же время способствовала утверждению восходящей еще к 1920-м годам квазимонополии левых на звание “интеллектуала”. Редактор “Тагесцайтунг” К. Хартунг как-то сказал: “Ничто так не повредило критически настроенной

⁷ См. фундаментальное исследование: *Bering D. Die Intellektuellen. Geschichte eines Schimpfwortes.* — Stuttgart: Klett-Cotta, 1978.

⁸ В книге “Немецкий дух в опасности” (1932) филолог Э.-Р. Курциус, полемизируя с социологом К. Мангеймом, писал: “Свободное парение — это переходное состояние... Если дух и его носитель, интеллектуал... хочет жить полной жизнью, он должен где-то приземлиться... Кто думает удержаться в свободном парении, оказывается в комичной ситуации аристофановского Сократа, сидящего в своей мыслильне” (цит. по: *Bering D. Die Intellektuellen.* S. 297).

интеллигенции, как обращенное к духу требование *держаться левой стороны (Die-Geist-steht-links-Haltung)*. Вопрос встал со всей остротой в особенности после развала блоковой системы в мировой политике. Произошла релятивизация интеллектуальных позиций, более того, левые фактически оказались в ситуации идейного банкротства. Стало очевидно, что идентификация “левых” и “интеллектуалов” — попросту заблуждение.

Таким образом, в анализе интеллектуальной истории Германии следует принимать во внимание сразу несколько планов рассмотрения проблемы. 1) С точки зрения идеологии необходимо учитывать вопрос о роли интеллектуалов в поляризации право- и леворадикальных движений, борьбу элит за различные политические и социальные проекты, которые могут стоять либо под знаком “класса”, либо под знаком “народа”. 2) С точки зрения истории СМИ — вопросы о том, как создавался и укреплялся тип выносящего общие суждения публициста или эксперта-аналитика. 3) С точки зрения относительной автономии интеллектуала — вопрос о конкуренции мировоззренческих систем и придании им политического (институционального) веса.

В начале XX в. немецкие интеллектуалы пробуют играть самые разные политические роли. 1) Интеллектуалы не довольствуются ролью профессионального критика культурных ценностей и социального порядка, а пытаются использовать условия массового политического рынка для прямого политического влияния — социалистическое рабочее движение (Карл Каутский). 2) В ходе первой мировой войны образованная либеральная буржуазия также начала примерять на себя одежды интеллектуала и включилась в партийную борьбу. Пример — теолог и культур-философ Эрнст Трельч, который в 1917 г. организовал “Народный союз за свободу и Отечество” (в оппозиции к правой “*Deutsche Vaterlandspartei*” — “Германской партии Отечества”) и некоторое время занимал пост в прусском министерстве культуры. 3) В эпоху Веймарской республики идейной консолидации общества способствовали не столько демократические группы, сколько интеллектуалы, представлявшие различные “консервативно-революционные” движения (например, “младоконсервативные” клубы, кружок “*Tat*” — “Дело”).

Бесспорно, ключевым периодом для германских интеллектуалов (как, впрочем, и для европейских интеллектуалов) была первая треть XX в. В “эпоху мировой гражданской войны”⁹ они были той социальной группой, которая сделала идеологическую борьбу важнейшей частью своей духовной жизни. Эта эпоха продолжалась до тех пор, пока консервативно-революционные проекты авторитарного государства и представления о харизматичном лидере не столкнулись с реальностью национал-социалистической революции. Кто-то покинул страну, кто-то ушел во “внутреннюю эмиграцию”, кто-то подвергся физическому уничтожению. *Gleichschaltung*, включение интеллектуалов в национал-социалистическое “движение”, означало сведение их роли к минимуму. Фигура интеллектуала фактически оказалась оттеснена на периферию типом партийного функционера, боровшегося за “чистоту немецкой культуры”.

После военно-политического крушения Германии в 1945 г. многие правые интеллектуалы сопротивлялись, с одной стороны, “вестернизации” и “американизации”, а с другой, “большевизации” страны, стремясь воплотить в жизнь

⁹ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем. / Посл. С. Земляного. — М.: Логос, 2003.

проекты “другой Германии”. В этом смысле необходимо критически взглянуть на принятое в либеральной историографии противопоставление левых интеллектуалов, которые хотели настоящего демократического развития, и “эры Аденаура”, которую также называют “эпохой реставрации”. Показательно, в 1950–60-е годы многие левые также признавали, что правые (наиболее яркий пример — Карл Шмитт) ставили после войны более актуальные вопросы. Обычно изложение интеллектуальной истории Германии в первое десятилетие после Второй мировой войны (“ранняя Федеративная Республика”) ограничивают выдающимися социал-демократическими интеллектуалами вроде Карло Шмида. При этом право-консервативные умы практически выпадают из поля зрения. Конечно, они с трудом вписываются в понятие политического интеллектуала и свободны от дилеммы “критика или мандат”. Тем не менее, они, несомненно, оказали глубокое воздействие на интеллектуальный климат послевоенной Германии, наложив серьезный отпечаток на дискуссию по основополагающим проблемам общественно-философской мысли. В частности, они развернули глубокую критику индустриального общества (Х. Фрайер), прессы как идеологического инструмента (Ф. Зибург), техники и массовой демократии (Ф.Г. Юнгер, М. Хайдеггер, К. Шмитт).

Вторая половина 1960-х годов была ознаменована всеобщей политической мобилизацией левых интеллектуалов, сопровождавшейся ростом значения СМИ. Наиболее показательной в этом отношении является поддержка Г. Грассом и другими молодыми литераторами из “Группы 47” Социал-демократической партии Германии и ее кандидата на пост канцлера Вилли Брандта. Большой общественный резонанс получили также радикально-демократические проекты переустройства социума. Здесь основной интеллектуальный тон задавал Франкфуртский институт социальных исследований, точнее два поколения школы — ре-мигранты М. Хоркхаймер и Т. Адорно и представитель молодого поколения Ю. Хабермас (сотрудник школы с 1964 г.).

Время после 1968 г. характеризуется возрастанием влияния интеллектуальных групп на общественную жизнь. Появляются новые возможности для диалога между властью и интеллектуалами. В то же время меняются традиционные роли и функции правых и левых интеллектуалов, релятивируются прежде доминирующие позиции, трансформируется медийный ландшафт.

Политическая мобилизация интеллектуалов привела к формированию критической общественности в Германии, которая в разные периоды убедительно демонстрировала готовность обсуждать вопросы “немецкой вины”, холокоста, исторической памяти, единства Германии, европейской интеграции и т.д. Между тем, неолиберальные взгляды, распространившиеся в обществе после крушения блоковых систем, привели к эрозии традиционной роли и идентичности интеллектуала. На его месте все чаще стал появляться «эксперт»; наконец, усилившаяся медиализация вызвала к жизни фигуру постполитического интеллектуала. С одной стороны, широкий процесс деполитизации и сложная дифференциация современного общества открывает перед тем, кто хочет называться “интеллектуалом”, возможность выбора — стать экономическим или политическим советником, имиджмейкером, консультантом по выбору различных стилей жизни, наконец, просто шоуменом. С другой стороны, кризисные явления современного общества указывают на пределы такой деполитизации и вновь требуют от интеллектуала политического самоопределения.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ: CASE STUDY

В консервативную “эру Аденауэра”, отмеченную двенадцатилетним правлением правоцентристской коалиции ХДС/ХСС, левые интеллектуалы и социалистическая мысль если и не исчезли из политического пространства совсем, то в дискуссии о вопросах власти и организации политической системы они не играли никакой роли. Идеал сильного, рационального государства, стоящего над обществом и обладающего иммунитетом от разноречивых социальных интересов, являлся эталонным не только для консерваторов, но и для многих либералов в послевоенный период существования. Однако оставалась существеннейшая проблема: как обеспечить легитимацию сложного современного общества в условиях массовой демократии и индустриального общества.

Конец 60-х годов считается *переломным временем* в истории Федеративной Республики Германия. С точки зрения леволиберального историка Курта Зонтхаймера, 60-е годы стали “ключевым десятилетием”, когда пробили “час интеллектуалов”. Следует отметить, что в таком словоупотреблении понятие “интеллектуала” ценностно нагружено, поскольку выступает синонимом “левых”, “выступающих за общее благо” и “говорящих от имени общечеловеческих ценностей”. Вместе с тем, этот период действительно отмечен глубокими трансформационными процессами в обществе, активным включением писателей и философов, появлением категории “общественного мнения”, бурным ростом СМИ (как левого, так и правого спектра) и ростом их влияния, а потому можно согласиться с авторами фундаментального исследования о Франкфуртской школе, которые называют 1966–1969 годы вторым, “интеллектуальным основанием ФРГ”¹⁰. Возникла категория “общественного мнения”, появилась влиятельная общественность

Публичные выступления Генриха Бёлля, Гюнтера Грасса и других писателей в поддержку СДПГ способствовали тому, что в массовом сознании сформировался образ писателя как “совести нации”, как защитников универсальных ценностей и прав человека. Эффективно используя СМИ (в том числе телевидение), интеллектуалы выступали против атомного оружия, американской политики во Вьетнаме, закона о чрезвычайном положении, агитировали за мир и призывали вступать в ряды экологического движения. Истоки этой деятельности восходят непосредственно к послевоенному времени, когда в Западной Германии возникали разнообразные журналы (“*Der Ruf*” (“Клич”), редакторы — Ханс Вернер Рихтер и Альфред Андерш) и кружки (“Группа 47”), объединявшие прежде всего молодых писателей. Многие из них вошли позднее в так называемую “Социал-демократическую выборную инициативу” в поддержку Вилли Брандта, наиболее активным участником которой был Гюнтер Грасс (р. 1927).

В 1950-е годы центральной темой дискуссий был вопрос о “вине немецкого народа”, однако он обсуждался внутри академической среды и не имел широкого политического резонанса. Возвращение левых интеллектуалов к актив-

¹⁰ Albrecht C. (Hg.). Die intellektuelle Gründung der Bundesrepublik. Eine Wirkungsgeschichte der Frankfurter Schule. — Frankfurt a.M./New York, 1999.

ному участию в политической жизни было озаглавлено так называемым “Делом «Шпигеля»” 1962 года (*Spiegel-Affäre*)¹¹. Этот скандал был воспринят не только как крупнейшая победа демократической общественности Германии в борьбе за свободу прессы в послегитлеровский период, но и как появление “духовной оппозиции” в Федеративной Республике. В глазах интеллектуалов авторитет государства после дела “Шпигеля” резко упал. В 1960-е годы перед левыми интеллектуалами открывалось два пути протеста: либо поддержка студенческого движения, либо участие в партийной политике, что позволяло мобилизовать гораздо более широкую общественность. Политический активизм автора “Жестяного барабана” основывался на убеждении в необходимости вмешательства граждан в жизнь демократического государства. Поддержка выборной кампании СДПГ включала в себя не только консультации политиков при написании речей, но и составление предвыборных лозунгов с целью привлечения электората. Свою принципиально негативную позицию по поводу “несовместимости духа и власти” Грасс сформулировал в таких словах: “Место писателя в обществе, а не над обществом или в стороне от него. Поэтому долой все духовное чванство и высокомерный дух элит! <...> Нет больше смысла цепляться за старую оппозицию духа и власти. Ведь мы платим налоги и ходим на выборы не на Парнасе, в сопровождении муз и в клубах жертвенного дыма, и живем мы не в фантастических республиках ученых. Мы платим налоги здесь, в Федеративной Республике, и здесь мы должны начать говорить!”¹²

О представительности “Социал-демократической выборной инициативы” говорит тот факт, что наряду с Грассом ее членами были философы Эрнст Блох и Людвиг Маркузе, историки Курт Зонтхаймер и Голо Манн, писатели Вальтер Йенс и Зигфрид Ленц, публицисты Арнульф Баринг и Марсель Райх-Раницки. Консолидация интеллектуалов и деятелей искусств и привлечение широких масс избирателей обеспечили успех инициативы, которая значительно способствовала победе Вилли Брандта и вызвала к жизни широкое гражданское движение¹³. Добившись смены политического вектора, многие из этих интеллектуалов в 1970-е годы сменили привычную роль “критика” на роль “эксперта” по вопросам политики, однако их влияние на конкретные политические решения в эпоху Брандта было скорее незначительным.

Демократизация системы высшего образования в конце 1960-х — начале 1970-х годов имела своим следствием поляризацию общественно-политической жизни. В частности, многие либеральные интеллектуалы (К. Зонтхаймер, Х.-Д. Брахер), которые до 1968 г. критиковали систему образования и выступали с требованием проведения реформ, увидев, что студенческие

¹¹ В 1962 г. правительство Конрада Аденауэра и военного министра Франца-Йозефа Штрауса обвинило редактора еженедельника “Шпигель” Рудольфа Аугштайна и его ведущих журналистов в разглашении якобы секретной военной информации. Реальной причиной являлась постоянная жесткая критика министра обороны. Им грозило до 10 лет тюрьмы. 103 дня заключения Аугштайна вызвали широкую волну протеста против попыток подавления свободы прессы. С этого времени в Германии начали часто цитировать Всеобщую декларацию прав человека.

¹² *Grass G. Des Kaisers neue Kleider // Grass G. Über das Selbstverständliche. — Berlin, 1968. S. 53 f.*

¹³ *Münkel D. Intellektuelle für die SPD // Hübing G., Hertfelder Th. (Hg.). Kritik und Mandat. S. 238.*

волнения грозят подрвать стабильность государства, начали активно выступать в поддержку **status quo**. Так или иначе, студенческое движение уже очень рано заставило задуматься об условиях и границах либеральной демократии.

Представитель второго поколения Франкфуртской школы Юрген Хабермас (р. 1929) также отмежевался от радикального крыла революционного студенчества, обвинив его лидеров в “левом фашизме”. Вместе с тем Хабермас значительно способствовал интеллектуальному обновлению левых в Германии (“новые левые”). Он констатировал кризис легитимности современного государства, который привел к расколу между обществом и государством. Однако если консервативные интеллектуалы вроде Э. Форстхоффа и Э.-В. Бокенфёрде находились под влиянием правовой теории К. Шмитта и перед лицом слабой парламентской демократии требовали от лиц, принимающих политические решения (**decision makers**), большей эффективности ради поддержания стабильности, то Хабермас настаивал на демократической ре-политизации сферы “публичности” или “общественности” (**Öffentlichkeit**), которая должна была способствовать обновлению социальной жизни, искаженной влиянием позднекапиталистической системы¹⁴. Еще в своей ранней работе “Структурные трансформации публичной сферы” (1962) философ показывал, что публичная сфера, ограниченная парламентскими дебатами, превращается из субъекта осмысленного действия в объект социальных манипуляций со стороны средств массовой информации. Поэтому “общественности” приписывается нормативный порядок: по мнению Хабермаса, она должна задавать масштаб и направление критики современной действительности.

Начиная с 1970-х годов Хабермас разрабатывал “критическую теорию общества”, в рамках которой получила свое обоснование идея интеллектуальной эмансипации. А именно, речь шла об освобождении от институционального принуждения, систематически искажающего коммуникацию. Автор “Теории коммуникативного действия” (1981)¹⁵ исходил из идеальной ситуации рационального консенсуса, достигаемого посредством “дискурса” как диалогически равноправной процедуры аргументации. Не считая возможным достичь рационализации истории на пути технического контроля и кибернетизации общества, философ возлагал большие надежды на эмансипацию рефлексивного и прогрессирующего сознания. В этом смысле история должна была стать диалогом совершеннолетних (в кантовском смысле) людей. Таким образом, хабермасовская теория дискурса явилась попыткой создать теорию коммуникации, которая в условиях научно-технической цивилизации претендовала на то, чтобы дать человеку разумные ориентиры в практических поступках. Вместе с тем она оставляла нерешенным вопрос о том, не скрывается ли за дискурсивно-организованной публичностью господство тех, кто распоряжается разумом в технической цивилизации.

В немецкой интеллектуальной истории последних десятилетий Ю. Хабермасу по праву принадлежит слава “великого **supervisor'a**” (А. Польшманн), который стремится занять ответственную позицию по всем значительным общест-

¹⁴ О критике неоконсервативных течений Хабермасом см.: Филиппов А.Ф. Западногерманские интеллектуалы в зеркале консервативной социологической критики // ФРГ глазами западногерманских социологов: Техника — интеллектуалы — культура. — М.: Наука, 1989. С. 145–168.

¹⁵ *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bde. 1–2. — Frankfurt a.M., 1981.*

венно-политическим вопросам и, прибегая к силе “лучшего аргумента”, заставляет прислушиваться к своим словам. В 1980-е годы он принимает самое активное участие в дискуссиях о ценностной нейтральности социального знания, о реформе университета, в так называемом “споре историков”¹⁶, а в 1990-е годы попытается сформулировать ответ на глобализационные вызовы. В то же время философ постепенно переходит с радикально-демократических на либерально-демократические позиции. Хабермас полагает, что его теория коммуникативного действия способна помочь выработать не только действенную либеральную этику, но и действенную демократическую политику. Поддерживая идею “делиберативной демократии” (“демократии обсуждения”), он верит в способность демократического общества к интеграции: рациональный консенсус относительно базовых моральных ценностей, полагает Хабермас, является универсальным способом решения проблем глобального общества¹⁷. Будучи самым видным протагонистом либеральной демократии в нынешней Германии и в то же время критиком, выступающим против проамериканской ориентации, Хабермас отстаивает космополитический, универсалистский проект Европы¹⁸. С этой точки зрения, не США, а именно Европа идет в авангарде движения навстречу всемирному порядку, основанному на торжестве принципов закона и прав человека во всем мире.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов в Германии и некоторых других европейских странах (прежде всего, во Франции и Италии) в ответ на осуществленную левыми культурную революцию, с одной стороны, и кризис стабилизационного консерватизма, с другой, формируется организационная и идеологическая социальная сеть, получившая обозначение “новых правых” (*Neue Rechte*). В противовес левым периодическим изданиям вроде “Zeit” или “*Tageszeitung*” начинает издаваться журнал “Критикон”, рупор право-консервативной образованной элиты. Важную роль в концептуализации и распространении взглядов “новых правых” сыграл первый историк “консервативной революции” и в прошлом секретарь Э. Юнгера Армин Молер (1920—2003). Идеи новых правых восходят, с одной стороны, к “консервативной революции”, с другой стороны — к европейскому традиционализму (Ю. Эвола, Р. Генон). Вместе с тем новые правые отбрасывают социалистический пафос

¹⁶ “Спор историков” (*Historikerstreit*) был вызван в 1986 г. статьей немецкого историка Э. Нольте под названием “Прошлое, которое не желает проходить”. Речь в статье шла о “табуированных” в немецком сознании темах: “преступлениях нацистского режима”, “Освенциме” — основных составляющих пресловутого комплекса “германской вины”. Нольте говорил о холокосте, допуская возможность с помощью доступных и обычных для историка средств выявить мотивы “окончательного решения” Гитлера, которое привело к массовому уничтожению евреев. В концепции Нольте политика холокоста в фашистской Германии становилась “объяснимой” при сопоставлении ее с большевистским террором в Советской России. Нольте утверждал, что существует “причинно-следственная связь” (*kausaler Nexus*) между ГУЛАГом и Освенцимом. Национал-социалисты осуществили это “азиатское” деяние только потому, что считали себя потенциальными жертвами советского “азиатского” деяния и воспринимали большевизм как главного врага. Ю. Хабермас, а вслед за ним литературный критик М. Райх-Раницкий обвинили Нольте в желании преуменьшить преступления нацизма. Суть возражения заключалась в том, что немецкой историографии современности свойственна “апологетическая тенденция”, она “отрицает уникальность нацистских преступлений”, занимается “ревизионизмом” и “отбеливанием” нацизма.

¹⁷ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001.

¹⁸ *Habermas J. Neue Welt Europa // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24. Januar 2003.*

“консервативной революции”, перенимая главным образом ее националистические мотивы, и политизируют традиционализм, заимствуя отсюда неоязыческую составляющую. Новые правые выступают прежде всего как критики либерализма, идеологии свободного рынка и эгалитаризма. Введенное К. Шмиттом “понятие политического” как различения “друг/враг” трансформируется ими по сути в метаполитическое понятие, которое предполагает уже не создание авторитарного государства с целью национального возрождения, а сохранение культурного своеобразия отдельных обществ (“плюриверсум культур”, “этноплюрализм”) и уникальной европейской идентичности перед лицом угрозы «американизации» с ее однополярной моделью мира. Отсюда вытекает интернационализация и европеизация правой мысли: ее идеологи проповедуют “целостную Европу” (элементы коммунитаризма, локализма, федерализма), противостоят космополитическим концепциям “всемирного государства” и верят в гомогенные, описываемые в этнических терминах культуры. В сознании либерально настроенной общественности “новые правые”, при всем своем солидном интеллектуальном **background**'е, часто ассоциируются с “правым экстремизмом” и даже “фашизмом”. Несмотря на то что в связи с изменениями в европейской политике последних лет (на первый план вышли традиционно “правые” темы национальной безопасности, нелегальной миграции и т. д.) публицистическая активность новых правых заметно выросла¹⁹, они по-прежнему находятся скорее “по краям” германского публичного пространства. Тем не менее адекватная оценка интеллектуальной истории Германии последних десятилетий невозможна без учета *ключевых дискуссий* между левыми либералами, сторонниками либертариизма, и “новыми правыми”, сторонниками гомогенного государства и общества, выстроенного по принципу **“law-and-order”**. Эта полемика непосредственно связана с формированием отношения к собственному прошлому и процессом европейской интеграции Германии.

Пожалуй, наиболее яркой страницей в новейшей интеллектуальной истории Германии стала общественная дискуссия 1989 г. о германском единстве²⁰. В то же время ее можно считать *последней политической мобилизацией* интеллектуалов накануне торжества неолиберальных настроений в обществе 1990-х годов. В этих дебатах вновь сыграли весьма заметную роль немецкие писатели. “Совесть нации” была, так сказать, расколота на два лагеря, один из которых представлял Гюнтер Грасс, а другой — Мартин Вальзер. Еще в начале 1980-х годов Грасс в своих книгах и выступлениях отстаивал тезис о “двух государствах одной нации” и литературе как едином культурном пространстве всех немцев. Соответственно, в ходе процесса воссоединения он выступал с идеей “конфедерации двух германских государств”. Свою мысль об отказе от “единого государства” Грасс аргументировал, с одной стороны, ссылаясь на необходимость центрально-европейской безопасности, а с другой, отмечая некоторую заторможенность и отсталость общества ГДР. Его антипод Мартин Вальзер, наоборот, всесторонне поддерживал воссоединение Германии. Аль-

¹⁹ Сейчас интеллектуальным центром “новых правых” выступает берлинская газета “Нойе Фрайхайт”, с которой сотрудничает видный публицист, старый противник и критик Хабемаса Гюнтер Машке (р. 1948).

²⁰ Подробнее об этом см.: *Jäger W., Villinger I. Die Intellektuellen und die deutsche Einheit. — Freiburg i. B., 1997.*

тернативу гегемонии Германии в Центральной Европе Вальзер усматривал в европейской интеграции Германии. В этой связи следует также упомянуть влиятельного публициста Ханса-Магнуса Энценбергера, считавшего, что германское единство дает всем гражданам стать “совершеннолетними в политическом отношении”. В целом эти позиции писателей-интеллектуалов заметно выделялась на общем плаксиво-пессимистичном тоне германской прессы и в значительной мере способствовали формированию у немцев критического отношения к проблеме национальной идентичности.

Постполитические тенденции в общественной мысли двух последних десятилетий привели к очевидной *деполитизации интеллектуалов*²¹. Крах реального социализма, снижение накала в противостоянии правых и левых в силу снижения численности рабочего класса и расширения сферы услуг, процессы глобализации в 1980–90-х годах XX века привели к торжеству концепций “конца истории”, мультикультурализма, делиберативной демократии и рефлексивной модернизации, ставших путеводной звездой для либералов и левоцентристов по всему миру. При этом роль интеллектуала, расстающегося с “левым” и “правым” ради “третьего пути”, начинает сводиться к поиску эффективного баланса между интересами общества, индивида и свободного рынка, а слово “консенсус” становится ключевым термином гуманитарных дискуссий.

Ральф Дарендорф выделяет несколько причин трансформации роли интеллектуала²². 1) Индустриальное общество включает интеллектуала в коллективный медийный аппарат, лишает его подлинной индивидуальности и превращает в “шоумена”. 2) Конец утопий и крушение глобальных идеологий лишает его легитимации и возможности соотноситься с масштабными перспективами, что приводит 3) к произвольности его высказываний в период ценностного плюрализма и культурного релятивизма. 4) Дифференциация функций социальных подсистем (преобладание, прежде всего, политических и экономических ценностей) обуславливает кризис общественной морали, которая становится либо “помехой”, либо просто частным делом, “attitude”.

Фигура *постполитического интеллектуала* — в Германии она наиболее ярко представлена П. Слотердайком и Р. Сафрански²³ — непосредственно связана со стремительным ростом медиализации и основной функцией масс-медиа по “репрезентации публичности”²⁴. Свою задачу интеллектуал ограничивает службой во имя публичности, однако при этом, как правило, не выходит за рамки “медиатора”. Его притязания на автономию и нейтральность

²¹ О постполитике и реактуализации политического см.: Михайловский А.В. Понятие политического в эпоху “постполитики” // *Международная жизнь (International Affairs)*. 2008. №7. С. 32–47.

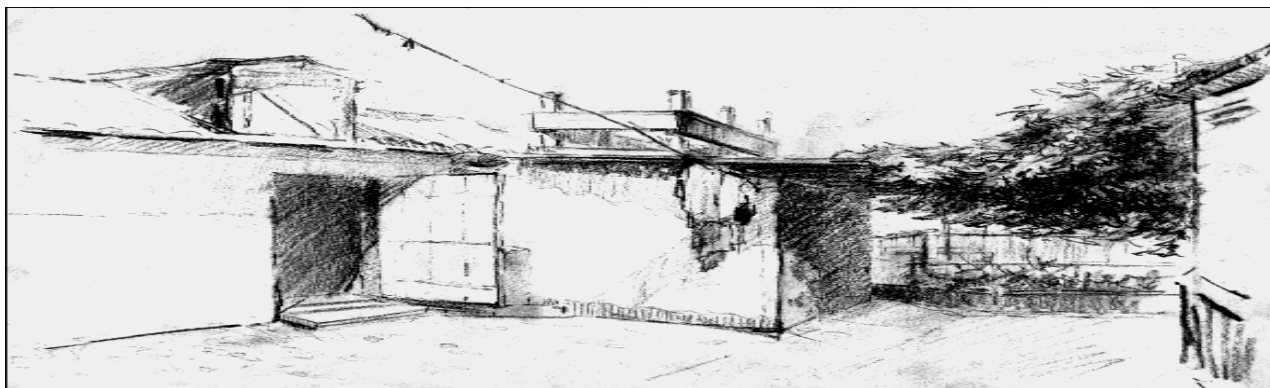
²² *Dahrendorf R. Umbrüche und normale Zeiten: Braucht Politik Intellektuelle? // Hübinge G., Hertfelder Th. (Hg.). Kritik und Mandat. S. 281–282.*

²³ П. Слотердайк (р. 1947) — президент Высшей школы дизайна в Карлсруэ, автор известной книги “Критика цинического раз ума” (*Слотердайк П. Критика цинического разума.* — Екатеринбург, 2001). Р. Сафрански (р. 1945) — философ и свободный писатель, автор биографий Шопенгауэра, Хайдеггера, Шиллера. Медийные персонажи Слотердайк и Сафрански известны, прежде всего, как ведущие программы “Философский квартет” на германском телеканале ZDF (см. также: www.petersloterdijk.net).

²⁴ Подробный анализ в кн.: *Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского.* — М.: Праксис, 2005. С. 160–164.

оказываются всего лишь формой лояльности по отношению к постполитическому **common sense**: будто достигнутый на данный момент уровень экономико-политического развития — большой прогресс в эволюции гуманизма. Интеллектуал, который превращается в одно из звеньев “политики жизни” (Э. Гидденс), помогает освобожденным от коллективных уз индивидам более плодотворно заниматься культивированием разнообразных стилей жизни, не оглядываясь на устаревшие групповые образцы. В такой “постполитике”, где конфликт глобальных идеологических проектов и борющихся за власть партий считается преодоленным, интеллектуал становится в ряд просвещенных технократов (экономистов, специалистов по связям с общественностью) на службе свободного рынка, занятых поиском более или менее универсального консенсуса.

Однако обнаружившиеся в обществе начала **XXI** в. глубинные противоречия и угрозы сделали очевидной недостаточность либеральных теоретических схем. Отсюда ясно, что будущее интеллектуала напрямую зависит от того, каким образом будет осуществляться преодоление постполитических тенденций в современном глобальном обществе, которое переживает сейчас, пожалуй, самый глубокий кризис за всю свою историю.

Марина Корецкая

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ
ЭПИЗОД I:
КРИЗИС АНТИЧНОЙ ПАЙДЕИ

“Интеллектуалы и власть” — тема, недвусмысленно отсылающая к проблематике, обозначенной Фуко и имеющая прямое отношение к тому социокультурному контексту, в котором впечатлившаяся крахом просвещенческих идеалов постмодернистская мысль вынуждена была поставить вопрос о собственном статусе. Речь идет о проблеме, если так можно выразиться, социального (или публичного) смысла философии и политического (в античном понимании как относящегося к “общему делу”) долга интеллектуала. После всех потрясений европейской культуры в XX веке тоталитарный тип власти вдруг оказался увязан с метафизическим типом мышления — нужно ли говорить о том, с каким подозрением Постмодерн относится теперь к претензии мысли на то, что она внимает трансцендентному Зову или Голосу бытия! Поэтому долг интеллектуала, как о нем говорят постмодернисты, это не послушное служение бытию, а радикальная критика. Не совпадать с собой (“вырвать субъекта у него же самого”) и не давать этого делать другим (в том числе и социальным институтам), быть всегда в оппозиции — в том числе и к самому себе — это другая сторона призыва Фуко “мыслить иначе”. Поэтому за тем, что, как правило, называют “левачеством”, скрывается не интеллектуальное хулиганство, а вполне просвещенческий принцип автономии, существенно подкорректированный самим трагическим провалом идей Просвещения в истории XX века.

Однако адресованный интеллектуалу императив занять критическую позицию в отношении властных структур также нуждается в обосновании. Это обоснование французская мысль находит, обращаясь, по крайней мере, к двум эпизодам из области истории: античной пайдеи и средневековому университету. Причем первый эпизод связан с формированием того культурного пространства, в котором оказывается возможен опыт самовластного управления собой (“техники себя”, “забота о себе”); второй же эпизод имеет отношение к появлению интеллектуала как особой профессии¹. Но в этих двух эпизодах

---

¹ Профессия интеллектуала складывается именно в средние века в качестве такой, которая: 1) работает со словом, 2) транслирует слово (речь об образовании), 3) занимает критическую позицию в отношении власти, поскольку от нее не зависит (интеллектуала кормят

есть некий внутренний подвох, маленькая червоточина, бросающая тень на саму идею: взлет пайдеи содержал в себе элемент ее кризиса, а окончательная институционализация средневекового университета обернулась так называемым “предательством факультетов”.

В пределах данной статьи мы оставим средневековые университеты в стороне и сосредоточимся на античном эпизоде. На внутренний кризис античной пайдеи, на наш взгляд, указывают скандальные (иначе это и не назовешь!) случаи провала философского воспитания: Сократ и Алкивиад, Платон и два Дионисия, Аристотель и Александр Македонский, Сенека и Нерон, Марк Аврелий и Коммод. Конечно, тираны и беспринципные политики появлялись в античной культуре и без всякого влияния со стороны философской пайдеи. Конечно, не только философы жили при дворах сильных мира сего в качестве воспитателей, советников и собеседников, скрашивающих часы досуга правителей, чтобы, обеспечив себе финансовую и социальную стабильность заниматься любимым делом. И все же не может не настораживать тот факт, что великие философы оказывались не слишком хорошими наставниками будущих политических деятелей, тем более, что Сократ и Платон потратили немало доводов на то, чтобы доказать, что именно философия может воспитать справедливого и мудрого правителя. Разумеется, можно говорить о случайностях, тем более, что каждая из перечисленных историй связана с различными обстоятельствами и они не очень-то похожи друг на друга. Тем не менее, иногда преувеличения могут быть полезны, и мы рискнем предположить, что во всех этих случаях можно говорить о некой систематической ошибке, и мы имеем дело с симптомами, выражающими скрытую истину философской пайдеи, а также природы драматических отношений интеллектуалов и власти.

Это предположение позволит нам взглянуть на античные “техники себя” не столь оптимистично, как это было у Фуко. Дело, конечно, не в том, что Фуко создал греков, так сказать, по своему образу и подобию — он был далеко не первым и будет далеко не последним в череде вольных интерпретаторов наследия античности, хотя бы потому, что сам заход в исторические архивы чаще всего предпринимается в связи с весьма злободневными вопросами. Но проблема-то не в Фуко и не в греках, а в возможности или невозможности мысли быть самозаконной и наделять мыслителя способностью к автономному существованию.

Итак, существо пайдеи. Как известно, само слово «*παιδεία*» восходит к слову «*παῖς*», означающему “ребенок”, “мальчик” и традиционно переводится на русский язык как “воспитание” и “образование”. Конечно, и “воспитание”, если понимать его привычным образом как некое дисциплинирование, приживающее ребенку до автоматизма принятые моральные нормы и нормы поведения, и “образование” как получение необходимых для будущей деятельности знаний лишь частично передают смысл этой практики. Однако если понимать наше слово “образование” метафорически, как “обретение образа”, то есть как искусственную трансформацию естественной телесности, мы дос-

---

студенты или практическое приложение его штудий, а не государство или церковь). См. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. с франц. *А.М. Руткевича*. — СПб.: изд-во СПб ун-та, 2003.; *Де Либера А.* Средневековое мышление / Пер. с франц. *О.В. Головой, А.М. Руткевича*. — М.: Праксис, 2004.

таточно близко подойдем к существу дела, хотя и немного уйдем в сторону от семантических пластов, связывающих пайдейю с собственно детскостью. Пайдейя в греческой культуре играла совершенно особую роль, поскольку она предполагала не просто возню с детьми или опеку младшего поколения. Она была делом государственной важности, так как имела прямое отношение к тому, что можно было бы сейчас назвать национальной или культурной идентичностью. Как известно, античная Греция представляла собой множество полисов и множество племенных групп, говорящих на разных диалектах, но при всем при этом эллинский мир умудрялся себя довольно недвусмысленно отличать от варварства. Эллиństwo — это указание не на национальность, а на культуру, поэтому недостаточно родиться эллином, чтобы быть им. Быть эллином — это особое искусство, а значит, предполагается обретение *τεχνή* как искусственности (поэтому Фуко вполне оправданно говорит о “техниках себя”), достигаемой путем практической аскезы, то есть разного рода упражнений, направленных к одной цели. И эта цель — сформировать в будущем эллине способность быть хорошим гражданином, то есть способность к автаркии — свободному и ответственному существованию, что возможно только тогда, когда есть обращение к самому себе и в смысле власти над собой, своим телом, своими способностями и желаниями, и в смысле знания себя, своей души. Вот этой техникой взращивания будущих граждан и была пайдейя, что объясняет, почему забота о себе имела, по крайней мере, исходно, политический смысл, то есть касалась блага полиса в целом, а также была связана с сохранением самосознания и самовоспроизводства эллинства на уровне культуры.

В перечень аскетических дисциплин включались, как правило, гимнастика, музыка, геометрия, риторика, а также обязательное чтение поэм Гомера. Исходным образом философия в этот перечень не входила, но все изменилось благодаря Сократу и Платону и их полемике с софистами. Об этом процессе много и интересно пишет Вернер Йегер². Именно Сократ обосновывает за философией статус самой важной для воспитания дисциплины, последствия чего мы ощущаем до сих пор (к примеру, сталкиваясь с философией как с обязательным предметом в сфере высшего образования). Йегер трактует это в том смысле, что духовные знания о всеобщем и божественном благе благодаря сократической мысли по своей значимости перевесили телесные навыки. В известной степени разговоры о духовности в применении к античности выглядят как культурный анахронизм, равно как и категоричное противопоставление духовного и телесного, поэтому попробуем выразить эту мысль несколько иначе. Призывая молодых людей заботиться, прежде всего, о самих себе, для того, чтобы стать со временем путными гражданами, Сократ настаивал на том, что такая забота возможна только при условии знания себя, своей собственной природы. Каждую способность в себе следует тренировать в соответствии с ее сущностью и степенью ее важности для целого. Поскольку же важнейшей частью нашего существа следует считать душу, постольку и заботиться следует, прежде всего, о ней, что, однако не отменяет ни гимнастики, ни диететики, ни медицины (то есть человеческая природа понимается как иерархически организованное целое, а не как поле борьбы противоположностей). Забота о себе трактуется как практика самонаблюдения, отсюда и знаменитый призыв “познай самого себя”. Для этого требуется формирование умозрения,

² Йегер В. Пайдейя. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1997.

тренировка теоретического взгляда и особого, квазителесного “органа” мышления, то есть “ума”, поскольку обычным образом себя-то и не видно. Красноречивый пример необходимости натренированного умозрения — Эдип, который видит знаки судьбы то слишком близко, то слишком далеко, но оптимальную дистанцию, позволяющую собрать собственную жизнь в осмысленное целое он получает только под занавес, и это наконец-то обретенное видение истины делает обычные глаза излишними. Так что если уж трагедия как театральное зрелище способна раскрыть зрителям “глаза души”, тем более это способна сделать теория, философское умозрение, которая обращается не к аффектам (в которых человек не владеет собой), а к способности рассудительного понимания. Только натренированный аскетической практикой мышления ум способен видеть не только это неуловимое “себя” или, как пишет Платон “самое само”, но и другие важнейшие вещи, не имеющие чувственного характера — справедливость, благо, истину, бытие. Платоновский миф о пещере, как его интерпретирует Хайдеггер³ как раз и раскрывает существо пайдейи как по-степенного, пошагового обретения искусственного зрения, более важного, чем зрение естественное. В этом смысле пайдейя как “руководство к изменению всего человека в его существе”⁴ предполагает постепенное привыкание к свету бытия, вхождение во все более размыкающийся круг истины как непотаенности. На этом фоне закономерным выглядит следующий вывод Сократа: добродетели как знанию истинного блага может научить только философия, что закрепляет за ней на века право участвовать в воспитании юных душ и считаться высшей формой знания, и это имеет, в том числе, и политические последствия.

Итак, пайдейя предстает перед нами как специфическая практика, техника самообнаружения и неусыпного самоконтроля, позволяющая эллину владеть собой, видеть истинное благо и управлять другими. Прекрасно! Очень легко можно понять воодушевление Фуко по поводу аскетической заботы о себе, но мы рискнем несколько усомниться в радужности педагогических перспектив философии. Возможно, первый скрытый подвох пайдейи — это подвох техничности. Вышколенность и искушенность, в том числе и искушенность в рассуждениях сама по себе еще не обязательно ведет к глубине опыта мысли, в котором “мыслить” отождествляется с “быть”. Уже современники Сократа поставили под сомнение провозглашенный им тезис “знать благо и быть добрым одно и то же”, в том смысле, что знание блага на уровне “техне” не всегда приводит к практической справедливости. В историкофилософской литературе считается хорошим тоном после упоминания этого тезиса давать пространные объяснения в том духе, что Сократ-де имел ввиду тождество бытия и мышления, и что поэтому дурные поступки на фоне изысканных рассуждений о добре лишь свидетельствуют о недостатке истинного знания, не подчиняться которому, если оно у тебя есть, просто не возможно. И все-таки... Алкивиад как печально известный в свое время специалист по техничным спекуляциям самой идеей блага в политических целях, причем отнюдь не благовидных, был учеником не софистов, а именно Сократа. С определенной точки зрения Сократ оказался воспитателем гораздо более опасным, чем софисты, поскольку

³ См: *Хайдеггер М.* Учение Платона об истине // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993, СС. 349-351.

⁴ Там же, С.350.

те вполне осознанно оставались в сфере всего лишь спора о мнениях, в то время как у Сократа молодые афиняне учились приближаться к Истине... или искусно делать вид, что приближаются, мороча голову даже собственному учителю. Вероятно, хорошо чувствуя эту опасность, Платон в своих диалогах раз за разом сталкивает в полемике софистов и Сократа, продолжая по сути дела, Апологию.

Еще один пример того, что искушенность без некоего внутреннего опыта способна производить инверсивный эффект и плодить симуляции мы видим уже на римской почве. Нерон убивает свою мать по политическим соображениям, но пытается из этого дела извлечь также и “катарсический”, если можно так выразиться, капитал — дескать, он почувствовал себя эхилловским Орестом! Неизвестно, поджигал ли этот коронованный театрал Рим из эстетических соображений, но уж во всяком случае, он не преминул воспользоваться пожаром как источником поэтического вдохновения. Фактически, Нерон использовал “театрализацию” морали как способ легитимировать жажду собственного величия. Он по-своему понимает уроки Сенеки и, надо сказать, на свой лад хорошо их усваивает — деятельно заботится о самом себе, устанавливает собственный этос. Поступки Нерона представляют собой гротескный парафраз к стоическим поучениям Сенеки о том, что истинная воля — это воля, направленная на самого себя, истинное желание — желание самого себя. Таким образом, **conscientia** (“совесть-сознание”, понятие, введенное Сенекой в философский оборот) осуществляется Нероном на практике, но не как теоретическое самосознание а как театральное самолюбование. Так что форма театрального катарсиса или стоических рассуждений, лишенная онтологической основы легко превращается в апологию безграничного разврата. При всем при этом Нерона можно упрекнуть в чем угодно, но только не в необразованности. Тем более, что римские оргии — тоже своего рода искусство, хотя бы в силу того, что естество не способно быть таким изощренным. Вот и Нерон всю жизнь испытывал хорошо упакованные аффекты, снабженные таким образом самолегитимацией, вплоть до того, что даже умирал он с театральными восклицаниями: “Какой великий артист погибает!”.

Однако вернемся опять к самому принципу пайдеи и связи философии с ней. Пайдея предполагает институт наставничества, в том числе и философского наставничества в умозрении. Научить мышлению может только тот, кто уже владеет этой техникой (или, в метафорах мифа о пещере, уже видел Солнце-благо и знает путь к нему). Это понятно, но необходимость в наставничестве не столь однозначна. Принципиальным моментом оказывается еще и то, что философ сам нуждается в учениках. И мы вполне можем задать вопрос: зачем Сократу нужен Алкивиад? Вопрос довольно острый, если учитывать, что проницательный Сократ наверняка знал своему ученику цену. Здесь, конечно имеется и чисто прагматический резон: знатный и богатый Алкивиад был для Сократа неплохим покровителем, в той же роли выступали и другие ученики, которые поддерживали учителя материально и даже, как мы знаем, подготовили после суда побег. Но очевидно, что Сократ нуждался в учениках не только по этим соображениям. Этого требовала сама практика мысли — чтобы научиться мыслить самому, нужно научить мыслить другого (к слову сказать, логика, в модифицированном виде имеющая место до сих пор: хочешь заниматься наукой — занимайся преподаванием). Причем по диалогам Платона иногда создается впечатление, что чем большее сопротивление ока-

зывает подвергаемый пайдейе юный собеседник, тем больших высот добивается сократический увещательный гений. У того же Платона в мифе о пещере созерцанием божественного блага задача мыслящего философа не заканчивается. Необходим последующий спуск вниз, в темноту, с тем, чтобы расшевелить остальных, открыть им то, что было от них скрыто благодаря их невежеству. И это не только трогательная в своем самопожертвовании забота о других, это также забота о себе. Ведь философия сложилась как территория “филии”, дружбы. Другой, друг необходим для самой процедуры мысли, для того, чтобы состоялся сам прецедент соперничества за истину. Здесь есть, конечно, специфический оттенок платонической эротики. Есть также принадлежащее Сократу обоснование того, почему другом-соперником должен быть, прежде всего, молодой человек, а не равный по интеллектуальной мощи собеседник — непосредственная наивность, лишенная предрассудков зрелого возраста оказывается гораздо расторопней в поисках истины. Ее задача состоит в том, чтобы своими искренними (а у искренности есть особая сила подлинности) вопросами или ответами провоцировать искушенный ум на дальнейшее движение.

Итак, чтобы научиться мыслить самому, нужно научить мыслить другого. Предельное, даже в чем-то трансгрессивное воплощение этого принципа мы можем наблюдать в политике Александра Македонского: чтобы стать эллином самому, нужно эллинизировать варваров. Перед Александром действительно стояла задача стать эллином и доказать это всем остальным, поскольку в глазах основной массы греков Македонское царство было не только географической, но и культурной окраиной эллинского мира (в частности уклад македонской государственности воспринимался как близкий к восточным сатрапиям, а многие царственные замашки Александра эллины расценивали как откровенно варварские). Македонская империя с ее космополитизмом предвосхищала замысел Европы как культурного, а не национального единства, единства, достигаемого посредством отсыла к греческим культурным формам, а не к некоей природе (именно по этой причине впоследствии деятельность Александра *post factum* оценивалась как положительная, а отношения Александра и Аристотеля идеализировались). Форма отделилась от субстрата и окончательно превратилась в технику “окультуривания”, зачастую насильственного. Почему бы и нет, раз “элин” — не данность, а задание?! Эта процедура военизированного превращения варваров в греков проходила крайне болезненно, причем не только для побежденных, но и для победителей. Привыкшие испокон веков основывать колонии везде, где только можно наладить морское сообщение, греки старались никогда не смешиваться с местным населением, ни этнически, ни культурно. Завоеванные народы следовало превращать в рабов, а не цивилизовывать. Аристотель в своих трактатах по практической философии фактически оспаривает политику своего ученика, доказывая, что приучать варваров к эллинской свободе бессмысленно и даже жестоко, поскольку они — рабы по природе. Но эти усилия уже тщетны — программа быстрой и беспредельной эллинизации состоялась. У Аристотеля действительно был повод считать, что его воспитательская деятельность при дворе Филиппа окончилась полным провалом (даже вплоть до того, что ходили слухи, будто Александр умер, отравленный Аристотелем)⁵. Македонская импе-

⁵ См.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Аристотель: Жизнь и смысл. — М. 1982, С. 192, 197.

рия, вместо того, чтобы объединить полисы в границах одного упорядоченного и потому сильного государства, к чему своего ученика неустанно призывал Стагирит, растянула эти границы до бесконечности. “Беспредельное” для греческой философии фактически являлось синонимом “хаотического”, ведь именно о-пределенность позволяет владеть собственными границами и управлять, привнося и сохраняя порядок, а поэтому считалось неизбежным, что слишком большое по территории государство неминуемо обречено скатиться в хаос. И так считал не один Аристотель. Экспансия эллинской пайдеи постепенно приводит к тому, что Эллада становится фундаментом будущей Европы как проекта, но только в качестве “снятого” прошлого, превратившегося в идеал. Далекий отголосок этих процессов слышен в словах Гете, обращенных к образованной культурной элите его времени: “Каждый пусть будет, по-своему греком! Но только пусть будет!”⁶

Еще один момент, без которого невозможно понять характер философской пайдеи, это внутренняя привязанность философии к проблематике власти. Если посмотреть на темы, которые занимали милетских мыслителей и Гераклита (а значит именно благодаря этим темам философия и возникла как таковая), оставив в стороне привычку толковать их в естественно-научном ключе как некий протоматериализм, то мы увидим, что φύσις, ἀρχή и λόγος роднит между собой не только формирующаяся онтологическая проблематика. Хайдеггер истолковывает φύσις как «самообразующееся владычество сущего»⁷, и к этому истолкованию стоит прислушаться не только как к красивой метафоре. В самом деле, φύσις — не только “природа” в смысле “породы”, и даже не только “естество” в смысле того, что “есть”, но и некая самовластная мощь, движущая всем в подвижном и живом космосе, креативная сила, заставляющая все сущее рождаться, расти и умирать. Близкий смысловой оттенок мы видим и в слове ἀρχή, которое традиционно переводится как «первоначало». Но это — первоначало не только во временном и субстанциальном смысле, но также и “древнее”, “изначальное” и в силу этого “царствующее”. Говоря о “логосе” аналогичным образом не стоит забывать, что это не только “разумная речь”, но и “закон”. В данном контексте можно вспомнить о том, что Гераклит называл логос “правлящей молнией”. Это внутреннее родство бытия и власти совершенно симптоматично всплывает в аристотелевском понятии εὐεργεσία, венчающем собой всю метафизическую иерархию Стагирита и недвусмысленно связанном и с милетской проблематикой ἀρχή, и с платоновым Солнцем-благотворением. Власть, понятая как космогоническая сила, оказывается, таким образом, чем-то вроде атрибута бытия, и только потому, что полис является (или должен являться) неким продолжением и отражением космоса, власть также может толковаться и политически, связываясь с тематикой управления, подчинения, автономии и автаркии. В таком случае, власть — это то, что раскрывается только уму, теории, а значит требует пайдеи. Можно, пожалуй, даже сказать, что “быть, мыслить и властвовать — одно”. Имеется, конечно, ввиду, что властвовать, прежде всего, над собой, но вообще говоря, не только. Подобно тому, как чтобы научиться мыслить самому, нужно научить мыслить другого, чтобы управлять собой, нужно управлять другими. Разумеется, ори-

⁶ Цит. по: Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII – XIX вв.// Античность как тип культуры — М.: Наука, 1988, С. 320

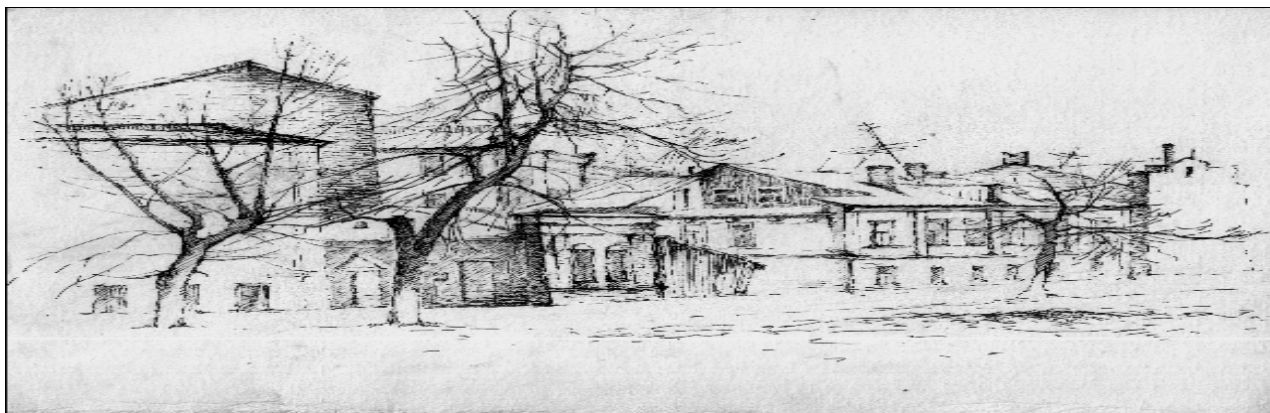
⁷ См. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Глава 3.// Вопросы философии 1989 №9, С. 134

ентируясь при этом на благо. Но, если благо едино, а именно по этому пути пошла вся философская традиция от Парменида через Платона и Аристотеля до неоплатоников и далее, то вполне может статься, что оно окажется тираничным. Уже у Парменида бытие “находится в границах великих оков”, то есть сковано необходимостью неумолимо жестких принципов мысли. Если учесть, что мыслить — то же, что и быть, а путь истины отличен от пути мнения, и в силу этого на пути истины невозможно ложное, мнимое, стоит только уверовать в то, что мы там побывали и лицезрели во всем блеске единое, благое и истинное бытие — и вот уже возникает соблазн построить нечто вроде платоновского проекта идеального государства, жутко тоталитарного по своей природе, так как оно следует тотальности идеи блага. Божественный ум как “энергейя”, мощь, самовластие мысли при техничном подходе может найти проекцию во вполне тираническом режиме или безграничной жажде власти.

Переломный момент в истории Пайдеи наступает тогда, когда эта практика в период эллинизма освобождается от привязки к политическому долгу граждан и оказывается искусством частной жизни. Далеко не одно и то же участвовать в управлении полисом и в управлении империей, и последнее доступно, мягко говоря, далеко не каждому. Поэтому совершенно закономерно, что гражданина сменяет подданный, который перестает ломать голову над тем, что такое справедливое государство вследствие совершеннейшей безнадежности этого мероприятия. Иными словами, подданный апатичен по отношению к государственным вопросам и переносит все свои интересы в частную сферу. В связи с этим процессом принято говорить об “эре индивида”, то есть открытии индивидуальности в поздней философии, в частности, в стоицизме. Фуко видит в этой тенденции безусловно позитивный смысл, приветствуя постепенное освобождение интеллектуала от государственной власти ради власти над самим собой. Досуг аристократа теперь принадлежит безоговорочно только ему самому и это открывает поле для эстетик существования. Хочется отметить, что сами-то античные философы энтузиазма Фуко отнюдь не разделяли. Эра индивида скорее оказывается эрой всеобщего пессимизма. Индивидуальность и идеал частной жизни воспринимаются как капитуляция, съезживание полиса до размеров одного отдельно взятого хозяйства. Забота о себе вынужденно отделяется от заботы о другом и начинается с усталости от себя — римская знать, измученная излишествами досуга начинает философствовать, чтобы окончательно не погрязнуть в разврате. И оптимизма здесь не больше, чем свободы в распространенной в патрицианской среде практике самоубийств, совершаемых с целью улизнуть в ответственный момент из-под властной руки императора. Довольно показателен здесь случай Сенеки, который обосновывает принцип умеренности тем, что неумеренность омерзительна и невыносима (в этом смысле моральное долженствование не подкреплено никакой онтологией), и старается жить, участвовать в политике и даже умереть как стоик (впрочем, несколько двусмысленно то, что Сенека вскрывает себе вены по приказу собственного ученика-императора). Пожалуй, апогей трагического пессимизма можно наблюдать в текстах Марка Аврелия, в которых помимо рассуждений о суетности жизни и недостижимости идеала справедливого правления встречаются и рассуждения о том, что воспитать другого невозможно. Воспитать можно только самого себя. Задача действительно не из легких — быть добродетельным, будучи императором. В этом контексте империя для Марка Аврелия, фактически, становится орудием самоиспытания и

самовоспитания — эдакий героизм и эгоизм в одном флаконе. Интересно, что занятый стоическим самосовершенствованием в масштабах империи философ на троне так и не смог воспитать в себе воспитателя, в том смысле, что его сын Коммод (который по личностным качествам оказался вполне сопоставим с Нероном) за сравнительно недолгий период царствования развалил все то, что успел построить его отец.

Таким образом, у самой философской пайдеи амбивалентная природа и поэтому вполне уместно говорить о ее внутреннем кризисе. Правда, кризис в данном случае, наверно, уместнее понимать не как закат и упадок, а как неустойчивое состояние, шаткую гармонию. Ведь самим философам хватало чувства такта, чтобы не срываться в политические крайности технизации, экспансии или тирании. Возможно, от этого их удерживала собственно философская скромность (та скромность, которой не хватало их ученикам-политикам) — мысль нельзя однозначно присвоить себе и вещать от имени истины, в этом смысле проблематизация, вопрошание приоритетней, чем поучение. Но, как и в случае Ницше, у каждого Заратустры есть своя обезьяна. И эти теневые двойники как раз и демонстрируют всю степень рискованности философского дискурса.

Михаил Богатов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ПОЛИСЕ: НЕПЛАТОНОВСКИЕ СЮЖЕТЫ¹

...и что находится в этом зеркале, насколько искажает оно и какой лик отражается в нем — это можно увидеть лишь собрав воедино всю действительность внутрисюжетных дел, собрав в их единство их бессюжетности. Но даже и тогда вряд ли станет виднее, ибо в это зеркало другой природы смотрится только один...

СЮЖЕТ ПЕРВЫЙ: ХИТРЫЙ ГОСПОДИН ИЗБЕГАЕТ ОЗВЕРЕНИЯ

В известном рассмотрении, предпринятом Александром Кожевным, диалектики раба и господина из “Феноменологии духа” Гегеля, речь идет о трудной, почти неразрешимой (разве что диалектическими средствами) ситуации, в которой господин, поставив на кон свою жизнь в битве с другим господином за чистое признание, выстаивает и выходит победителем, поработав своего противника — другого господина, — и делая, его тем самым, своим собственным рабом. Отныне победившему должно принадлежать безоговорочное признание его господства, но неразрешимость ситуации в том и состоит, что признающий должен быть равен признаваемому в своем господствующем статусе. Господина признает в его господстве лишь другой господин. Иначе говоря: господину биться и рисковать своею жизнью перед лицом раба и во имя взгляда раба не пристало, но именно это в итоге и получается. И нам известен итог этого рассмотрения, в котором интерпретация Кожева, направляемая хо-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-1201.2007.6. Эта статья представляет собой доклад, озвученный на научной конференции “Российский интеллигент: исторические судьбы и цивилизационные перспективы” (1-3 октября 2008 г.) и в несколько измененном виде опубликованный в одноименном сборнике научных докладов (Саратов: Наука, 2008, СС.25-31).

дом мысли Гегеля, говорит о том, что господин становится животным, которое отныне имеет дело лишь с продуктами рабского труда и, тем самым, утрачивает связь с непосредственной действительностью. Фактически, лишенный зеркала в виде признания со стороны равного себе, он оказывается в некоем неом царстве кривых зеркал, под воздействием которых его собственных лик неминуемо преображается — лицо победителя, не пожалевшего собственной жизни, сменяется оскалом самодовольной звериной морды. Отныне — заключают Гегель и Кожев, — это животное сходит с пути истории, которая целиком и полностью переходит под логику поступательного рабского развития. Этот сюжет хорошо известен, равно как известны и его философские и политические последствия, причем последствия эти весьма различны для мышления и политических реалий.

Но что, если в действительности, “в самих вещах”, ситуация эта разрешается радикальным и непредсказуемым (диалектическим мышлением) образом? Что, если господин, поставив на кон свою жизнь и победив в своем противостоянии с другим господином, что, если господин, получив в удел рабов, тем не менее, избегает неким образом ситуации исключительно пассивного прозябания в качестве все больше звереющей потребляющей твари? Что, если господин оказывается хитрее диалектических переходов в понимании истории и, получив в удел тех, кто не способен его в полной мере и на равных признать и зеркально отразить — в целях нападения или же признания, — что если господин воссоздает из подручных ему средств достойное зеркало собственного признания, которое хотя и будет искусственным, тем не менее, позволит удержать завоеванные рубежи от магического преображения его самости в облик сугубо потребляющей скотины?

Что же это за зеркало? Господину, чтобы не утратить своих завоеваний, требуется соорудить из подручного ему материала — из рабов и умений, которыми владеют рабы, — ту блистательную поверхность, которая в полной мере будет способна отразить на своей гладкой плоскости лик неувядающего от победы господства, лик, равный господству. При этом, в самой этой способности должна крыться всегдашняя возможность раскрытия иллюзорности и ненастоящести этого искусственного зеркала: рабы, которые смогут стать равными господину при этом в тот же самый миг должны оставаться рабами. Эта двойственность должна достигаться одновременно в своей разнонаправленности. Раб, которая будет уметь становиться равным господину, должен уметь становиться так, чтобы каждому в полисе было понятно — таким умением никто и никогда господином стать не может. И эта очевидность должна оставаться таковой отныне и присно и вовеки веков. Само же это искусственное созданное зеркало, должно показывать господина в его облике, достигая предельного равенства с ним, совершенно искренне, поскольку в противном случае искусственно будет создано отражение, которое искренне кривит отра-

жаемое. Иначе говоря, у рабов, которые отражают раба в виде господского его признания в качестве равных, у этих рабов на какой-то миг должно наступить осознание равенства с господином как действительного равенства — и именно в этот миг господин получит подлинное признание со стороны равного себе, но при этом сама эта вера рабов в равенство с господином должна покоиться на глубочайшей политической безосновности, на искусственном фундаменте, созданном не желающим озвереть господином.

СЮЖЕТ ВТОРОЙ: НЕОПРЕДЕЛИМОСТЬ ПОЭТА В ПОЛИСЕ

В другом, более известном сюжете, — уже из Платона, — речь идет об изгнании поэтов за пределы полиса за их двусмысленность и неопределенность. Точнее — об их одновременном награждении и изгнании. Традиционно полагается, что это делается исключительно потому, что поэты предписывают богам те человеческие свойства, которые не подобает иметь ни богам, ни людям. Подтверждением тому служит приводимая там же — в “Государстве” — цензорская работа Платона над текстами Гомера. Однако, такое традиционное толкование исключает возможность понять — зачем же тогда награждать поэтов, не проще ли от них избавиться? Если же быть внимательнее, то можно увидеть, что основные претензии и благодарности поэтам Платон выдвигает по другому поводу. Дело в том, что в полисе каждый имеет свое, подобающее ему занятие и эти занятия распределяются между всеми согласно принципу справедливости. Сапожник делает обувь, кузнец — доспехи, скульптор — статуи. Каждый может быть более или менее успешен в этом своем занятии, о чем решают те, кто их трудами пользуется. Сапожник может быть хорошим или же плохим сапожником, но вот в чем ему (равно как и всем остальным) отказано, так это в том, чтобы сапожником не быть там и тогда, когда для жителей полиса и для правителей полиса он — сапожник. Безусловно, сапожник может сменить свою внутриволискую определенность, что действительно и происходит при перемене профессии. Более того, после занятий в мастерской, сапожник становится семьянином, на народном собрании может (представим себе и такое) получить даже выборную должность и т.д. Таким образом, каждый житель полиса может быть определен многозначно и в действительности многозначно определяется. Но нельзя — согласно Платону, — сменить определенность как таковую на отсутствие оной, на неопределенность. Хотя бы потому, что определенность — это самое первое условие, исполнение которого включает человека в полис (делает человека гражданином), постольку, поскольку на него теперь могут ориентироваться другие и брать его в расчет своих дел. Определенность проверяется на деле, т.е. действительно — в том деле, каким занят гражданин. Эта проверка (верификация) чрезвычайно проста и ее может осуществить всякий (или почти всякий) гражданин, имеющий свое дело.

Но поэт оказывается как раз тем, кто лишен своей определенности, ибо на деле (действительно) у него никакого своего дела нет. Говорит он всегда о делах других людей, которые не он сделал. Более того, он тем лучше поэт, чем больше он сейчас погружен в чуждое ему дело, чем ярче он высвечивает свою собственную неопределенность во имя чужой определенности. В этом смысле поэт не двусмыслен и даже не многосмыслен. В этом политическом смысле — с позиции определенности и возможности взятия в расчет остальными на деле — поэт вообще лишен всякого смысла, он бессмыслен. И потому, вероятно, он всегда для Платона будет находиться в том “скудном веке”, в котором он “не к чему” или же “не для чего”. Однако бессмысленность поэта не стоит смешивать с довольно-таки безобидной бессмысленностью маргинала или бездельника, поскольку бессмысленность поэта вводит остальных в иллюзию многозначности и определенности. Поэт изгоняется не за то, что он бессмыслен и неопределен, но за то, что его бессмысленность, неопределенность и политическая бесполезность активна и размывает политическую действительную определенность уже тем, что полагает недействительную (т.е. на деле не проверяемую) определенность для всех граждан полиса. За это поэта следует изгнать, но за что же его при этом следует наградить?

СЮЖЕТ ТРЕТИЙ: НА ТЕРРИТОРИИ БЕССМЫСЛЕННОСТИ

Конечно же за то, что без поэта невозможно становление гражданина. Остается только выяснить статус этого “невозможно”. Речь, вероятно, идет о том, что награждая поэта, правитель признает этим награждением то, чего высказать никогда не сможет: всякая действительная определенность, бытующая в пределах полиса, покоится на бессмысленности, которую своим присутствием в полисе являет поэт. Иначе говоря, полис имеет хоть какой-то порядок не потому, что порядок имеется от природы (тогда бы политика была бы невозможна — ни хорошая, ни какая имеется), но потому что порядок устанавливается из политической бессмысленности признания. В этом смысле поэт все же имеет одно определенное занятие в полисе, он занимается тем, что показывает неопределенность и бессмысленность, он занимается признанием в чистом виде, показывая действительную безосновность любого (и не в последнюю очередь — политического) признания, в то время как в полисе признание политических установлений² распределено по множественности правителем, и именно эта распределенность признания порождает эффект нахождения каж-

---

² О понимании политического установления см.: *Богатов М.* Политическое установление произведения искусства // *Провинция: теоретический альманах “Res cogitans” #5.* — М.: Книжное обозрение, 2009, СС.108-114; более развернутая концепция этого термина в его контексте изложена в: *Богатов М.* Искусство бытия. — М.: Скимен, 2008, §2 [СС.67-93].

дого “при деле”, эффект политической причастности, т.е. действительности того или иного политического строя. Задача правителя — не дать этой распределенной безосновности, признанию, собраться в одном месте, поскольку, чем выше концентрация признания на чем-либо одном, тем ярче высвечивается безосновность любого признания (и здесь уже достаточно просто дать лопнуть тому пузырю признанной напыщенности через элементарный показ ситуации во фразе: “а король-то — голый!”). Сама действительная определенность действительна лишь в силу того, что она есть часть распределенной по множественности безосновности признания. Определенность в полисе есть часть общего удела безосновности; неопределимость в полисе — это концентрация неуделенной, бездельной безосновности всего политического устройства. В этом смысле внутриволисная бессмысленность — это не отрицание политического смысла, но собирание всех политических смыслов в нечто одно, из чего становится видна воочию их безосновность — как раз в полученной бессмысленности. Этим и занимается поэт. На этой же территории, правда, с другими целями, находится правитель. Правитель концентрирует совершенно бессмысленное для внутриволисной действительности, для дел, признание для того, чтобы распределить ее, утвердив, тем самым, тот или иной тип политической действительности и внутриволисной деловитости. В этом смысле правитель занят распределением безосновности одного в действительную основанность (посредством “дельности”) множества. Поэт же утверждает действительность безосновности своим бездействием, как раз тем, что ничего — в собственном смысле этого слова — не “делает”. Для этого утверждения ему достаточно самого пребывания в полисе в качестве поэта; со стороны внутриволисной деловитости само это пребывание поэта кажется чем-то “простым”, как говорит Хайдеггер, “чистым наличием”; на деле, конечно, само это пребывание, ничегонеделание куда сложнее, чем какая-то “дельная” определенность и требует больше усилий (чтобы “просто” поэтом оставаться).

Признание у правителя выступает основанием, с которого политическая действительность становится собой посредством распределения и рассредоточения ее по множеству внутриволисных мест. Признание у поэта остается за ним, оно никуда не распределяется и не рассредоточивается, а потому в признании поэта всегда явно видится та безосновность всякого признания, которая в полисе размазана тонким слоем “действительных дел”.

СЮЖЕТ ОБЩИЙ: ОТ ПОЭТА К ИНТЕЛЛЕКТУАЛУ, ИЛИ ОТ ПЛАТОНА К ЗВЕРЮ

Что будет, если правитель Платона, обрядившись в одежды господина (версии Кожева-Гегеля), воспользуется у поэта как раз тем, за что поэт у Платона из полиса изгоняется, этим концентрированным признанием, лишен-

ным всякой политической действительности? Ведь любой правитель, в силу того, что он правит, уже тем самым распределяет безосновность своего признания на “деле”, а потому ему-то как раз чистое признание, лишенное “дел”, придется впору — в качестве зеркала, по одну сторону которого находится определенность политической действительности, а по другую — нераспределенное и полагающееся не этой определенностью, но точно такое же, в своей безосновности, чистое признание. Не случайно то впечатление, что Платон предлагает изгонять поэта из полиса так, будто поэт представляет угрозу всему полису — и теперь видно почему: потому что у поэта в чистом виде явлено распределенная по полису безосновность признания, признания той же, господской, природы.

Перед нами — воспроизводство другого господина подручными, рабскими средствами. При этом поэт Платона перестал быть поэтом, и стал зваться интеллектуалом, производящим, по мысли Клода Лефорта, интеллектуальные (т.е. не принадлежащие ни одному “делу”, а посему, с позиции Платона, совершенно — даже филологически — бессмысленные) произведения. Это является указанием на то, что интеллектуал фактом своего присутствия останавливает тупое (но вполне “естественное”) превращение господина в животное, и — будем последовательны — сам ход истории, вместе с ее диалектическими и столь желательными Гегелю, переходами. Тут — безвременное глядение господина в зеркало, созданное из подручных средств, где одно, основывающее политическую действительность признание смотрится в другое, сконцентрированное в своей безосновности. Единственное, чего не может сделать господин по отношению к интеллектуалу, равно как не мог этого правитель по отношению к поэту, — нельзя наделять интеллектуала или поэта своим признанием, чтобы при этом он остался интеллектуальным или поэтичным, нельзя распределить на него часть множественности, поскольку тогда он ментально будет находиться “при деле”, и утратит свойство поверхности, в которую глядя, можно видеть себя. Не случайно, что наделение интеллектуалов “делом” (посредством образовательных программ и грантовой политики) преобразовало их в простых “деловых” людей, функционеров, в которых ни один правитель уже не способен себя разглядеть, если, конечно, правитель сам не стал функционером (т.е. если он еще сохранил наделяемые ему Гегелем черты носителя исторического духа). И не случайно при этом, что роль зеркала чистого признания пришлась на тех, кто вновь не способен быть “при деле”, на тех, с кем “невозможно договориться” — не случайно, что полис сегодня противостоит не поэту, не шуту, не интеллектуалу, но фигурам эмигранта, террориста и им подобных. И при этом каждому сапожнику в полисе понятно, — в той мере, в какой он сам находится “при деле”, т.е. в зависимости от того, какое ему уделено распределение безосновности господства признания, раскрывшись в виде “настоящести” и “действительности” (“всамоделишности”),

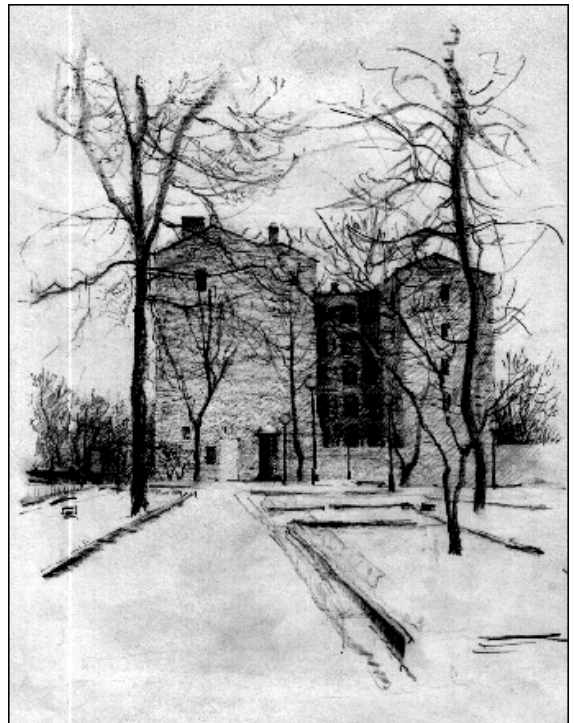
— так вот, каждому сапожнику понятно, что зеркало, пусть даже и самое точное, в сравнении с “действительным” господином есть не что иное, как уродливая бездушная стекляшка, и достаточно одного удара по этому зеркалу со стороны “действительного” господина, как оно расколется на тысячи осколков. И далее, сапожнику, не вникающему в диалектические тонкости, не понятно, что полис погрузится во тьму и станет берлогой мрачного зверя, но даже и эта перспектива сапожника не напугает, лишь бы он был “при деле”, при своих сапогах, которые, как он небезосновательно полагает, “будут всегда”.

Интеллектуалы останутся в полисе и станут подручными средствами для отражения звереющего оскала действительного господина. Наказанием для них то, что они остались. А вот награды ждать не придется — даже в виде венка на голову или на могилу. Платон это бы понял, но никогда бы не принял. Если оставление поэта в полисе у Платона поэтизировало власть (и указывало, тем самым, на всю пустую “надутость” политически действительного), то оставление интеллектуала в полисе сегодня озверяет мышление, приостанавливая озверяющее отупение власти, погрязшей в потреблении продуктов труда своих рабов. И тогда интеллектуал приговорается на показ подлинного лика своего и общего господина. Если зеркало отражает мыслью и в него смотрится господин, то мысль эта — согласно диалектике раба и господина — будет звереть и отупляться, становясь мыслью потребительской. Такой поэт — если бы речь шла о поэте, а не об интеллектуале — породил бы такие произведения, которые казали бы — помимо воли самого поэта — чистую безосновность признания, в котором покоится нынешний одинокий господин. И тогда бы никакой сапожник, да и вообще любой находящийся “при деле”, не смог бы разобратся с подобными произведениями, предпочтя им радостное шествие в берлогу к господину с разбитым зеркалом. И если это происходит, то находящиеся “при деле” оставляют интеллектуалов им самим, поскольку совершенно не в силах собрать воедино всю безосновность распределенного по множественности, и потому наделенного определенностью действительного. И что находится в этом зеркале, насколько искажает оно и какой лик отражается в нем — это можно увидеть лишь собрав воедино всю действительность внутривополисных дел, собрав в их единство их безосновности.

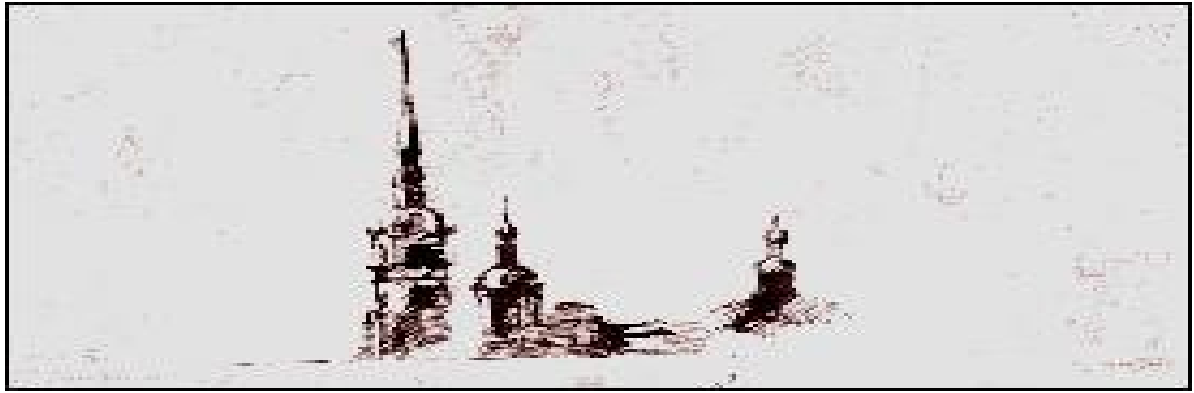
Но даже и тогда вряд ли станет виднее, ибо в это зеркало другой природы смотрится только один.

ТЕМА УНИВЕРСИТЕТА

Казимир Твардовский

О ДОСТОИНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО *БОРИСА ДОМБРОВСКОГО*

Академический Сенат Познаньского Университета по ходатайству Совета Гуманитарного Отделения принял дня **21. V. 1930** единогласное решение, дающее

Проф. Др. Казимиру Твардовскому

Проф. Унив. Яна Казимира

звание

Доктора Философии **h.c.**

за научные заслуги.

Выполняя решение Сената, во Львов выехала Делегация Познаньского Университета в составе: Проректор Проф. Я.Сайдак, Декан Гуманитарного Отделения Проф. Л. Якса-Быковский и Промотор Проф. С.Блаховский.

Дня **21** ноября **1932** г. в Зале Университета Яна Казимира в присутствии Его Величества Ректора, Сената, состава Профессоров, Представителей духовных и светских властей, а также большого числа студенческой молодежи проходило торжественное присуждение ученой степени доктора и вручение диплома.

После приветствия Делегации Познаньского университета Его Величеством Ксендзом Ректором А.Герстманном, речь произнес Проректор Познаньского университета Проф. Я.Сайдак, подчеркивая значение окраинных университетов, которые на рубежах Речи Посполитой являются источником и опорой культуры. Таким окраинным учреждением на Востоке был и является Университет Яна Казимира, таким учебным заведением на Западе стремится быть Познаньский Университет. Поэтому между этими Университетами имеет место быть сердечная связь, доказательством чему являются почетные Доктора Познаньского университета в составе Профессоров Университета Яна Казимира: О.Бальцер, Вл.Абрахам, Эд.Порембович, К. Твардовский...

В свою очередь Проф. С.Блаховский как Промотор представил научные и педагогические заслуги Проф. К. Твардовского и зачитал диплом.

Проф. К.Твардовский в ответном слове на речи поблагодарил Познаньский университет за выражение памяти о нем и прочитал лекцию о достоинстве Университета, которую мы полностью издаем.

1. Я до глубины взволнован. Вся гамма самых высоких чувств наполняет мне душу. И хотя сильное волнение мешает говорить, я хочу выразить то, что движет мною в этот торжественный момент, поскольку так предписывает не только обычай, но также и внутренняя потребность.

2. Итак, мне кажется, что надо всеми обуревающими меня чувствами верх берет во мне чувство горячей благодарности Гуманитарному Отделению и Академическому Сенату Познаньского университета за столь высокое чествование, столь исключительную награду, которую решено присудить мне. Во всем мире присуждаемое университетами звание почетного доктора считается и признается одной из самых высоких наград, каковые вообще существуют. Причем по двум причинам. Во-первых, высокая степень этой награды имеет свое основание в самом своем содержании. Действительно, могло бы показаться, что никакого определенного содержания в ней нет, поскольку ею одачивают как ученых, так и художников, государственных мужей и военачальников, а значит лиц, проявляющих активность в самых различных направлениях. И все же все эти, самого различного типа, почетные доктора обладают определенным общим качеством, единым их с дословным значением выражения "доктор"; как бы там ни было, а "*doctor*" - это *is, qui docet*, а значит учитель. Следовательно, кого Университет награждает, и тем самым удостоивает звания почетного доктора, о том, по-видимому, он судит, кто для других может служить образцом, кто может своим примером учить, как следует себя вести в данной сфере жизни. А быть образцом и приводимым в пример — это неизмеримо большая честь. Таким образом, действительно, уже из самого содержания почетного доктора следует высокая степень этого звания.

3. Но существует еще второй повод, который звание почетного доктора превращает в столь исключительно большое вознаграждение. Ведь величина каждой почести зависит не только от нее самой, но также и от того, кто наделяет ею. А в этом случае ее присуждает Университет.

Сколько бы я не произносил слово "Университет", делаю это — признаюсь — с определенным чувством. Действительно, минуло уже много лет с тех пор, как я впервые встретился с этим учреждением; на протяжении почти столетия я мог в нем освоиться сначала как студент, затем как учитель; несмотря на это и по сей день я столь же живо чувствую большое достоинство Университета, как и тогда, когда с гордостью в сердце оказался университетским обитателем. Это достоинство проистекает не только от седого возраста и славных традиций учебного заведения, носящего это имя, оно имеет свой источник в самой идее Университета, которая утвердилась с течением времени и которая определяет его функцию, каковую он должен исполнять в общественной жизни современного человечества и различных его национальных групп. Согласно этой идее, задачей Университета является нахождение научных истин и правдоподобий, а также формирование искусного их обнаружения. Поэтому как с содержательной точки зрения, так и с методической точки зрения корнем и ядром университетской работы является научное творчество. На Университете лежит обязанность открытия всё новых научных истин и правдоподобий, а также совершенствование и распространение способов, которые позволяют их открывать. Из этих усилий вырастает здание научного знания, объективного знания, которое требует признания исключительно потому, что оно обосновано в соответствии с законами логики, и которое навязывается человеческому разуму единственно, и вместе с тем, необоримо силой аргумен-

тов. Именно в том проявляется объективный характер научного исследования, что оно не воспринимает приказов из какого-либо внешнего источника и не хочет служить никаким побочным воззрениям, но своими господами считает единственно опыт и рассуждение, и что у него только одна задача: поиск надлежащим образом обоснованных истинных суждений или, по крайней мере, наиболее правдоподобных.

Служа этой цели, Университет действительно сияет достоинством, изливающимся на него от громадной значимости выполняемых им функций. Ведь он несет человечеству свет чистого знания, обогащает и углубляет науку, достигает все новых истин и правдоподобий – одним словом, он создает самые высокие интеллектуальные ценности, каковые могут выпасть на долю человека.

4. К сожалению, надлежащего понимания этих интеллектуальных ценностей, которые нам дарят научные исследования в виде объективной истины, иногда не хватает. Ибо кто действительно заинтересован в этой объективной истине? Она колет очи, становясь преградой несметным устремлениям, которые могут достичь своей цели только при том условии, что старательно будут обходить истину. Поэтому ее смело подделывают, в лучшем случае ее замалчивают. А, однако, точно так же, как результаты научных исследований все эффективнее избавляют нас от телесных недугов, так и целый ряд моральных недугов, терзающих человечество, исчез бы или значительно был бы ослаблен, если бы ими захотели заняться с позиции объективной истины. Сколько бы ненависти, разделяющей человечество на страстно борющиеся лагеря, потеряло бы под ногами почву, если бы попытались спорные вопросы, являющиеся очагом этой ненависти, рассматривать научным образом! Ведь тогда или удалось бы эти вопросы решить объективно, или убедились бы, что различные противоположные мнения являются равным образом лишены основания, а поэтому никакое из них не имеет права требовать для себя послушания. Следовательно, объективная истина, и даже само тщательное стремление к ней приносит успокоение в споры и борьбу противоборствующих мнений и, устрняя то, что возбуждает людей друг против друга, дает им то, что их примиряет и делает доброжелательными. Тем самым служение объективной истине приобретает этическое значение и может всё в большей степени становится настоящим благословением человечеству.

5. Обо всем этом часто забывают. А с этим фактом обычно соединяется второй, а именно — недооценка самой науки. По-разному ее воспринимают в различных сообществах. С этой точки зрения у нас дело обстоит не самым худшим образом, но также и не самым лучшим. Огромная значимость науки, в общем, не столь повсеместно и глубоко воспринимается, как это происходит в некоторых других странах. В этом смысле показательно то, что польский язык не содержит выражения, которое значило бы то же самое, что и французское "*science*" и немецкое выражение "*Wissenschaft*", поскольку, говоря о науке, можно иметь в виду также и обучение, а выражение "научное учреждение" одинаково хорошо обозначает как институт, предназначенный для исследовательской работы, так и школу, предоставляющую некоторые знания или подготавливающую к определенным навыкам. В этой языковой особенности находит отражение тот факт, что усилия, направленные на получение объективных знаний, и сами эти знания не выделились в сознании нашего народа достаточно выразительно как своеобразные ценности и блага культурного созна-

ния. И эта недооценка исследовательской работы и ее результатов переносится также и на учреждения, которые выполняют эту работу; в дальнейшем следствием такого состояния дел могут быть тенденции, направленные к отрицанию совершенно исключительного положения Университета в обществе, к усмотрению в нем обычной школы, учреждения, должного обучать наравне с целым рядом общеобразовательных и профессиональных школ. А между тем Университет призван служить научной истине, объективному знанию, а также совершенствованию методов исследования, он, прежде всего, должен учить научному мышлению как именно такому мышлению, которое ведет к знанию и истине.

6. Возможность выполнения присущих Университету задач обусловлена его абсолютной духовной независимостью. Духовной — ибо материально Университет, если он не опирается на собственные силы, всегда будет зависим от тех сил, которые дают ему финансовые основания для существования и выделяют ему средства для работы. Но те, кто основывает Университеты и содержит их, продемонстрировали бы совершенное непонимание сущности Университета, если бы захотели в чем-либо стеснять его работу, загодя быть предубежденными против определенных ее результатов, указывать, какие результаты были бы желательны. И если бы даже результаты научной работы Университета не нравились тем, кому он обязан своим существованием, то в этом нельзя было бы усматривать позволения для наложения на него каких-либо уз, для применения каких-либо ограничений. Ведь научные исследования могут развиваться и приносить плоды только тогда, когда ничем не связаны, когда им ничто не угрожает.

7. Имея полное право требовать, чтобы его духовная независимость не была никем нарушена, а, следовательно, имея также полное право защищаться против всех явных или коварных попыток подвергнуть его научную работу чьему-либо контролю или распоряжению, Университет одновременно обязан также и со своей стороны избегать всего, что могло бы эту независимость подорвать или хотя бы создать видимость уступок каким-то влияниям или устремлениям, не имеющим ничего общего с научным исследованием и его целью. Он должен ограждать себя от всего, что не служит добыванию научной истины, должен придерживаться надлежащей дистанции между собой и потоком ежедневной жизни, который пронесется мимо его стен гулом сталкивающихся общественных, экономических, политических и всех прочих течений; среди борьбы и конкуренции этих разнообразнейших течений Университет должен оставаться непоколебимым, как морской маяк, что среди разбушевавшихся волн своим светом указывает кораблям путь, но никогда этот свет не погружает в сами волны. Если бы так случилось, свет погас бы, а корабли остались бы без путеводной звезды.

8. Так понятое достоинство Университета и так понятая его независимость, во всяком случае, не лишают его влияния на саму жизнь, они лишают его только непосредственного и поспешного влияния, воздействующего на повседневные дела, но зато обеспечивают другое влияние, более продолжительное и глубокое, влияние, которое Университет оказывает постоянным выказыванием объективной истины как цели, к которой нас ведут наши потребности и познавательные усилия, объективной истины как беспристрастной путеводительницы, которая одна может дать добросовестные указания в мучительных теоретических и практических проблемах — насколько вообще создание для

себя обоснованного мнения в сфере подобных проблем не превышает способности нашего рассудка. Следовательно, это продолжительное и глубокое влияние, это единственное влияние, которое может оказывать на общество преданный своему призванию Университет, идет двумя путями: как бы там ни было, а Университет — это не только работающие в нем в статусе профессоров и доцентов научные работники, но также студенты, обязанные научиться искусству мыслить и работать научно. А результаты проводимой в Университете научной работы, не только преподаются с кафедры студентам, но также оглашаются на весь мир в научных публикациях. Таким образом, этими двумя путями, обучением молодежи и оглашением научных работ, Университет осеняет все общество, распространяет взгляды и убеждения, которые никто никому не навязывает в качестве догм, которые никто никому не вменяет в качестве программ, но сила которых содержится исключительно в их научном обосновании.

9. Тем самым Университет выполняет неизмеримо важную воспитательную задачу по отношению к собранным в его стенах студентам. Не следует воспитательную задачу Университета усматривать в том, чтобы он создал душу молодежи по определенному общественному или политическому образцу, чтобы развивал в ней определенную линию и определенную манеру отношения к практическим целям жизни. Эти воспитательные задачи должны ориентироваться — если вообще они могут выполняться — на другие факторы. Воспитательное воздействие Университета заключено в пробуждении и углублении в молодом сознании понимания огромной важности, которой обладает для человечества объективная истина и работа по ее нахождению; молодежь должна возжелать как можно активнее содействовать её нахождению, должна научиться избегать всего, что может затемнять объективную истину и затруднять работу по ее нахождению. Обладая же пониманием ценности научной истины и питая в отношении к ней надлежащее почитание, молодежь охотно будет усваивать для себя искусство осторожного и критического подхода ко всяким проблемам, стремясь к их объективному решению; она не столь будет склонна к их решению в соответствии с симпатиями и антипатиями в чисто субъективном духе, ибо наполнится убеждением, что наиболее подходящим методом выбора между противоборствующими взглядами является и всегда останется именно тот метод, которым пользуется наука. Одним словом, молодежь, овеянная научной и исследовательской атмосферой Университета, вместо того чтобы подчиняться прекрасно звучащим лозунгам и попадать в сети разнообразных ловцов душ человеческих, научится во всем отыскивать объективную истину. А убедившись, что в каждом деле есть только одна объективная истина, молодежь найдет в устремлении к ней общее основание, на котором, несмотря на возникающие в ней разногласия, примется за работу. Это общее основание устремления к объективной истине объединит молодежь, находящуюся под различным влиянием, отодвинет на задний план то, что ее может разделять и, таким образом, примирит и объединит вначале центробежные силы. Итак, любовь к объективной истине и постоянное стремление к ее достижению должны стать мощным фактором, воспитывающим из молодежи людей, взаимно понимающих друг друга и снисходительных, способных к такому сотрудничеству, в котором интересы дела берут вверх над личными, общий интерес над индивидуальным.

10. Таким образом понятая воспитательная работа профессора и доцента Университета не является для них чем-то чуждым и внешним, но сливается с их преподавательской работой, состоящей в выработке у студентов искусства мышления и научного исследования, и эта преподавательская работа имеет своим основанием собственную исследовательскую работу учителя. Итак, в одно сплетаются три направления деятельности профессора и доцента Университета, образуя в своем соединении полноту сущности их профессии.

11. На профессии и тем самым положении профессора и доцента Университета сказывается достоинство учреждения, в стенах которого они посвящают себя своей профессии. Университетский преподаватель, прежде всего, является слугой объективной истины, ее представителем и глашатаем среди молодежи и общества. Это служение уважаемо и неизмеримо почетно, но одновременно оно требует не только соответствующей интеллектуальной подготовки и подходящих профессиональных знаний, но также большой закалки духа и сильного характера. Кто становится под знамя науки, тот должен отречься от всего, что могло бы сбить его с пути, указываемого этим знаменем. Следовательно, он, прежде всего, должен напряженно работать над отрешением от всяких предрассудков, которые могут препятствовать ему в пути, ведущем к объективной истине, и которые берут свое начало в традициях, в обычаях, во влиянии окружения, в личных пристрастиях и отвращениях. Так же, как преподаватель должен перебороть в себе все наклонности, которые заставляли бы его относиться предубежденно к своим ученикам, и оказывать одним меньшее, а другим большее предпочтение, так и тот, кто целью своей жизни выбрал для себя нахождение и распространение научной истины, никогда не должен стремиться к тому, чтобы именно это, а не другое решение научной проблемы оказалось верным, чтобы исследование привело скорее к такому, нежели к другому результату. Он должен с одинаковым удовлетворением приветствовать каждое решение и каждый результат, которые, благодаря своему обоснованию, признаются наукой.

12. Одной из наибольших опасностей, угрожающей занятию такой независимой, свободной от всяких предрассудков позиции по отношению к объективной истине, является внутренняя принадлежность, не только формальная, к таким организациям, которые приказывают своим членам разделять определенные убеждения или, по крайней мере, вести себя так, как будто они их разделяют. Кто стремится верно служить такой организации, тот отрекается от своей духовной независимости, тот загодя будет питать отвращение ко всему, что этим приказным убеждениям противится; тот легко поддастся соблазну пренебречь аргументами, говорящими в пользу принятия фактов или взглядов, не согласных с этими убеждениями, — и если, несмотря на все, он будет вынужден их признать, то готов это сделать, скрывая свои мысли, и не пожелав в них смело признаваться, хотя как профессор, что дословно означает "приверженец", обязан это сделать. Упомянутая опасность, как известно, не является одинаково опасной для всех областей научных исследований. Есть направления поиска объективной истины столь отдаленные от всяких житейских дел и вместе с тем так методически разработанные, что нет опасения в том, что якобы какие-либо ненаучные взгляды могут их извратить. Зато другие научные вопросы так переплетены с текущими интересами и так тесно связаны с нашей эмоциональной жизнью, что тот, кто стремится их рассматривать исключительно под углом объективной истины, должен решиться дей-

ствительно на героические усилия, дабы не позволить столкнуться себя с единственно верного пути, указанного научным методом. Но даже представитель такой области исследований, которая менее всего подвержена побочному влиянию, не может быть преданным членом никакой из охарактеризованных выше организаций, поскольку, будучи таковым, он может быть втянут в тяжёлые конфликты, если какая-то из них поднимет голос не в отдельных вопросах науки, но вообще в делах науки, ее независимости, ее роли и задачах в жизни народов и человечества.

13. Памятуя о своей высокой миссии профессор и доцент Университета, стараясь изо всех сил выработать в себе необходимые для ее выполнения внутренние условия, будет также избегать всего, что могло бы вызвать предположение о том, что якобы объективное знание не было ему путеводителем в жизни и работе, а тем самым могло бы подорвать доверие к его максимально научной беспристрастности. Следовательно, он и не будет деятельным в таких сферах, доступ к которым обусловлен уступкой определенным доктринам, лозунгам, программам, которые не только не являются результатом научного исследования, но в сознании, сформированным методами подобного исследования, должны пробуждать далеко идущие сомнения или вообще представляться ложными. Требование, чтобы слуга объективной истины воздерживался от всего, что могло бы поставить его под подозрение, якобы он не ставит ее выше всего, может показаться чрезмерным постулатом; но кто действительно видит цель жизни в нахождении и распространении объективной истины, кто действительно является, как это говорится, человеком науки, ученым в наиболее полном и наиболее прекрасном значении этого слова, тот сможет быть глухим к нашептыванию различных амбиций и защититься от соблазна играть какую-либо роль там, где вообще речь не идет об истине, но о власти, о влиянии, о должности, о почете и титулах, или попросту о деньгах!

14. Поэтому от людей науки, каковыми являются профессора и доценты Университета, не нужно требовать, чтобы они вращались в сферах, не приличествующих их достоинству, не нужно их обвинять в отсутствии гражданского чувства, если они этого не делают. Ведь и от художника не требуют, чтобы он трудился вне своей мастерской и не обвиняют его в том, что он живет исключительно ради своего искусства, ради своего творчества. Такое, конечно, считается самым нормальным явлением, и даже желаемым; ведь создавая прекрасные вещи, художник служит своему народу и обществу. Точно так же [поступают] и профессор, и доцент Университета, отыскивая научную истину и распространяя ее устно и в напечатанном виде.

15. Но как каждый, кто создает позитивные ценности, так и профессор, и доцент Университета служат не только собственному обществу и являются не только гражданами своего народа и государства. Они принадлежат великой державе ученых, распростертой среди всех цивилизованных народов земного шара. У этой державы нет писаных законов, в ней нет никаких исполнительных органов, наделенных какой-либо физической силой; становясь ее гражданином, никто не клянется ни в лояльности, ни в верности. Все это излишне; место внешних и принудительных средств, охраняющих богатства этой державы, занимает безоглядная любовь к объективной истине, сознание ответственности за ее безукоризненность, а также чувство солидарности, связывающее тех, содержанием жизни которых стала наука. И если бы это чувство со-

лидарности было надлежащим образом развито, то граждане государства ученых могли бы еще больше, чем теперь послужить всему человечеству, а тем самым и собственным народам и государствам. Но если мы хотим когда-нибудь дождаться развития столь прекрасного чувства солидарности, охватывающего всех людей науки, а значит также профессоров и доцентов всех Университетов мира, необходимо это чувство старательно лелеять и возвращать, нужно избегать всего, что ослабляло бы его и саму солидарность среди профессоров и доцентов даже одного и того же Университета, что разбивало бы его в пользу и во имя каких-либо иных солидарностей, совершенно чуждых науке и поискам объективной истины и ее распространению. Ибо только для устремления к этой истине и для ее распространения есть место в святыне знаний, каковой является Университет.

16. Быть призванным к труду в этой святыне знаний — большое счастье. Ведь ни в чем не найти более продолжительного и более чистого удовольствия, чем в бескорыстном поиске научной истины. Но самое большое удовольствие из этого источника, как кажется, черпает тот, кто, ища эту истину, одновременно задумывается как над ней самой, так и над наиболее совершенными методами ее достижения. Это является задачей философии и поэтому философия среди наук занимает центральное место. Делая предметом своих исследований саму истину, освещая ведущие к ней пути, создавая теорию научного познания, философия становится союзником и предводительницей всех, кто в какой-либо области человеческих поисков стремится к истине. Она пробуждает в нас критицизм, который оберегает нас от слепого подчинения авторитетам, от удобного удовлетворения милых нам интеллектуальных привычек, а также от излишнего доверия к нашему человеческому, столь сильно ограниченному разуму; она наказывает нас домогаться ясности и точности везде, где речь идет о научной аргументации, наказывает перебарывать всякого вида неясности мысли, которые стремятся своей возрастающей мглой заменить схватывание подробностей и прозрачность целого; она учит нас пересматривать многочисленные понятия, используемые в точных науках без проникновения в их глубину, и позволяет нам осознавать не менее многочисленные предпосылки, которыми мы руководствуемся в рассуждениях и действиях обыденной жизни, в ее ежедневной практике. Как известно, в этой области знаменательным для философа является то, что он не останавливается на исполнении более или менее добровольно выбранных действий, но он задумывается и над тем, что делает, он делает свое поведение и свои побудительные мотивы, методы и цели предметом собственной рефлексии.

17. Поэтому, задумываясь над своей работой в Университете, над ее принципами, методами и задачами, я утвердился в том убеждении о его роли и значении, которое и постарался сегодня выразить. А так глубоко чувствуя достоинство Университета, ставя столь высоко должность профессора Университета, я прекрасно осознаю как исключительно значима награда, которую я могу сегодня принять по решению Познаньского Университета и его профессоров, из рук его Представителей, в которой содержится столь почетное и одновременно дружелюбное для меня признание моих многолетних усилий в деле распространения философского способа мышления и философской позиции в работе. То обстоятельство, что сегодня я получаю диплом доктора философии *honoris causa* от Познаньского Университета, является для меня источником особой гордости и радости. Ведь я могу о себе сказать, что не являюсь "мест-

ным" поляком, поскольку ни в одной из местностей Польши не родился и не воспитывался, но вне ее границ, на чужбине. Этому факту и влиянию прекрасных Родителей я обязан тем, что вырос поляком, сердцу которого сразу одинаково близкими стали все части нашей Отчизны. И хотя моя работа протекала только в одной из них, я всегда мечтал о том, чтобы воздействовать и на другие ее части. Эта мечта исполнилась особым образом в тот момент, когда исполнились мечты всех нас, в момент воскрешения Польского Государства и в объединении некогда изъятых из него частей. Возникли новые или возродились старые польские Университеты и в них, среди прочих, начали преподавать также мои бывшие ученики, продолжая там дело, которое я сам начал здесь. Через них и я там, в Вильно, в Варшаве, в Познани. И прежде чем там возник Университет, Познань связала меня с собой, назвав меня уже во время войны почетным членом Общества Друзей Наук; сейчас я становлюсь также познаньским почетным доктором, удостоенный этой чести Университетом, о создании которого уже 80 лет назад вспоминал философ Август Цешковский и который служит польской науке и распространяет свой свет в самой старой части нашей Отчизны. Выше всякого выражения моя благодарность; ее выражение я прошу передать университетскому Сенату Господина Проректора, гуманитарному Отделению – Господину Декана, благодаря одновременно Господина Промотора за обращенные ко мне, от сердца к сердцу идущие слова, и за совершение акта, которое столь сильно меня выделяет, ставя в один ряд с мужами, уже обладающими достоинством почетного доктора. И, как тогда, когда сорок лет тому после окончания учебы в университете я впервые получил звание доктора философии, так и теперь, когда это звание я получаю после многих лет работы как отличие и награду, я клянусь, что — до последнего вздоха — буду делать все, что в моих силах, *quo magis veritas propagetur et lux eius, qua salus humani generis continetur, clarius effulgeat!*

Перевод осуществлен с отдельного оттиска:

Kazimierz Twardowski. O dostojenstwie Uniwersytetu / Poznan. Uniwersytet Poznanski. MCMXXXIII (1933)

Пётр Сафронов

“УДАЛЯЯ ВСЯКУЮ ПЕСТРОТУ”:

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Изучение трансформаций отечественной образовательной среды на всех этапах её развития вызывает огромный практический интерес. Неоспоримо центральное положение в ней университетов. Текущее положение дел, характеризующееся слабостью коллективных форм самоорганизации в этой сфере, невозможно понять и объяснить вне исторического контекста. Можно уверенно предположить, что свойственные российским академическим интеллектуалам слабость саморефлексии и пассивность, отражающиеся в конечном счёте на продуктивности собственно исследовательской работы, имеют глубокие корни. После 1917 года численность преподавательской корпорации возросла многократно, но её самосознание стало гораздо более расплывчатым, чем до революции. Сформировался восполняющий эту рефлексивную лауну миф, опирающийся на во многом идеализированное представление об устройстве и деятельности высших учебных заведений и их кадрового состава в дореволюционную эпоху¹.

В основе разговора об академическом сообществе в России лежит неустрашимое подозрение по поводу его возможности. Причиной этого выступает недоопределённость сообщества в повседневной организации научно-образовательной деятельности, невоплощённость её в наборе совместно разделяемых техник и правил поведения. Существование академического сообщества до сих пор остается возвышенной иллюзией или недостижимым образцом, вместо того чтобы стать системой практик. В действительности же вместо сообщества мы имеем более или менее аморфную массу работников умственного труда, которую мы и называем академической средой. Характерным при-

---

¹ Следует отметить, что в последнее время появляются работы, свидетельствующие о том, что процесс развития отечественной университетской историографии набирает силу. См. напр.: Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. — М., 2000; Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи. — Казань, 2003; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. — М., 2006; Никс Н.Н. Московская профессура во второй половине XIX - начале XX века. — М., 2008; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. ТТ. 1-4. — М., 2002-2003. Тем не менее перечисленные работы не совсем свободны от идеализации предмета изучения.

знаком элементов академической среды является маниакальная подозрительность в отношении любых вариантов практического преобразования сложившейся ситуации. Академическая среда России представляет собой очаг сопротивления модернизационным процессам, причем сопротивления парадоксальным образом организованного в риторике модерна².

Решающий шаг в осмыслении реальных проблем современной университетской среды будет сделан тогда, когда произойдет переход от психологизирующих описаний отдельных личностей к анализу типичных форм (само)организации научного сообщества в его прошлом и настоящем в их политической, социально-экономической, культурной обусловленности, к социологии академического пространства. Развертывание данной исследовательской программы требует обеспечения доступности основных источников по истории русского университета, к числу которых, несомненно, относятся проект об учреждении Академии наук, указ об учреждении Московского университета, университетские уставы XIX столетия. Надо понять, какое прошлое сделало возможным такое настоящее.

***

В 1834 году по случаю открытия университета святого Владимира киевский генерал-губернатор получил от товарища министра народного просвещения уведомление с передачей царского повеления окрасить открываемое учреждение “тем цветом, каким окрашен Зимний дворец в Санкт-Петербурге, то есть под дикий камень, заметив, что этот цвет, удаляя всякую пестроту, есть самый приличный для большого здания”³. Приведенный памятник бюрократической переписки свидетельствует о состоянии высшей школы в дореволюционной России лучше иного объемного трактата. Доходящая до самых незначительных мелочей зависимость от верховной власти, отсутствие развитого самоуправления, безынициативность местной администрации — всё это неизменные составляющие университетского вопроса в Российской империи. Университет был детищем монархии, пусть не самым любимым, но опекаемым с железной неукоснительностью. Он был создан и возвращен ею буквально на пустом месте. Иначе говоря, “университет ... не был вызван сознанием общества в необходимости высшего образования: его учреждала Верховная Власть для образования полезных деятелей на поприще государственной службы”⁴.

При таких условиях каждая попытка членов университетской корпорации заявить о своих правах принимала форму отстаивания тех или иных привилегий, связанных с чиновным званием. Уже в первые годы существования Московского университета стало заметно размежевание между академическими и бюрократическими интересами. Немногочисленные русские профессора вступили в яростный спор со своими иностранными коллегами по поводу занятия мест в университетской конференции (совете), требуя, чтобы места рас-

² Нас призывают к познанию, однако только к познанию прошлого (“традиций”, “достижений” и т.п.), забывая о том, что университетское дело вершится здесь и сейчас.

³ Киевский университет. Документы и материалы. 1834-1984. — К., 1984. С. 17.

⁴ Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. — Саратов, 1893. С. 45.

пределялись по старшинству службы, а не по факультетам⁵. Тем самым корпоративный дух постоянно подавлялся законами чиновничества. Система дарования служебных преимуществ (ношение шпаги, зачетные учены в службу, казенный кошт) зачастую применялась и для привлечения в университеты слушателей⁶. Фактическое отсутствие питательной общественной среды приводило русские университеты к постепенному замыканию внутри собственных стен.

Благое желание Ломоносова сформировать преподавательский состав высшей школы из числа её собственных воспитанников⁷ с течением времени выродилось в огромную, неповоротливую, работающую на холостом ходу машину аттестации научных кадров. Причем присвоение ученых степеней опять-таки соединялось с представлением об обеспечиваемых ими чиновных привилегиях, строго соотносимых с Табелью о рангах. Ревниво охраняя престиж этих привилегий, ученое сословие всячески тормозило процесс ротации научно-преподавательского состава, что приводило к катастрофическому кадровому голоду⁸. “Вечной” проблемой русских университетов стал недостаток докторов наук⁹.

Трудности, с которыми было сопряжено развитие высшего образования в России, оказывались столь велики, что вызывали у наблюдательных современников устойчивое ощущение упадка университетов¹⁰. Сходное мнение возникало не только у представителей формирующейся общественной среды, но и у наиболее проникательных представителей государственной власти. Так, например, либеральный министр народного просвещения (в 1861-1866 гг.) А.В. Головин с горечью замечал, что университеты превратились в “питомники чиновников”¹¹.

Но, спрашивается, как они могли стать чем-то другим, если правительственная политика в области образования стремилась к тому, чтобы уничтожить саму возможность возникновения самостоятельного духа научного сообщества? Принцип академической свободы был весьма далек от воплощения в реальной жизни русских университетов. Известный деятель николаевской эпохи, министр народного просвещения (в 1833-1849 гг.) С.С. Уваров недвусмысленно утверждал, что “зло превыше всех прочих” заключено в мнении, будто “студенты составляют отдельное сословие, имеющее свои виды, свой голос и даже свои права”¹². Отказывая учащимся в праве сознать себя как единое целое, правительство неминуемо должно было отказать в таком праве и учащим, то есть преподавателям. Единственным показателем научной работы,

⁵ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. Репринтное издание. — М., 1998. С. 56.

⁶ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. — СПб., 1902. С. 61.

⁷ См. об этом: История Московского университета. Т. 1. — М., 1955. С. 25 и далее.

⁸ См. об этом: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII-1917. — М., 1994; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. — Л., 1983.

⁹ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 59.

¹⁰ См. напр.: Глинский Б.Б. Университетские уставы. // Исторический вестник. 1900, т. LXXIX. С. 324-351. С. 350.

¹¹ Цит. по: Соболева Е.В. Указ. соч. С. 178.

¹² Цит. по: Рождественский С.В. Указ. соч. С. 261.

обладания статусом ученого служило формальное наличие ученой степени¹³. Не приходится удивляться равнодушию преподавателей ко всему, что так или иначе выходило за пределы их служебных обязанностей. Эта беда обнаружилась тотчас после основания первого русского университета в Москве. Куратор И.И. Шувалов “жаловался на учителей и профессоров за недостаток деятельности”¹⁴.

Изменить что-либо в сложившейся ситуации правительство могло и в действительности постоянно пыталось только доступными ему административно-бюрократическими средствами. Важнейшим среди них было, разумеется, нормативное регулирование высшего образования, центральным элементом которого в XIX веке стали сменявшие друг друга университетские уставы **1804**, **1835**, **1863** и **1884** гг. Хронологическая последовательность уставов часто превращалась в “естественное” основание университетской историографии¹⁵. Обещая значительную аналитическую простоту, такой метод вместе с тем затемняет преемственность в осуществлении государственной политики в области высшего образования. Преемственность, парадоксальным образом наиболее отчетливо выступающую как раз в её колебаниях.

С этой точки зрения, нормативное регулирование университетских дел следует осмысливать в перспективе реакции имперской администрации на всё возрастающее общественное внимание к данной тематике, которое в свою очередь стало следствием ускоренного развития гражданской активности. Переломной точкой является рубеж **1850-1860**-х гг., сопровождавшийся острой публичной полемикой вокруг проекта нового университетского устава. Сам устав **1863** г. как бы завершает одну фазу в истории русского университета и начинает другую¹⁶. Принципиальное отличие заключается в публичном характере, который теперь принимает полемика вокруг университетского вопроса¹⁷. К числу заметных свидетельств нового духа безусловно относятся работы Н.И. Пирогова, исполнявшего в **1858-1861** гг. должность попечителя Киевского учебного округа.

Русские университеты, бывшие прежде лишь “копией германских университетов”¹⁸, начинали вести самостоятельное полнокровное существование, опираясь, тем не менее, уже на целый век собственной истории. Развитие университетского дела в России XVIII века сопровождалось постоянной шлифов-

¹³ См.: *Соболева Е.В.* Указ. соч. С. **38** и далее.

¹⁴ *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. **62**.

¹⁵ Так, подход был, в частности положен П.Н. Милюковым в основание его статьи «Университеты в России» в словаре Брокгауза и Ефрона. // См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. **68** полутом. — СПб., **1902**. С. **788-800**.

¹⁶ Вполне закономерно, что в это же время происходит и резкое обновление кадрового состава профессорско-преподавательского корпуса. См. об этом: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. — М., **1985**. С. **109-110**.

¹⁷ Изменилось, безусловно, и “качество” публичности в целом. В упомянутой статье П.Н. Милюкова об этом говорится следующее: “Везде действие проявлялось корпоративно. Везде обнаруживалось понятие о достоинстве, значении и силе корпорации. Так, и поступкам насильственным, нарушавшим общественный порядок (имеются в виду студенческие беспорядки **1861** г. — П.С.), лежало в основании это же понятие, и как бы такой взгляд на коллективную личность корпорации не был бестолков и ложен, он совпадает с развитием мысли о личном достоинстве во всем образованном обществе...”. // Указ. соч. С. **792**.

¹⁸ *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. **335**.

кой тех черт, которые ярко проявились уже при его начале. Заметным отличием русского университета от его европейских образцов было, конечно, отсутствие теологического факультета. Не переоценивая меру идеологической самостоятельности университета, следует всё же заметить, что это, видимо, способствовало определённой самостоятельности суждений¹⁹. Другой родовой чертой русской высшей школы было тесное единство собственно образовательной и исследовательской деятельности, установленное уже в петровском проекте учреждения Академии наук. Вызванное первоначально необходимостью сформировать аудиторию, подготовленную к восприятию новейшего научного знания, оно затем привело к возникновению такого феномена как научная школа или направление, сосредоточенное вокруг университетской кафедры и лица, её занимающего. Следствием этого позднее стал крайний консерватизм вузовской науки²⁰.

Царское правительство было едва ли не вынуждено брать на себя роль активного участника университетской политики. Более того, именно имперская администрация зачастую становилась неожиданным источником наиболее радикальных предложений по реформированию высших учебных заведений. Чего стоит хотя бы тот факт, что в **1860** г. в заседании Главного правления училищ видный сановник, член Государственного совета барон М.А. Корф, выступил с предложением полностью “уничтожить все приемные и вступительные экзамены, предоставить всем желающим посещать лекции и держать испытания на получение ученых степеней”²¹. Вместе с тем, именно представители центральной администрации на местах наносили наиболее тяжелые удары по университетской автономии. Особенно разрушительны оказались результаты деятельности на посту попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого в **1820-1826** гг., последовательно внедрявшего репрессивные методы руководства университетским преподаванием²². Отрицательные итоги погромной тактики Магницкого и его единомышленников Д.П. Рунича, А.С. Стурдзы и др. стимулировали очередной виток в становлении образовательной политики государства, итогом которого стал устав **1835** г²³.

Обсуждение устава **1835** г. в целом носило кулуарный характер, не выходя за пределы узкого круга высшей бюрократии. В еще большей мере это справедливо для документов предшествующего времени. Выработка положений университетского устава **1804** г. происходила в узком составе специального

¹⁹ “Куратор (имеется в виду И.И. Шувалов – П.С.) подтверждал несколько раз Директору, чтобы цензура речей была бдительна и чтобы Профессоры-Ораторы не позволяли себе никаких дерзновенных выражений” // *Шевырев С.П.* Указ соч. С. 151.

²⁰ Так, например, за период с **1880** по **1910** гг. программы университетских курсов не претерпевали сколько-нибудь существенных обновлений. См.: *История Московского университета. Т. 1. — М., 1955. С. 382.*

²¹ *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 362.

²² См. об этом: *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 109 и далее.

²³ Министр народного просвещения в **1824-1828** гг. А.С. Шишков в **1826** г. так охарактеризовал причины кризиса: 1) недостатки существующих уставов, в которых упущена основная цель народного просвещения — “образование приспособленное к потребностям разных состояний”; 2) ограниченность сумм на содержание педагогического персонала; 3) недостаток общего и частного надзора за учебными заведениями; 4) привилегии лицеев и пансионов, отвлекающие юношество от университетов; 5) слишком долгий срок учения в гимназиях и низших училищах. См.: *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 180.

комитета под председательством товарища министра народного просвещения М.Н. Муравьева. Этот же комитет занимался и подготовкой уставов Академии наук и Российской академии²⁴. Проект учреждения Московского университета в 1755 г. был фактически единоличной инициативой М.В. Ломоносова, который подготовил первоначальный текст, и И.И. Шувалова, внесшего в него определённые коррективы²⁵.

В деятельности лиц, причастных к университетскому вопросу постоянно обнаруживается противоречивое стремление добиться создания *национальной* высшей школы *европейского* образца. Наибольшей остроты это противоречие достигло в царствование Николая I, когда одновременно заявлялось, с одной стороны, стремление “основать образование русского народа на тех коренных началах, которые определяются его историей и составляют крепость его жизни”, а с другой — намерение “поднять и поставить университеты в уровень с современной европейской наукой”²⁶. Болезненная реакция правительства на попытки широкого обсуждения университетского вопроса²⁷ только усиливала общее впечатление несостоятельности проводившейся политики²⁸.

При подготовке университетского устава 1863 г. царское правительство внесло значительные изменения в стратегию действий. Проект устава обсуждался в широких общественных кругах. Он был переведен на английский, немецкий и французский языки. По официальному поручению К.Д. Кавелин был специально командирован для изучения постановки университетского образования в странах Европы²⁹. Однако, в конечном счете, подготовка устава сосредоточилась в Министерстве народного просвещения, под эгидой которого работала непосредственно занимавшаяся созданием текста документа комиссия Е.Ф. фон Брадке, а затем особое совещание под председательством графа С.Г. Строганова. В конце концов, возобладал традиционный бюрократический подход к образовательной политике, конкретное содержание которой снова оказалось поставлено в зависимость от личной воли императора и его окружения. Уже в начале 1870-х гг. были предприняты попытки по пересмотру основных положений устава 1863 г. В 1875 г. комиссия под председательством товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова приступила к разработке проекта нового устава, который был вынесен на рассмотрение Государственного совета в начале 1880 г.³⁰ Таким образом, либера-

²⁴ См. об этом: Уставы Академии наук СССР. — М., 1974.

²⁵ См. об этом: История Московского университета. Т. 1. — М., 1955. С. 19 и далее; Кулакова И.П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке. // Отечественные записки, 2002, №2.

²⁶ Шевырев С.П. Указ соч. С. 468-469.

²⁷ Как это было в случае со статьей директора Педагогического института в Санкт-Петербурге И.И. Давыдова “О назначении русских университетов”, опубликованной в журнале “Современник” в марте 1849 г. См.: Рождественский С.В.. Указ соч. С. 262.

²⁸ Весьма выразительно звучит следующее мнение либерального публициста Г.А. Джаншиева: “Едва ли в какой отрасли государственного управления система форменной или официальной лжи была доведена в дореформенное время до такой степени законченности как в области университетской жизни и научного исследования” // Джаншиев Г.А. Из эпохи великих реформ. 5-е доп. изд. — М., 1894. С. 221-222.

²⁹ См. напр.: Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов. // Собрание сочинений. — СПб., 1899. Т. 3.

³⁰ ³⁰ См. об этом: Рождественский С.В.. Указ соч. С. 503 и далее.

лизм устава 1863 г. был по преимуществу внешним. В действительности правительство уже в 1860-е гг. было полно недоверия к принципам университетской свободы и исподволь нарушало его³¹.

***

Проблему университета нельзя смешивать с университетскими проблемами. Первая не сводится ко вторым и не исчерпывается ими, хотя понимание связи между ними является очень важным. Сколь угодно тщательная историческая реконструкция университетского вопроса не может и не должна подменить собой философии университета, которая как раз и занимается проблемой в её целостности³². Упущение из виду проблемы университета как такового чревато утратой ясного представления о месте этой институции в культуре. Университет тогда содержательно живёт на чужих хлебах, но при этом формально претендует на сохранение самостоятельной значимости. Поддержание автономии в таком случае происходит за счёт внеконцептуальных ресурсов: риторических, административных, финансовых. Соответствующая стратегия в краткосрочной перспективе может быть и часто действительно является достаточно эффективной. Однако в долгосрочной перспективе она фактически абсолютно уничтожает своеобразие университета как своеобразного феномена культуры, иногда получая взамен позиционный выигрыш.

Возрождение, возвращение или даже создание заново философии университета возможно только при условии знания о том, чем был университет и о том, чем он не был и/или не смог стать. Университет в императорской России был в первую очередь местом подготовки к государственной службе. К службе государству в той или иной форме фактически готовил и университет советский. В этом смысле и до революции и после неё власть демонстрировала сходное понимание задач университета³³. Университет в России не был и/или пока не смог стать репрезентацией профессионального сообщества. Он всегда оставался не более чем средой, благоприятной в отдельных своих частях, но разобщённой и пронизанной логикой взаимной подозрительности.

Не пора ли признать, что определённая форма существования университета исчерпала себя? Не будет ли борьба за сохранение status quo только маскировкой отсутствия подлинного университетского (само)сознания? Обсуждать подобные вопросы имеет смысл тогда, когда будет открыто и честно признан упадок, переживаемый российскими университетами сегодня³⁴. Университет в настоящий момент не в состоянии указать, что определяет его

³¹ Методы руководства, например, в Киевском учебном округе характеризует документ 1865 г., рекомендуемый “приискать благонадёжного человека, который, оставаясь неизвестным для студентов, мог быть употребляем для наблюдений по указанию”. // Киевский университет. Документы и материалы. 1834-1984. — К., 1984. С. 32.

³² См. напр.: *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. — Минск, 2005; *Ясперс К.* Идея университета. — Минск, 2006.

³³ Примечательно мнение В.И. Ленина, зафиксированное заместителем наркома просвещения М.Н. Покровским: “Ленин отнюдь не собирался расставаться со старым живым аппаратом российских университетов”. (Цит. по: *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. — М, 1988. С. 37). Обращает на себя внимание подчеркнута бюрократическое словоупотребление. Получается, что университет — это прежде всего аппарат, то есть администрация.

³⁴ Тем более, что, как следует из предшествующего изложения, чувство упадка уже не раз сопровождало обсуждение проблемы университета в России.

своеобразие. Вопрос “почему университет?”, “зачем университет?” не имеет сейчас очевидного ответа. Это не означает, что мы в принципе лишены возможности дать на него какой-либо ответ. Но такой ответ может быть дан только в движении вперед в поиске новых форм существования. Движении, памятуя о великом прошлом, но не оглядывающемся на него.

Катализатором движения вперёд, своего рода экспериментальной площадкой могут и должны стать формирующиеся внутри университетов активные группы, связанные воедино совместной разработкой общих проектов³⁵. Организация такого сотрудничества предполагает преодоление любых вариантов логики жёсткого “разделения” на преподавателей и студентов, “взрослых” и “детей”, “начальников” и “подчинённых”. Прежде любого различия в статусах все члены университетской корпорации – коллеги, занятые общим делом. Не существует отдельных “дел” студентов, преподавателей или администрации. Очевидно, что такая концепция имеет предпочтительные шансы на реализацию в небольшом или среднем по размерам учебном заведении.

Университет в целом превращается в своего рода координационное “депо” неопределенного множества проектных групп. Коммуникация между ними может обеспечиваться на основе единых стандартов профессиональной этики, выражающей корпоративное представление о социальной ответственности академического сообщества. Высшая школа в таком случае не столько дает знания, сколько специфическим образом организует обстановку, пригодную для их извлечения из совместной интеллектуальной деятельности. Причем качество знаний оценивается не по их “фундаментальности”, а по качеству удовлетворения познавательных потребностей участников процесса. Такое удовлетворение может быть достигнуто только в процессе доверительного совместного обмена идеями, которые циркулируют в сообществе и одновременно создают основание для его существования.

Состоится ли университет нового типа в России, зависит от того, насколько удастся преодолеть господство старых мыслительных схем. Для этого нужно создавать, развивать и стимулировать практики, в которых будут самоопределяться учёные-профессионалы. Воля к совместности, проявленная в активизме внутри и вне научно-образовательного пространства, должна рассматриваться как главная составляющая университетского образования. Общественный активизм профессионального академического интеллектуала проявляется прежде всего в установке на продуктивную критику действующих оснований и условий воспроизводства своей деятельности. Университет становится актуальной проблемой в работе составляющих его членов. Мерой этой “самоактуальности” является готовность членов университетской корпорации совместно обсуждать болевые точки сложившейся ситуации. Обсуждать, располагая хорошим знанием истории.

---

³⁵ В сходных терминах описывают будущее университета авторы концепции так называемого “академического капитализма”. Однако в их представлении проектная ориентация необходима для извлечения прибыли из университетского “предприятия”, что для нас является второстепенной целью. См: *Slaughter S., Leslie L.L. Academic capitalism. Politics, Policies, and the Entrepreneurial University.* — The John Hopkins University Press, 1997.

Научное издание

Теоретический альманах
"Res cogitans #6"

идея номера, подбор материалов, оригинал-макет, корректура

Михаил Богатов

дизайн обложки, оформление

Наталья Красильникова

e-mail: m_bogatov@mail.ru

home page: mikbogatov.livejournal.com

Подписано в печать 30.12.09
усл.-печ.л. – 13. Гарнитура – Georgia
тираж – 450 экз.

Лицензия Госкомитета РФ по печати: серия ЛР №061701 от 02/04/98г.
© ИД "Книжное обозрение" (Москва)